



2019 Калужское Наследие № 1(5)

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель
Министерство культуры
Калужской области

Автор идеи
А. Д. Артамонов

Главный редактор
Д. В. Кузнецов

Редакционная коллегия;

Н. А. Абакумова
В. А. Бессонов
М. Ю. Бирюкова
М. А. Добычина
О. А. Калугин
Е. В. Князев
Н. В. Марченко
П. А. Суслов
М. А. Улыбышева
Е. Е. Чудаков

Адрес редакции:
248000, г. Калуга, ул. Пушкина, 14
Тел. +7(4842)72-16-18
E-mail: nasledie40@mail.ru

В номере использованы фотографии из фондов
ГБУК КО «Калужский объединённый музей-
заповедник», В. Ларина, А. Никитина,
А. Забродского, В. Легостаева, В. Таранова,
В. Ефимова, А. Рудченко, В. Кирпичникова

Журнал подготовлен в издательстве «СерНа»
Тел. +7(910)914-95-30
Макет, компьютерная вёрстка *С. И. Захаров*
Корректор *Н. Г. Любомудрова*

Подписано в печать 12.04.2019
Тираж 999 экз.

Отпечатано в типографии «Наша Полиграфия»
г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126
Лиц. ПЛД № 42-29 от 23.12.99
Тел. +7(4842)77-00-75



На обложке: Здание главного больничного корпуса Калужской губернской больницы, построенное в 1809 году на средства мосальского помещика Антона Семёновича Хлюстина (1732–1809). Ныне – ГБУЗ КО «Калужская городская больница № 4 им. А. С. Хлюстина», Калуга, ул. Никитина, 83.

Считается, что строительством архитектурного ансамбля больницы занимался крепостной архитектор А. С. Хлюстина – Иван Каширин, учившийся в Императорской Академии художеств, в Санкт-Петербурге, но не закончивший её. За ходом строительства наблюдал губернский архитектор И. Д. Ясныгин.

ТЕМА НОМЕРА
210 ЛЕТ ХЛЮСТИНСКОЙ БОЛЬНИЦЕ

НОВЫЙ РАЗДЕЛ
КАЛУЖСКИЙ ВЕСТНИК РВИО

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ
**МЕЧ, КНИГА И КРЕСТ: ДАРЫ БОЯРИНА
Б. М. ХИТРОВО**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

«Мы живём по заветам лучших врачей России!» <i>Интервью с главным врачом ГБУЗ КО «Калужская городская больница № 4 им. А. С. Хлюстина» Еленой Валентиновной Разумеевой</i>	4
---	---

ЖЕМЧУЖИНА ГУБЕРНИИ

<i>Ирина Малова</i> Богоугодное дело Хлюстина живёт!	8
---	---

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

<i>Алексей Кошелев</i> Наша сила – в верности историческим традициям!	14
<i>Людмила Сёмина</i> Антон Семёнович Хлюстин и его благотворительная деятельность	20
<i>Юрий Холопов</i> Благотворительность как стремление к социальной гармонии	26

К 650-ЛЕТИЮ КАЛУГИ

<i>Виталий Бессонов</i> Древний город Калуга – первое упоминание	38
---	----

ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ

<i>Константин Гавриленко</i> Усадьба Авчурино – история, отражённая в водах Оки	42
--	----

КАЛУЖСКИЙ ВЕСТНИК РВИО

Спасённый памятник <i>Военно-исторический центр в палатах Торубаева</i>	52
--	----

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Галина Массалитина</i> Средневековый Опаков на Угре	58
---	----

ГЕРАЛЬДИКА

Под сенью орлиных крыльев	66
-------------------------------------	----

ГОСУДАРЕВЫ ЛЮДИ

В лето 7130	69
-----------------------	----

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

<i>Татьяна Бессонова</i> Меч, книга и крест <i>Предметы Богдана Матвеевича Хитрово в Калужском объединённом музее-заповеднике</i>	70
---	----

ЗНАМЕНИТЫЕ КАЛУЖАНЕ

<i>Ирина Шмытова</i> Удивительное путешествие <i>К 135-летию Михаила Михайловича Местергази</i>	78
---	----

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЭТЮДЫ

Калужане в Вероне	84
<i>Вадим Востриков</i> Несколько слов о народных промыслах Мосальского уезда	90

ФОТОАЛЬБОМ

Церковь Успения Пресвятой Богородицы в селе Боровенск возрождаемого Ферапонтова монастыря	94
---	----

Уважаемые читатели!

Журнал «Калужское наследие» открывает свой второй годовой цикл номеров. Выходя раз в квартал, в минувшем 2018 году наше издание смогло затронуть значительное количество тем, связанных с родной историей. Лейтмотивами журнальных номеров становились как знаменательные события, имеющие все-российское звучание, значимые объекты культурного наследия, так и отдельные культурно-исторические жемчужины Калужского края. Среди них главное Пушкинское место в регионе — Полотняный Завод и прославленная трудовыми и ратными подвигами Людиновская земля.



В 2019 году мы продолжим знакомство и с важными событиями прошлого, и с нашими земляками, оставшимися в памяти потомков, и с добрыми делами наших предков. Одно из таких дел — построенный 210 лет назад комплекс зданий знаменитой Хлюстинской больницы — колыбели калужского здравоохранения. Об этом жизненном подвиге мосальского помещика Семёна Ивановича Хлюстина рассказывается в публикациях нового выпуска «Калужского наследия», который вы держите в руках.

Большая иллюстрированная статья в рубрике «Знаменитые калужане» рассказывает о выдающемся учёном-калужанине Михаиле Михайловиче Местергази, о его жизни, путешествиях и удивительных зоологических коллекциях, собранных в разных частях света.

И ещё один наш земляк, крупный государственный деятель эпохи первых Романовых, Богдан Матвеевич Хитрово стал героем обширной журнальной публикации, где в контексте сложной духовной жизни допетровской России рассматриваются сделанные им на Калужской земле вклады.

Традиционно «Калужское наследие» уделяет большое внимание истории дворянских усадеб XIX — начала XX веков. В этом номере мы публикуем рассказ о подлинном архитектурном шедевре, ярком образце «калужского ампира» — усадьбе Авчурино, исторически связанной с именами первого российского генерал-прокурора П. И. Ягужинского и выдающегося библиофила А. А. Полторацкого. В нескольких публикациях этого номера отражается историко-культурно богатство Мосальского района. В рубрике «Провинциальные этюды» вниманию читателей предлагается очерк о мосальских народных промыслах, а фото-прогулка в этот раз посвящена восстанавливаемому храму в честь Успения Божией Матери (Свято-Успенский Ферапонтов монастырь) в селе Боровенск.

Это — лишь некоторые из публикуемых материалов. Мы надеемся, что новый выпуск журнала будет интересен всем, любящим Отечественную историю, историю Калужского края и его культурное наследие.

П. А. Суслов,
министр культуры Калужской области

ТЕМА НОМЕРА

«МЫ ЖИВЁМ ПО ЗАВЕТАМ ЛУЧШИХ ВРАЧЕЙ РОССИИ!»

Интервью с главным врачом
ГБУЗ КО «Калужская городская больница № 4 им. А. С. Хлюстина»
Еленой Валентиновной Разумеевой



— Елена Валентиновна, говоря об историческом пути 4-й больницы, волей-неволей сопоставляешь врачей прошлого и настоящего. Как Вы считаете, много ли между ними общего?

— Какие бы сложные исторические периоды не переживала наша страна, какие бы смуты, перевороты в ней не происходили, врачебная помощь людям остаётся вне политики. И недаром в нашем сознании образ врача неизменно соотносится с образом земского доктора XIX столетия, классическим типом медицинского работника, запечатлённым русской литературой, театром, кинематографом. Ведь что объединяет российских врачей прошлого и настоящего, калужских врачей? Общее у них — подлинное врачебное чутьё, свойственное тем, кто борется с людскими болезнями, воспитанность, интеллигентность и, я бы сказала, определённый академизм по отношению к медицине

Мы встретились с Еленой Валентиновной в её небольшом светлом кабинете в здании на улице Болдина, где располагается администрация знаменитой Хлюстинской больницы. Знаменитой потому, что нет, наверное, ни одного калужанина, который бы не знал это старейшее не только в городе, но и в Калужском крае, медицинское учреждение. Да и в целом в России немного найдётся больниц, более старших по времени открытия. В 2019 году Хлюстинской исполняется 210 лет! О настоящем и будущем больницы, о связи нынешней медицины с историческим прошлым, о преемственности поколений калужских врачей — наш разговор.

как науке. Не смотря на вековой или двухвековой разрыв во времени, нашим врачам в равной мере присуща готовность лечить, быть внимательными к пациентам, передавать свои знания тем, кто идёт им на смену.

На мой взгляд, сегодня врачи 4-й больницы по своим манерам, по тону общения с больными очень мало разнятся с врачами прошлого, но, в отличие от предшественников, они вооружены современными знаниями, владеют новейшими технологиями. В этом я вижу чёткую преемственность поколений медицинских работников и, что очень важно, развитие отечественной медицины.

— Старым, историческим, корпусам больницы более 200 лет. Память о прошлом, которую несут эти стены, помогает ли во врачебной работе?

— Я могу совершенно точно сказать: в зданиях старинной

постройки очень хорошая аура. А это крайне важно для больницы. Благоприятная аура существует, это так. И пациенты, и медперсонал её очень хорошо чувствуют. Не смотря на то, что зданиям уже два века и, конечно, для определённых процедур они просто не приспособлены, старые корпуса — наше наследие. И вот что значит хорошая аура, незримая атмосфера: наши работники — врачи, медсёстры, технический персонал — всегда спокойны, работают с удовольствием, умеют разговаривать с больными и вообще вполне комфортно себя ощущают.

— В начале XIX столетия Антон Семёнович Хлюстин, видный предприниматель Калужского края, дворянин, решив сделать что-то доброе для людей и оставить о себе благодарную память, выбрал для вложения средств именно медицину. И действительно память осталась на века. А сейчас есть ли среди наших предпринимателей люди,

сохраняющие порыв к подобной благотворительности?

— К сожалению, мне люди, подобные Хлюстину, пока не встречались, то есть — люди, способные на масштабную бескорыстную благотворительность, на то, чтобы не просто вложить значительные средства в медицинскую сферу, но именно построить что-то значительное для людей по примеру Антона Семёновича. Наверное, это зависит ещё и от общества: может быть, мы недостаточно работаем с нашими предпринимателями, недостаточно внимания к себе привлекаем... Но у нас в планах — создание Попечительского совета. Деятельность его будет направлена именно на разностороннюю помощь больнице.

— Хлюстинская больница не просто мемориальная, самая историческая в Калуге, она ещё несёт и огромную врачебную нагрузку...

— Да, у нас 114 000 пациентов! Представляете? 114 000 пациентов, изъявивших желание прикрепиться к нашей больнице. У нас более двадцати зданий, расположенных по всему областному центру. Шесть больших поликлиник. Женская консультация. Лаборатория. Диагностическая служба и два стационарных корпуса на 215 коек. Больница многопрофильная, в её составе: приёмный покой, реанимация, три терапевтических отделения, в том числе отделение экстренной терапии, отделение эндокринологии, гастроэнтерологии, гериатрии, пульмонологии. А ещё с 1 декабря 2018 года мы открыли паллиативное отделение. Сегодня это очень востребованная помощь. Паллиатив — подход, позволяющий облегчить жизнь опасно больных пациентов, в том числе и путём оказания психологической и социальной поддержки. Ведь даже если заболевание неизлечимо, люди имеют право на достойную жизнь. Кроме того, нередко нужно помочь в психологическом плане и родственникам пациентов. И для этого у нас сегодня есть всё.

— Получается, врачи выступают ещё и как психологи?

— Да! Это не просто уход, это многоплановое лечение. Сейчас существуют методики обезболивания, чтобы человек не чувствовал



Хлюстинская больница. Начало XX в.

страданий и, главное, чтобы он не пребывал в страхе за своё будущее, не чувствовал себя ненужным. По-человечески, это очень важно. И эта помощь сегодня людям крайне необходима.

— А достаточно ли сейчас мест для людей в больничном стационаре? Ещё лет десять назад случались периоды такого наплыва пациентов, что койки для больных ставились даже в коридорах. Настолько всё было заполнено.

— В настоящее время в коридорах у нас никто не лечится. Новейшие методы обследования и лечения больных позволили ликвидировать эту проблему. Но помощь паллиативная остаётся востребованной.

Да и жизнь не стоит на месте. У нас сейчас идёт процесс реорганизации, и в наш большой коллектив вливается коллектив и структура здравоохранения всего Ферзиковского района, который будет присоединён к 4-й больнице.

— Получается, что по сравнению с периодом 200-летней давности, Хлюстинская больница сегодня — это большой многопрофильный медицинский комплекс?

— Совершенно верно. Сегодня в 4-й больнице 734 постоянно работающих сотрудника, 189 врачей, 390 медсестёр, — все заняты, все загружены. Служба персонала работает достаточно интенсивно, и проблем с кадрами практически нет.



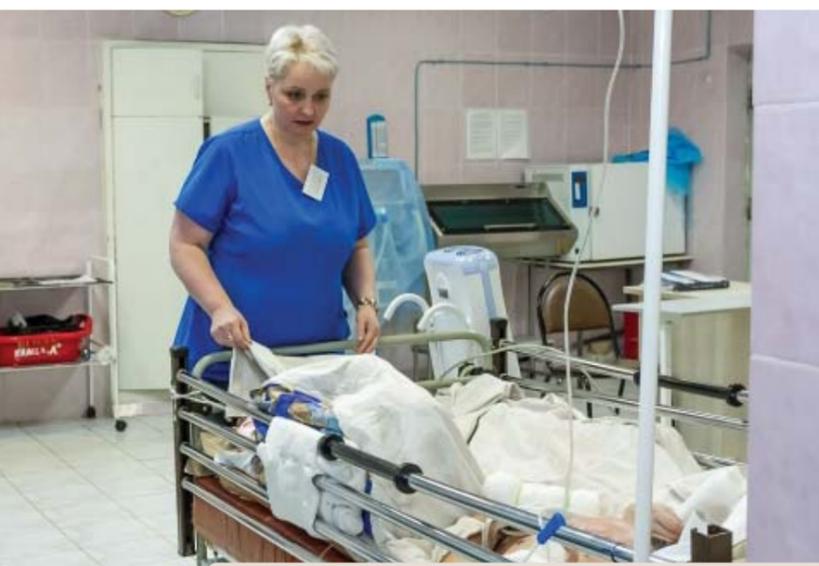
4-я больница. Будущие врачи



Сергей Тимофеевич Байшев проводит занятия со студентами КГУ



Людмила Анатольевна Мельниченко, заведующая пульмонологическим отделением на обходе со студентами-медиками



Старшая медсестра отделения ОРИТ Елена Себалюк на дежурстве

В настоящее время у нас только два свободных терапевтических участка. На 68 врачебных мест, которые сейчас занимают люди преклонного возраста, приходится 69 студентов — будущих медицинских работников. Кто-то из них уже заканчивает учиться.

Следует заметить, что у врачей 4-й больницы растёт достойная смена, ведь у нас очень развит институт наставничества. Каждый приходящий после института молодой доктор получает наставника, который в течение нескольких лет сопровождает его буквально во всех вопросах.

Мы проводим интенсивное постоянное обучение персонала, используя в своей работе непрерывное медицинское образование. Сейчас существует много дистанционных обучающих технологий. По результатам они ничуть не хуже, чем, если бы, к примеру, в Калуге были бы организованы какие-то очные курсы.

Очень важная сторона нашей кадровой политики — работа с молодёжью. В «сферу нашего влияния» входят все окрестные школы. Мы работаем с детьми, начиная с 9-го класса. Служба персонала 4-й больницы, отдел кадров, специалист по связям с общественностью регулярно проводят встречи с детьми, присматриваются к ним, тестируют на предмет возможной работы в медицине.

Ну и, кроме того, у персонала Хлюстинской больницы есть собственный кодекс поведения. У нас очень хорошо работает комиссия по медицинской этике, существуют алгоритмы отношений с пациентами и внутри врачебного коллектива.

— Как бы вы могли охарактеризовать то новое поколение, ту смену, которая приходит к вам сейчас — 18–20-летних ребят, которые только только вступают на стезю медицины?

— Это совсем другие люди. Это люди, воспитанные в условиях, совершенно отличных от тех, в которых воспитывалось старшее поколение медиков. Но они имеют огромное желание научиться, перенять опыт. Одно время у многих моих коллег был скептицизм по отношению к молодёжи, были серьёзные опасения, что наш Калужский государственный университет выпускает врачей — ну, скажем так — не достаточно высокой квалификации... Я с этим категорически не согласна! Любой молодой специалист нуждается в помощи, в товарищеской поддержке. Важно, чтобы помощь была деликатной и грамотной.

Мы участвуем в аккредитационных комиссиях, где происходит отбор новоиспечённых врачей в калужские больницы.

Я была членом двух таких комиссий, — на Медицинском факультете Обнинского института атомной энергетики и в нашем Калужском государственном университете, — которые давали вчерашним студентам врачебную аккредитацию и выпускали в жизнь, к пациентам. Мы набрали 17 человек в прошлом году и нисколько не пожалели: это люди, которые моментально переучиваются, осваивают любые технологии, очень дружат с различными



В поликлиническом отделении № 6 Хлюстинской больницы

компьютерными программами... Вот они — наше будущее.

— Елена Валентиновна, и последний вопрос. Представьте на секунду: Вам каким-то фантастическим образом довелось встретиться с самим Антоном Семёновичем Хлюстиным. Он — человек 200-летней

давности, Вы — человек современный. Что бы Вы могли сказать Антону Семёновичу, спустя два столетия?

— Наверное, я бы выразила ему огромную благодарность и сказала бы, что он заложил фундамент Калужского здравоохранения. Низ-

кий поклон славному предпринимателю от многих поколений калужан. Ведь по большому счёту всё началось с него, он — родоначальник Калужской медицины. И дай Бог, чтобы люди, подобные Хлюстину, всё-таки на Руси не переводились. ❏

Беседу вёл Дмитрий Кузнецов



ЖЕМЧУЖИНА ГУБЕРНИИ

БОГОУГОДНОЕ ДЕЛО ХЛЮСТИНА ЖИВЁТ!

Ирина Малова,

специалист по связям с общественностью

Городской клинической больницы № 4 им. А. С. Хлюстина

Городская клиническая больница № 4 может по праву называться родоначальником всей медицины в Калужском крае. История её богата событиями и лицами, самым примечательным из которых является отец-основатель Антон Семёнович Хлюстин.

Хлюстинской больнице, как в народе называют её и по сей день, в 2019 году исполняется 210 лет. Стены старейших корпусов больницы ещё помнят воинов, привезённых с полей сражений Отечественной войны 1812 года, помнят солдат Первой мировой и Гражданской, помнят солдат Великой Отечественной. За два века «Хлюстинка» переживала подъём и упадок, безбедные времена и безденежье, нехватку мест и врачей, расцвет и забвение. Но во все времена в Хлюстинке работали люди, душой и сердцем жившие медициной, для которых спасение больной — и смысл жизни, и профессиональный долг, и величайшее счастье.

РОДОМ ИЗ МОСАЛЬСКА

Принято считать, что несколько поколений купцов Хлюстиных выросло на Мосальской земле. Один из них — Антон Семёнович Хлюстин

(1732–1809) вошёл в историю Калужского края как благотворитель, жертвовавший из своего состояния огромные суммы на строительство общественных зданий, на помощь обездоленным.

Отставной секунд-майор и кавалер разных орденов, получивший за службу дворянское достоинство Антон Семёнович Хлюстин был в те времена одним из немногих в Калужской губернии помещиков-предпринимателей. Человек весьма состоятельный (ему принадлежало много крепостных в Калужской, Орловской и Курской губерниях), он, не скупясь, тратил деньги на богоугодные дела в родном Мосальске. Однако масштабы уездного городка казались недостаточными, и Антон Семёнович перенёс благие намерения в столицу губернии. В 1802 году Хлюстина посетила мысль, которую он посчитал высшим промыслом — построить в Калуге богадельню для призрения инвалидов и умалишённых.

ВСЁ НАЧАЛОСЬ В 1804 ГОДУ

Преподаватель гимназии и издатель Григорий Кириллович Зельницкий в своём журнале «Уралия» писал: «Имеется предначертанный план к строительству в Калуге инвалидного дома, при коем также предполагается дом для лишённых ума. Здание великолепное и благотворительное, на выстройку коего помещик господин Хлюстин предложил сумму, состоящую более чем из 30 тысяч

рублей, за что через посредство начальствующее и получил уже особое монаршее благоволение».

Размах строительства действительно впечатлял. И не только местный люд. В 1805 году доктор Гун, проезжавший через Калугу в свите графа Алексея Разумовского, в письмах своих к другу, среди прочего, сообщал, что величественный вид сего города из-за Оки поразил его, что полный наряд Калужской купчихи стоит иногда тысяч пятнадцать, что Калужский театр собственных актёров не имеет, а играют в нём актёры князя Козловского, и что помещик Хлюстин строит тут великолепную больницу!

И ДЕЛО ПРОДОЛЖИЛИ СЫНОВЬЯ

К сожалению, до окончания строительства Антон Семёнович не дожил. Завершали его начинание сыновья Михаил и Семён. Благородные дети Хлюстина щедростью пошли в отца и пожертвовали на содержание ещё 10 тысяч рублей, деньги по тем временам немалые. В 1809 году построенное здание вместе с домовою церковью во имя святого князя Александра Невского было передано Калужскому приказу Общественного призрения. Об этом событии писали не только в местных, но даже и в столичных газетах.

Война 1812 года стала первым серьёзным испытанием для Хлюстинских богоугодных заведений. Богадельня превратилась в большой военный лазарет. В Калуге при населении



Слева Хлюстинский корпус Калужской губернской больницы

в 23 тысячи жителей на лечении находились почти 11 тысяч раненых. Калужане предоставили под госпитали свыше 600 своих домов, включая каменный дом городского головы Ивана Торубаева. Умерших от ран героев Отечественной войны 1812 года хоронили прямо за оградой Хлюстинской богадельни.

ИВАН ЗОЛОТАРЁВ ОТДАЛ СВОЙ ДОМ

Однако и в те голодные военные, и послевоенные времена строительство больницы продолжалось. В 1824 году красовалось уже 7 каменных корпусов, при богадельне значилась аптека, регулярный парк и аптекарский сад, где выращивались лекарственные растения на нужды больницы.

Именно в это время появляется ещё один корпус — Золотарёвский.

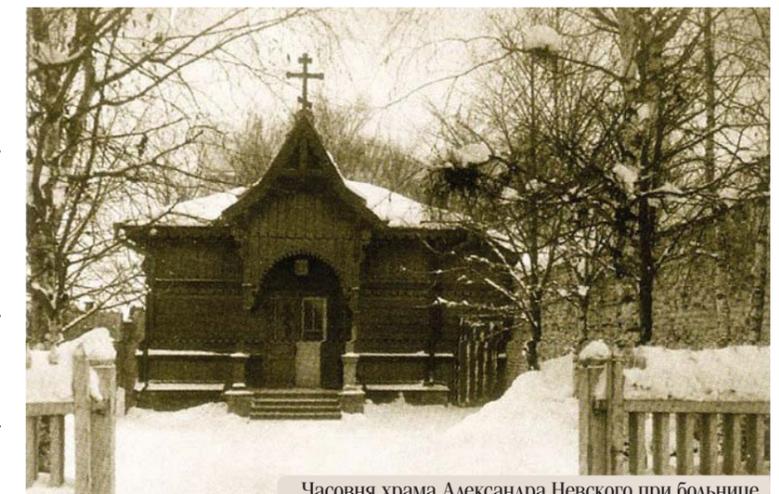
Братья Золотарёвы были одни из самых богатых и почитаемых людей Калуги. Купца 1-й гильдии Петра Максимовича, ставшего в 1814 году городским головой, лично знал император Александр I. Брат его — купец первой гильдии Иван Максимович Золотарёв (1754–1831), в 1824 году пожертвовал свой собственный двухэтажный каменный дом для нужд Хлюстинской больницы и 50 тысяч рублей в Приказ общественного призрения на содержание неимущих. Ещё один пример благородства и гражданской позиции тогдашнего калужского купечества.

4 ВРАЧА И 12 ФЕЛЬДШЕРОВ

В 1834 году был построен главный больничный корпус, куда была переведена больница из Золотарёвского дома, а в нём



Золотарёвский корпус, передан больнице в 1824 г.



Часовня храма Александра Невского при больнице



Роддом. Построен в 1834 г.

разместили дом умалишённых. Позднее земство открыло при заведении медицинскую библиотеку и библиотеку для чтения в больнице.

Росла и расширялась Хлюстинка в основном за счёт меценатов и даров калужан, появлялись новые

хозяйственные постройки и медицинские корпуса. Если в 1823 году на лечении находились 12 человек, то в 1852 году в больнице числилось уже 1875 амбулаторных больных! Несмотря на то, что число постояльцев ежегодно увеличивалось, медперсонал

до середины XIX века состоял всего из 4 врачей и 12 фельдшеров.

КРИЧЕВСКИЙ И ДУБЕНСКИЙ

Старшим врачом Калужского приказа общественного призрения с 1852 состоял Владимир Егорович Кричевский. Интересный факт из его биографии — с октября 1859 и до ноября 1868 года Кричевский был личным врачом Шамиля, находившегося в ссылке в провинциальной Калуге. Владимир Егорович стал инициатором создания в 1862 году Общества Калужских врачей, одного из первых России! Задачей Общества стало улучшение медицинской помощи в Калуге, организация здравоохранения в губернии, повышение квалификации врачей, санитарное просвещение населения. Кстати, в те годы, врачи, желающие повысить свою квалификацию, трудились в Хлюстинских заведениях безвозмездно.

В 1891 году за счёт благотворителей была построена столовая для бедных, при которой членами общества Калужских врачей был организован бесплатный приём больных.

В 1892 году Кричевского на посту старшего врача сменил Иван Иванович Дубенский, оставшийся в памяти калужан, как прекрасный врач и выдающийся общественный деятель. Дубенский славился большим специалистом в области гинекологии и заведовал в Хлюстинской больнице отделением для неизлечимых больных. Помимо этого являлся активным участником Общества Калужских врачей, состоял председателем правления Попечительства о бедных и бесприютных детях, а так же учредил воскресную школу для взрослых. Иван Иванович занимал пост старшего врача Хлюстинки вплоть до своей кончины в 1917 году. В некрологе о нём



Операционная родильного отделения. 1910 г.



Аптека Калужской губернской больницы. Построена в 20-е гг. XIX в. Слева амбулатория



Медицинская лаборатория в Хлюстинской больнице



Обход пациентов в Хлюстинской больнице. 1910 г.



Призреваемые в богадельне Калужской губернской больницы. В центре И.И. Дубенский. 1910 г.

писали: «В лице почившего сошёл в могилу популярнейший калужанин и самый популярный врач. Ивана Ивановича Дубенского знала местная аристократия, но столь хорошо он был известен и средним кругам, а ещё более городской бедноте вплоть до самых жалких обитателей калужского «дна». Широкой популярности

способствовала с одной стороны его солидная подготовка и врачебная опытность, а с другой — громадный запас природной потенциальной энергии, обнаруживающейся главным образом на благо ближних». За время службы И.И. Дубенского Хлюстино из больницы обычной превратилось в благоустроенное заведение.

ПРОСВЕТИТЕЛЬ И ПОДСУДИМЫЙ

Нельзя не вспомнить имя Юрия Александровича Вусовича, человека разносторонне одарённого. Место проректора (патологоанатома) при Калужской губернской земской больнице Вусович получил в 1909 году, в возрасте 27 лет. Коренной калужанин, он получил прекрасное образование на медицинском факультете Московского Императорского университета. Юрия Александровича отличали необыкновенная работоспособность и природная любознательность. Он вёл большую просветительскую и педагогическую работу, преподавал в фельдшерской и фармакологической школе, а также в школе сестёр милосердия, в акушерском техникуме, занимался краеведением. Его книга «К 100-летию Хлюстинских заведений 1809–1909» по сей день представляет большой интерес у всех, кто интересуется историей родного края. Из неё можно узнать, например, что на 6 октября 1909 года в составе медицинского персонала Хлюстинских заведений было 12 врачей, 22 фельдшера, 2 аптекаря, 92 сиделки и 60 служителей. Число больных и призреваемых — 791 человек.



В кабинете старшего врача Калужской губернской больницы И.И. Дубенского. 1910 г.

После революции никуда не уехал. Смирился с Советской властью. Более того, дважды избирался в Калужский городской Совет. Однако в 1938-м был арестован Калужским райотделом НКВД по обвинению в участии в контрреволюционной меньшевистско-эсеровской организации, вредительстве. На допросе признался, что лично завербовал бывшего офицера царской армии Ануфриева. На суде от показаний отказался. И тем не менее был расстрелян. В 1955-м реабилитирован (посмертно) за отсутствием состава преступления.

«МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ...», ИЛИ КОГДА НАЧИНАЮТ ПЕТЬ ХОРОМ — ВСЁ НАЧИНАЕТ РУШИТЬСЯ

XX век прервал мирное течение жизни Хлюстинских заведений. До революции существовали три источника финансирования больницы: бюджет, земство и благотворительные пожертвования. Всё это было разрушено в первые же годы революции. Огромная больница осталась без средств к существованию. Вместе со всей страной пришлось пережить тяготы войны, голод, разруху. Здания ветшали, иссякли запасы лекарств и инвентаря, катастрофически не хватало врачей. К 1944 году, когда был подписан Указ



Ю.В. Вусович

об образовании Калужской области, больница имела плачевный вид. Количество действующих зданий сократилось до уровня середины 19 века. Но Хлюстино продолжало выполнять свою благородную миссию.

Назовём имена только некоторых врачей, чей вклад в развитие калужской медицины трудно переоценить: Берберов, Гейне, Фидлер, Френкель...

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ВОЗРОЖДАЮТСЯ

Сегодня, будучи крупнейшим медицинским учреждением города, Хлюстинка — это коллектив профессионалов, задача которого

развитие системы здравоохранения и сохранение исторического облика больницы.

Возникнув по частному почину и на частные средства, Хлюстинская из скромного богадельного дома в течение столетия разрослась в громадное общественное учреждение с несколькими корпусами.

Свыше семисот квалифицированных сотрудников работают сегодня в больнице. Более 114 тысяч калужан прикреплены к шести поликлиническим отделениям. Ежегодно более 7 000 пациентов получают помощь в восьми отделениях стационара.

Сейчас в больнице функционируют:

- два офиса врачей общей практики;
- центр здоровья;
- женская консультация;
- современная диагностическая служба.

В 2007 году благотворительный фонд «Возрождение» во главе с З.И. Артамоновой проводил в Калуге марафон «Хлюстинская больница — добрая традиция», собранные средства от которого были направлены на ремонт и благоустройство больничной территории. К сожалению, время неумолимо — фасады старинного особняка вновь нуждаются в реставрации. Хлюстинка ждёт своего благотворителя, достойного продолжателя дела Хлюстиных — Золотарёвых. ❏



Выпуск Калужской фельдшерской школы. 1923 г.

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

НАША СИЛА – В ВЕРНОСТИ ИСТОРИЧЕСКИМ ТРАДИЦИЯМ!

Алексей Кошелев,
глава администрации МР «Мосальский район»

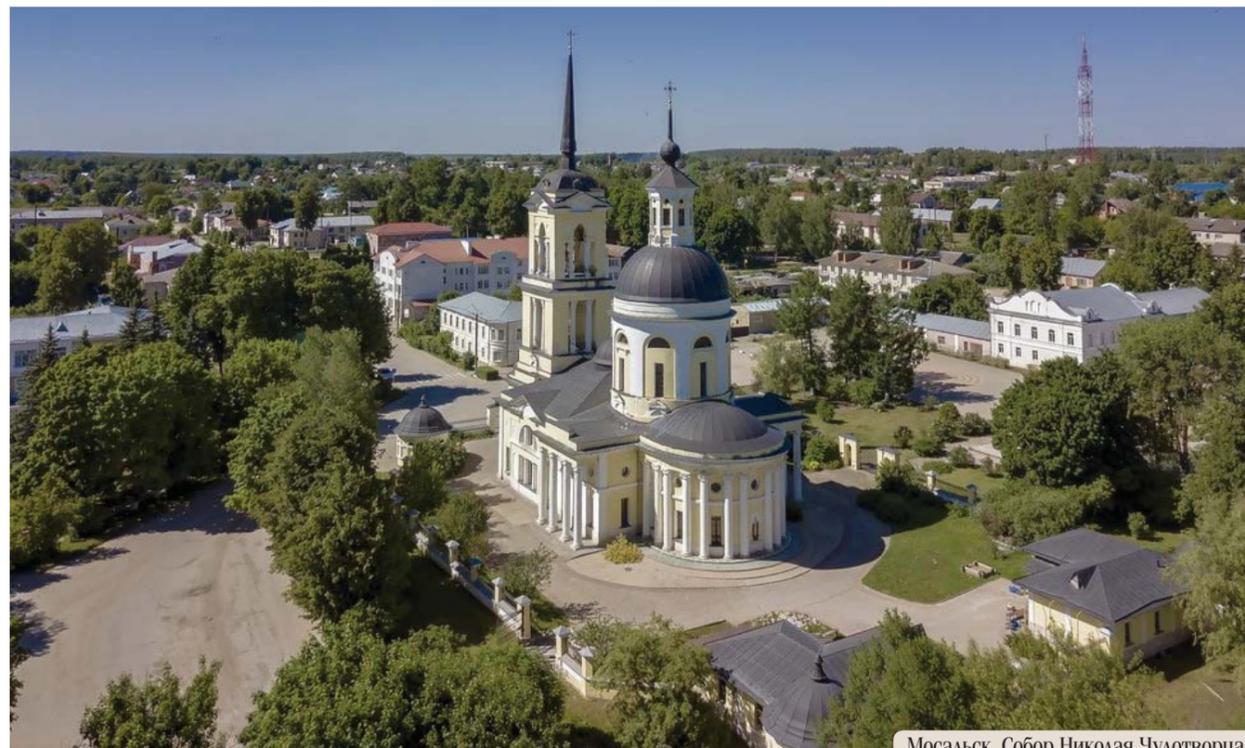
В самобытной палитре историко-культурных и природных богатств Калужского края Мосальск является одним из красивейших городов русской провинции. И, как писал известный краевед, журналист, почетный гражданин Мосальского района, автор многих книг Анатолий Зайцев: «Мосальск — город со своим лицом и психологией, накрепко связанный с землей. И, конечно, с историей». О прошлом и настоящем древнего города, о неизменной связи времён, о перспективах развития своего края рассказал глава администрации МР «Мосальский район» Алексей Кошелев.

История Мосальска берёт начало в глубине веков и насчитывает уже около восьми столетий, точнее — 787 лет! В древности он был центром удельного княжества, в XVIII — XIX столетиях — вторым по величине уездом в Калужской губернии, в настоящее время остается «столицей» не последнего

в нашем регионе сельскохозяйственного района.

Главная достопримечательность нашего города — роскошный собор Николая Чудотворца с двумя приделами, возведённый более двухсот лет тому назад Антоном Семеновичем Хлюстиным, широко известным благотворителем, имеющим

мосальские корни. И сегодня здесь, на Соборной площади, мы проводим различные мероприятия, в том числе народные гуляния, Проводы Масленицы, сельскохозяйственные ярмарки. В этом — возрождение давних традиций, ведь мы должны знать историю родного края, передавать память о прошлом своим детям



Мосальск. Собор Николая Чудотворца



Пешеходная улица в центре Мосальска

и внукам. Здесь же мы чествуем тружеников, фотографии которых размещаются на Доске Почета, провожаем во взрослую жизнь школьников выпускных классов.

В Мосальске немало сокровенных уголков, не подавленных городом, а непринужденно вписавшихся в него. Таков старинный сосновый бор — излюбленное место отдыха мосальчан. Своеобразной особенностью остается глубокая долина речки Можайки с живописными глиняными обрывами, разделяющая город на две части.

Стараясь сохранить архитектурную особенность Мосальска, мы ежегодно выполняем работу по его благоустройству и озеленению. Принимаем участие в различных программах и проектах, направленных на развитие общественной инфраструктуры. Популярной практикой становятся проекты поддержки местных инициатив. Хочется, чтобы у нас было много красивых и уютных мест.

Мы воплощаем в жизнь масштабные проекты по благоустройству тротуаров, общественных мест. Многим пришелся по душе новый сквер в нашем городе, появившийся совсем недавно. В 2019 году будут продолжены начатые ранее работы по благоустройству каскада мосальских прудов.

Новое дыхание обрел городской кинотеатр «Мир». Полученный грант в сумме пяти млн рублей позволил приобрести цифровое оборудование со звукоусилением, кинопроектор,



Открытие кинотеатра «Мир» с модернизированным кинозалом



«Подкова счастья» в Молодёжном парке



Мосальск. Казначейство. Открытка начала XX в.



Мосальск. Фото начала XX в.



Собор Николая Чудотворца в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками

экран, кресла. А уже все остальные работы по ремонту и отделке помещения стали возможны при участии неравнодушных к судьбе города и района жителей, инвесторов. Словом, добрые традиции меценатства не утрачены и сегодня. Так, объединяя силы и возможности, мы создаём, открываем, возрождаем новые культурные объекты. Яркий пример этого — любимый мосальчанами кинотеатр.

У нас создан и успешно работает Совет предпринимателей, который нацелен на развитие комфортной для предпринимателей среды и создание социально ответственного бизнеса. Конечно же, власть и бизнес существуют в тесном взаимодействии. Нужно отметить неравнодушие, участие в жизни района людей деловой сферы. Ведь Мосальск и в прежние времена был славен купеческими сословиями, с помощью которых решалось множество дел в городе и уезде.

Особую благодарность за благотворительную деятельность необходимо выразить руководству и коллективу ООО «Путогино». Предприятие это с 2011 года успешно воплощает в жизнь проекты по возрождению православных храмов на территории нашего района. Так, в 2012 году благодаря усилиям руководителя фирмы Н. М. Артёмовой состоялось официальное открытие колокольни храма Рождества Пресвятой Богородицы

в с. Чертедь. В настоящее время идут восстановительные работы в храме Св. Игнатия Богоносца. Для жителей Путогинского сельского поселения это все очень важно и значимо. Приход серьёзного и ответственного инвестора, образно говоря, вдохнул в поселение новую жизнь. Сейчас здесь полным ходом идут работы по газификации.

С 2014 года успешно ведёт свою деятельность на территории района ООО АТП «Живой источник». Живописные пейзажи нашего края стали площадкой для развития такого направления, как агротуризм. Здесь не только занимаются сельскохозяйственной деятельностью, но и возрождают народные промыслы. В керамической мастерской занимаются производством православных икон для наружного убранства храмов и изразцов малых керамических форм, предназначенных для оформления печей, каминов, интерьеров и фасадов зданий. Так, к примеру, продукцию керамической мастерской можно увидеть на фасаде Мосальского краеведческого музея. Директор предприятия А. С. Кондрашев поддерживает любые благие начинания в городе и районе, оказывая спонсорскую помощь и поддержку.

Архитектурной жемчужиной в парке Мосальского района является Успенский храм в с. Боровенск, где запланированы грандиозные работы



Колокольня храма Рождества Пресвятой Богородицы в с. Чертедь (до и после реставрации)

по его восстановлению. Очень верим, что этот памятник архитектурного зодчества вновь воссияет и станет центром притяжения всех, кто искренне верует в Бога.

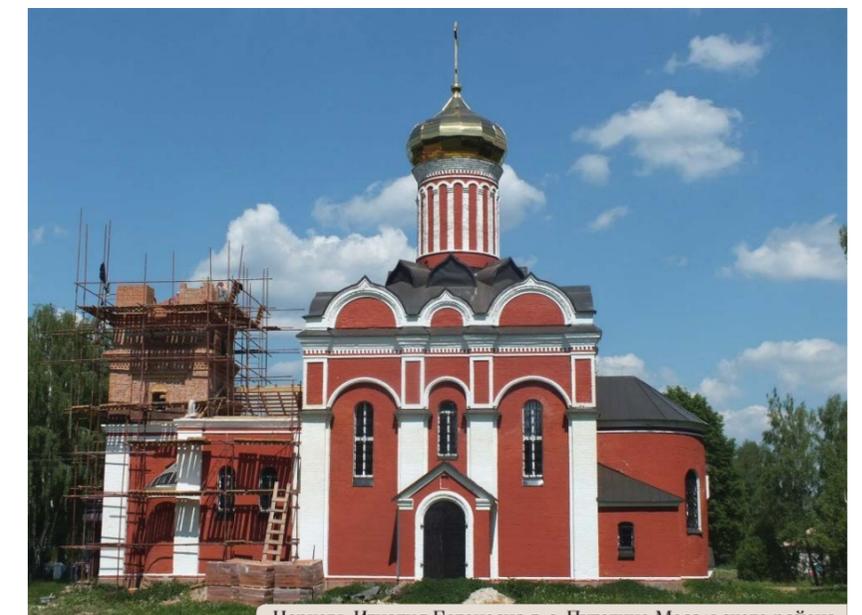
Наш район уникален не только своей природой, историей, но и знаменитыми земляками. С Мосальском связаны имена известных ученых и деятелей искусства. И тот, кто хотя бы раз побывает в Мосальском районе, захочет приехать сюда вновь и вновь, чтобы пройтись по тихим улочкам старинного городка, по центральной площади, которая по сей

день сохранила особую архитектурную ауру, посетить Мосальский краеведческий музей, который расположен в старинном особняке знаменитого купца Богданова, познакомиться с работами художников в картинной галерее.

Мосальчане знают: наша сила — в верности историческим традициям. Мы с большим оптимизмом смотрим в будущее. Не смотря на все сложности и проблемы, город и район наш постепенно развиваются, у людей есть уверенность в завтрашнем дне, а это — самое главное. **ПВ**



Мосальск. Центральная площадь



Церковь Игнатия Богоносца в с. Путогино Мосальского района

20 марта 2019 года в Мосальске прошли I Хлюстинские чтения, посвящённые благотворительной деятельности мосальского помещика А. С. Хлюстина и 210-летию открытия Хлюстинской больницы. Среди участников и почётных гостей: Максимилиан, Архиепископ Песоченский и Юхновский, В. С. Бабурин, председатель Законодательного Собрания Калужской области, П. А. Сулов, министр культуры Калужской области, О. А. Калугин, министр внутренней политики и коммуникаций Калужской обл., З. И. Артамонова, начальник управления социальной защиты г. Калуги, А. В. Кошелев, глава администрации МР «Мосальский район». Прозвучали доклады о жизни и деятельности Антона Семёновича Хлюстина (1732–1809). В рамках мероприятия состоялось открытие выставки, посвящённой 200-летию Никольского собора и восстановлению храмов Мосальской земли. В торжественной обстановке участники Хлюстинских чтений и жители Мосальска открыли в соборе Николая Чудотворца памятный знак, увековечивший имя строителя собора А. С. Хлюстина. Знак установлен на месте предполагаемого захоронения знаменитого мосальского благотворителя, память о добрых делах которого и спустя столетия живёт в сердцах потомков.



АНТОН СЕМЁНОВИЧ ХЛЮСТИН И ЕГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Людмила Сёмина,
заведующая Мосальской картинной галереей,
член Русского географического общества

Такие явления, как благотворительность и меценатство, появились в России очень давно. Ещё в старинных писаниях Древней Руси упоминались факты безвозмездных деяний богатых людей на благо не только отдельных бедствующих, но и на поддержание общекультурных процессов. Но настоящим золотым веком меценатства стал 19-й век, многими исследователями этот век называется расцветом не только культуры и искусства, но и государственности, экономики, религии, общественных институтов, а также морали и нравственности. Не удивительно, что все эти явления проявились не на пустой почве, а при активной помощи богатых людей. Для большинства купцов и фабрикантов России благотворительность превратилась практически в образ жизни, стала неотъемлемой чертой характера. Здесь свою роль сыграл тот факт, что многие зажиточные купцы и банкиры являлись потомками старообрядцев, для которых характерно было особое отношение к деньгам и богатству. Для них богатство — это не фетиш, торговля — не источник наживы, а скорее некая обязанность, возложенная Богом. Фактически они полагали, что обязаны заниматься оказанием помощи. И это не было принуждением. Всё делалось по зову души.

В июле 2019 года будет отмечаться 210-летие со дня смерти А. С. Хлюстина. Пожалуй, впервые в нашей современной истории мы собираемся чествовать человека, прославившего Калужский край благотворительностью и меценатством. Сразу отметим, что это не единственный пример такого рода в нашем прошлом. Известными благотворителями были купцы Богдановы, Мамонтовы, Немчиновы, дворяне Н. Г. Вяземский, А. П. Суходольский, Г. А. Синявин. И этот список можно было бы продолжить. Но масштабы деятельности именно А. С. Хлюстина позволяют ему занять самое почётное место в этом ряду. Показателен и тот факт, что хлюстинское дело продолжили сыновья и близкие родственники. Только церковью необычайно высокого

художественного уровня было возведено более десятка. А ещё были больница в Мосальске, дом для инвалидов и умалишённых в Калуге.

Сказать что-то новое в теме «А. С. Хлюстин и его благотворительная деятельность» автору этой публикации вряд ли удастся. Я лишь попробую взять на себя труд изучить всё написанное такими авторитетными исследователями, как Е. А. Шорбан, В. В. Зубарев, С. Я. Заурдина, Д. И. Малинин, С. В. Безсонов, Е. И. Фридрих, П. А. Богачёв, А. Е. Зайцев и, проанализировав и обобщив достаточно объёмный и часто противоречивый материал, рассказать популярно о результатах в рамках данной статьи.

Откуда в Мосальске появились Хлюстины, неизвестно. Около 1700 года упоминается некий Семён,

давший жизнь нескольким сыновьям, одним из которых был Антон. Дата его рождения называется, как правило, приблизительно — «не позднее 1732 года». Зато известно, что уже в 1764 году молодой купец Хлюстин успешно занимался поставками провианта и фуража в армию. Проливает свет на его биографию и прошение о получении дворянства, написанное в 1792 году. Обращаясь к Екатерине II, Антон Семёнович пишет, что он находился на службе Её Императорского Величества с 1773 года. Надо сказать, что военная карьера его развивалась поступательно и стремительно: от каптенармуса, должностного лица, отвечающего за учёт и хранение оружия и имущества, до секунд-майора. Девять лет беспорочной службы, и А. С. Хлюстин получает офицерский чин, которого

удостаивались по закону лица дворянского происхождения.

О личной жизни А. С. Хлюстина известно, что он был женат, избранницу его звали Наталья Васильевна, и у них было шестеро детей: сыновья Михаил, Николай, Семён и дочери Александра, Елизавета, Екатерина. В конце XVIII века он построил в Мосальске ещё один дом на главной площади города, обустроил усадьбу в селе Любунь (ныне Спас-Деменский район), купил имение в селе Троицком Медынского уезда вместе с бумажной фабрикой. Там же незадолго до своей смерти построил «лазоревый завод» по производству краски для почтовой бумаги повышенного качества.

Церковным строительством А. С. Хлюстин начнёт заниматься в 1765 году, ещё до поступления на службу в армию. Возможно, примером этому послужат купцы Богдановы, пожертвовавшие в 1745 году значительную сумму на строительство каменного храма великомученика Егория вместо обветшавшего деревянного. Антон Семёнович возьмётся за перестройку Никольского собора на Мосальском городище, который потом условно будут называть «старый» Никольский собор. Выбор места для строительства храма на высоком



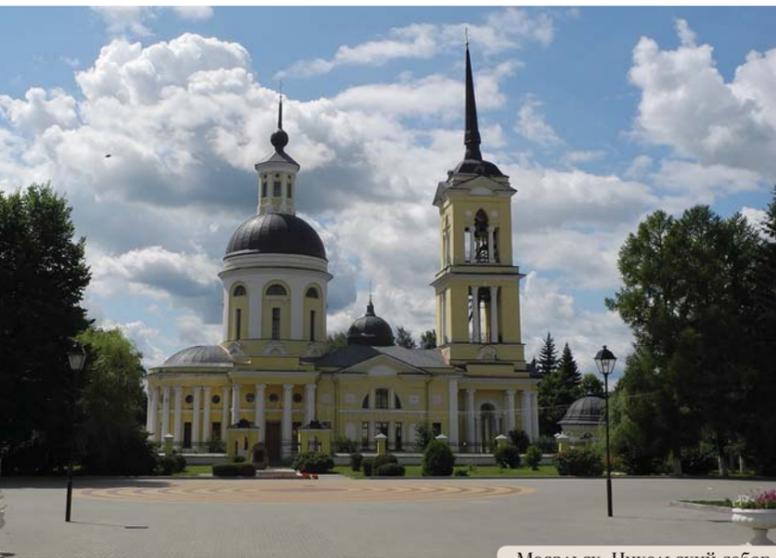
Усадьба Любунь

холме, на котором в то время ещё оставались остатки крепости, был очень удачен. Живописная композиция храмового комплекса хорошо обозревалась с разных сторон. Есть версия, что в 1765 году соорудили только храм, а колокольня появилась уже после службы А. С. Хлюстина в армии. Доказательством этому служат образцы барочной архитектуры, увиденные А. С. Хлюстиным во время службы в Киеве и других украинских городах и применённые при возведении колокольни.

В 1790 году на средства А. С. Хлюстина на западной окраине Мосальска на новом кладбище был возведён каменный храм Бориса и Глеба. Посвящение храма было взято от названия придела старой кладбищенской деревянной церкви Параскевы Пятницы, в котором поминали усопших. Эта старая церковь стояла ранее в долине реки Можайки. Размещение храма Бориса и Глеба на новом месте связывалось с перестройкой города в соответствии с новым регулярным планом 1779 года.



Общий вид Мосальска. Начало XX в.



Мосальск. Никольский собор



Мосальск. Борисоглебская церковь



Мосальск. Церковь Параскевы Пятницы. Начало XX в.

Сооружение не выглядело большим и отличалось изысканным рисунком всех элементов. Красив был и план, выдающий руку опытного мастера. Церковь изначально не была рассчитана на многолюдные службы, не имела трапезной.

В 1806 году А. С. Хлюстин заложит своё главное детище — Никольский собор. Причём и на этот раз в чрезвычайно важном с градостроительной точки зрения месте — в середине центральной площади города на пересечении двух основных улиц. Закладка храма состоится весной, ещё до получения письменного разрешения на строительство. Денег на новый собор у А. С. Хлюстина окажется недостаточно, придётся продать новый дом на площади и взять большую сумму в долг, что, впрочем, по тем временам было достаточно распространённой практикой. Отдавать долги после ухода Хлюстина из жизни будут сыновья и, в основном, невестка Вера Ивановна. Удивительная судьба этого храма подробно описана в книге А. Е. Зайцева «Малиновый звон».

Помимо трёх названных храмов А. С. Хлюстин и его потомки возвели ещё как минимум восемь церквей в сёлах Мосальского, Медынского и Перемышльского уездов. Для осуществления своей храмостроительной деятельности эта семья располагала несколькими профессиональными архитекторами. В XIX веке на Хлюстина работали трое из них: Иван Антонович Каширин, Пётр Иванович Гусев и Ефим Егорович Латышев (Латышов). Старшим по возрасту был крепостной архитектор Е. Е. Латышев. Именно он постоянно фигурирует в архивных документах по строительству церквей в Мосальске и Мосальском уезде, начиная с XIX века.

Следует отметить, что Е. Е. Латышев составлял чертежи не только зданий, но и иконостасов. Это свидетельствует о его чрезвычайно высоком профессиональном уровне. Вообще Хлюстины уделяли исключительное внимание интерьерам в церквях. Для их исполнения нанимались столичные мастера самого высокого класса. Так, например, для изготовления центрального и придельных иконостасов Никольского собора был выбран московский мастер, резчик М. И. Трубецкой. С ним в 1809 году был заключён контракт на огромную по тем временам сумму — 17000 рублей. Иконостасы изготавливались в Москве и затем в разобранном виде доставлялись в церкви. Кстати, первые иконостасы для Никольского собора сгорели во время пожара Москвы 1812 года, затем их выполнили заново.

Возведением храмов не ограничивается деятельность мецената и благотворителя А. С. Хлюстина. В 1802 году он приступил к строительству в Калуге богадельни для призрения инвалидов и умалишённых, называемых в то время блаженными. Поводом к этому строительству послужил, по легенде, сон Антона Семёновича. «Будто яркий свет озарил его с небес, и величественный голос указал оглянуться вокруг и подумать, все ли благостные дела он совершил на этой земле? Все ли долги розданы и достойно ли распределено немалое хлюстинское состояние?... Антон Семёнович шагнул из свечения, и обступила его тьма, из глубины которой раздавались вздохи и стоны. Тут почудилось, что кто-то хватается за полы его домашнего халата. Вгляделся в мрак, а оттуда тянутся к отставному майору сотни страждущих и убогих



Мосальск. Церковь Параскевы Пятницы. 2018 г.



Хлюстинская больница



Семён Семёнович Хлюстин (1810–1844).
Акварель К. Брюллова



Вера Ивановна Хлюстина (Толстая)
(1783–1879)



Портрет Николая Антоновича Хлюстина
(1768–1853)

Выхватывал он в толпе и знакомые лица людей, когда-то оказавших ему помощь, а теперь будто самих в ней нуждающихся. Наутро Хлюстин вышел из дома, как водится, прогуляться по калужским улицам, но был на редкость задумчив и рассеян. Вид нищих на церковных папертях обычно не задевал его интереса, а в это утро вверх Антона Семёновича в уныние. И куда бы ни устремлялся его взгляд, всюду наткался на убогих».

А далее уже не легенда. В 1802 году Хлюстин принял решение и составил письмо А. Л. Львову, калужскому губернатору. «Для усугубления признательности своей к отечеству, даровавшему трудам моим состояние, почитаю себя обязанным... усердие своё к человечеству... умножить...». Он писал о том, что намерен предпринять строительство в Александровской слободе дома для призрения инвалидов и умалишённых. Идею всячески поддержали. В архивах Губернского Правления подыскали даже старый, нереализованный проект усадебного дома, выполненный губернским архитектором П. Р. Никитиным. Надзор за строительством поручили крепостному архитектору Хлюстина Ивану Каширину, обучавшемуся в то время в Академии Художеств. В 1805 году через губернскую столицу проезжал граф Алексей Разумовский. Кирпичные стены богоугодного заведения были представлены ему как новая калужская достопримечательность. Масштаб и размах строительства впечатляли.

В 1810 году заведение состояло из 7 каменных корпусов, включая

домовую церковь Александра Невского, одного двухэтажного и шести одноэтажных деревянных зданий. По сути, это был больничный городок, занимавший целый квартал в конце Новорезжской улицы Калуги. В народе, окрестив однажды, больницу всегда так и называли — «Хлюстинская», навеки закрепив имена первых жертвователей в памяти народной.

С момента своего создания и по сей день больница имени А. С. Хлюстина остаётся важнейшим звеном системы здравоохранения Калуги и области. 27 декабря 2018 года здесь открылась учебная кафедра внутренних болезней Калужского госуниверситета и больнице присвоен статус «клиническая больница». Не так давно в Хлюстинской больнице открылось и паллиативное отделение, в котором находятся неизлечимые больные. Символично, что возглавляет этот многофункциональный медицинский комплекс

наша землячка Елена Разумеева, как и А. С. Хлюстин, уроженка Мосальска.

Жизнь А. С. Хлюстина оборвалась в 1809 году. Все незавершённые его дела продолжили дети: штаб-капитан Семён Антонович, надворный советник Михаил Антонович и действительный статский советник Николай Антонович. На завещанные отцом деньги сыновья Семён и Михаил построили в Мосальске, рядом с Борисоглебской церковью, больницу, которая вскоре получила статус уездной. В решение многих вопросов внесла заметный вклад и ставшая в 1810 году вдовой после преждевременной смерти мужа, Семёна Антоновича, Вера Ивановна Хлюстина, урождённая Толстая, двоюродная тётя писателя Льва Толстого.

Прошло 210 лет, как Антон Семёнович Хлюстин покинул этот мир. Но добрая память о благих делах этого человека пережила столетия. ❏



Мосальск. Земская больница

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК СТРЕМЛЕНИЕ К СОЦИАЛЬНОЙ ГАРМОНИИ

Юрий Холопов,
краевед, член Союза писателей России

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

Калуга в конце XIX — начале XX вв. буквально изобиловала различными благотворительными организациями. Благотворительная система России и губернских городов находилась под контролем государства. Ещё во второй половине XVIII века была создана государственная система благотворения, которая имела свой управленческий аппарат, финансы, направления и методы деятельности.

Екатерина II положила начало стройной организации, специально предназначенной для помощи нуждающимся, которая могла бы в каждой губернии заниматься управлением всех благотворительных учреждений и, по возможности, избавила бы правительство от крупных расходов на их содержание. По всей России в губерниях в 1775 г. были открыты приказы общественного призрения — учреждения, в ведении которых находилось управление народными школами, госпиталями, приютами для больных и умалишённых, больницами, богадельнями, тюрьмами и т.д. Там собирались выборные заседатели, которые вели свою работу под председательством государственного чиновника. Приказ общественного призрения держал связь со многими состоятельными гражданами губернии. Здесь был явный расчёт на совместные усилия явдного купца, богатого помещика, православного священника, распорядительного чиновника, сострадательных мещан и крестьян, среди которых тоже были люди с достатком.

В XIX в. в Калужской губернии благотворительные дела не только

выросли в объёме, но и полностью вошли в русло социального развития губернии, что требовало согласованности в действиях всех сословий: дворянства, чиновничества, самогo купечества, духовного сословия и, конечно, тех малоимущих слоёв населения, ради которых всё это и делалось. Именно благотворительность свидетельствовала о постоянно возрастающем уровне общественного сознания в среде лучших представителей состоятельных сословий.

Традиционная помощь купечества бедным жителям городов — уплата за них налогов за жильё, за пользование земельным участком в городе и др. Такая помощь оказывалась как по совместному решению купеческого общества, так и отдельными представителями купеческого сословия. Калужские купцы Масленниковы неоднократно жертвовали на уплату «казённых недоимок за беднейших мещан». Занимались этим и другие представители калужского купечества. Жертвовали также и в пользу погорельцев. Значительная часть купеческих сумм шла на развитие социальной сферы и благоустройство как губернского, так и уездных городов.

ЛИЧНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ОТ ИМПЕРАТОРА

Наибольший подъём благотворительности происходил в период военных действий и после войны, когда надо было тратить дополнительные средства на лечение раненных, содержание инвалидов и сирот. Как известно, после изгнания остатков разбитой армии Наполеона из России в 1812 г. Калужский голова купец Иван Викулович Торубаев

первым в своём сословии был награждён золотой медалью «За усердие» и Благодарственным письмом самого российского императора.

Из Благодарственного письма Александра I городскому голове г. Калуги И. В. Торубаеву от 26 января 1813 года: «За ваше известное нам усердие и труды вознаградили мы вас золотой медалью. Но вы и после того к упокоению калужских неимущих, престарелых и больных пожертвовали двухэтажный дом свой. Признавая такое усердие ваше к общему благу, похвальным изъявляем вам Наше благоволение».

На протяжении всего послевоенного десятилетия калужские купцы ежегодно делали сборы в пользу разорённых жителей Калужской губернии и инвалидов войны.

Двухэтажный дом И. В. Торубаева, построенный им на ул. Духосошешенской (сегодня Старобрядческий переулочек, 4), в 1835 г. стал называться Сиротским домом, где жили дети горожан, потерявшие родителей. Сначала там воспитывались 20 мальчиков и 10 девочек, но в 1847 г. воспитанницы были переведены в Дом трудолюбия, а в Сиротском доме оставлены только мальчики.

Знаменитое калужское купеческое семейство Золотарёвых тоже приняло активное участие в поддержке русской армии в годы Отечественной войны 1812 г., а после неё Золотарёвы вложили немало средств в восстановление пострадавших от военных действий населённых пунктов Калужской губернии (прежде всего Малоярославецкого уезда). В 1817 г. Иван Максимович Золотарёв тоже получил личную благодарность от императора за жертвование инвалидам войны 10 тыс. рублей серебром.

ХЛЮСТИНСКИЕ ЛЕЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Благотворительность касалась всех сторон жизни народа, в том числе, и здравоохранения. В 1802 г. богатый помещик из Мосальского уезда, майор Антон Семёнович Хлюстин заложил в Калуге дом, в котором под присмотром врачей должны были содержаться инвалиды и умалишённые. Впоследствии сыновья жертвователя Михаил и Семён Хлюстины в 1809 г. достроили этот дом, возвели на свои средства рядом церковь во имя Александра Невского и передали новую богадельню в ведение приказа общественного призрения. С течением времени вокруг этого дома и храма стали возводиться на средства других благотворителей больничные учреждения. Они получили название Хлюстинские заведения. Уже в 1824 г. они состояли из 7 каменных корпусов — одного двухэтажного и шести одноэтажных. В том же 1824 г. купец И. М. Золотарёв пожертвовал каменный двухэтажный дом рядом с Хлюстинскими заведениями под городскую больницу стоимостью в 60 тыс. рублей и внёс 50 тыс. рублей на её содержание. Калужане его называли «Золотарёвский больничный дом». Позже это здание было также включено в состав Хлюстинских заведений.

В 1834 г. был построен главный больничный корпус, куда была переведена больница из Золотарёвского дома, а он был обращён в дом умалишённых. В 1869 г. Хлюстинские заведения перешли от приказа общественного призрения в заведывание Калужского губернского земства. В это время в заведениях содержалось более 500 человек. В 1874 г. при Хлюстинской больнице была открыта фельдшерская школа с трехгодичным курсом.

САМЫЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ БЛАГОТВОРИТЕЛИ ГУБЕРНИИ

Самыми щедрыми благотворителями Калужской губернии XVIII — XIX в. были, как правило, купцы старших гильдий. Среди них, как проживавших на территории губернии, так и переехавших затем с семьями в Москву, самыми крупными благотворителями



И. М. Золотарёв



И. И. Антипин

и меценатами являлись Щукины, Третьяковы, Рябушинские, Золотарёвы, Антипины, Билибины, Масленниковы, Фалеевы, Макаровы, Торубаевы, Зюзины, Усачевы, Брюзгины, Молчановы, Карлины.

Причём, благотворительность распространялась не только на своих земляков-калужан. Так, ещё в 1804 г. калужский журнал «Урания» писал о благотворительности калужских купцов Масленниковых, которые ежегодно отправляли нуждающимся в Санкт-Петербурге и других городах бесплатную поддержку разными товарами, которыми загружали целые барки.

Большую помощь калужанам в развитии местного образования оказывали купцы Антипины. Они постоянно жертвовали свои средства на создание новых учебных заведений, открывали собственные библиотеки и книжные магазины. Была и другая помощь, когда купец отдавал свои деньги в руки нуждающимся. Этот, самый древний вид благотворительности, никогда и нигде не фиксировался. Поэтому назвать сумму подобной помощи, которую оказывали калужские благотворители, практически невозможно.

Из воспоминаний протоиерея Д. Рождественского «Нечто из воспоминаний о калужском почётном гражданине I гильдии купце И. И. Антипине» («Калужские епархиальные ведомости» № 8, 1877 г.): «...При возможности своей И. И. Антипин был весьма сострадательен к нуждам бедных. Принимая на себя те или иные подряды по торговле, он имел

при этом всегда в виду обращать известную значительную часть ожидаемой от них прибыли в пользу нищей братии. Каждое утро нищие стекались к дверям его дома и наполняли просторный двор оногo... Перед большими праздниками — Пасхой и Рождеством Христовым — сам ходил по домам беднейших, но стыдливых жителей и раздавал деньги. О бедных семьях Антипин узнавал обычно от приходских священников и за раз обходил 30–40 семей, раздавая по 10–15 рублей...»

Особую роль в экономической и социальной жизни Калуги сыграли банкиры братья Малютины (Михаил, Николай и Павел). Их отец — Семён Семёнович Малютин был родом из Калужской губернии. Предпринимательство этого купеческого



И. С. Малютин



Богадельня и приют Малютиных на Дворянской улице

М.С. Малютин



рода прошло три ступени развития: торговый капитал — производственный капитал — банковский капитал. В 1859 г. в Калуге был открыт первый частный банк России — «Калужский общественный банк братьев Малютиных» (ул. Ленина, 125).

В 1870 г. на завещанные братьями Малютиными деньги, лежавшие в их калужском банке, были открыты и освещены два крупных благотворительных учреждения — богадельня для бедных граждан Калуги (до этого дом купцов Кувшинниковых по ул. Дворянской, ныне ул. Суворова, 117) и училище для бедных сирот мещанского и купеческого сословий. В 1871 г. после эпидемии холеры был открыт новый детский приют с полным содержанием детей. Малютинские деньги также шли (уже после смерти самих братьев-банкиров) калужским церковно-приходским училищам, на содержание притча калужских церквей, Калужскому реальному училищу, женской гимназии, калужанам-погорельцам, городским больницам, на ремонт жилых зданий и проч. После реформ Александра II благотворительная деятельность в губерниях перешла в ведение земства.

В 1883 году в городе Калуге насчитывалось четыре богадельни¹ (в 1908-м — пять) и масса богоугодных организаций и фондов. На средства благотворителей существовали: Попечительство детских приютов (открыто в 1847 г.); Общество вспомоществования недостаточным людям,

стремящимся к высшему образованию; церковное братство св. Апостола Иоанна Богослова; Общество для пособия нуждающимся учащимся; Общество для вспомоществования нуждающимся девицам духовного происхождения, а также три попечительства о бедных — Егорьевское (Георгиевское), Богоявленское и Успенское². Кроме того, в городе работала дешёвая столовая для бедных и ночлежка. Из крупных богоугодных заведений можно было назвать Пятницкую, Пестриковскую, Земскую и Малютинскую богадельни.

ДЕТСКИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Первый воспитательный дом в Калуге был открыт ещё в конце XVIII в. при М. Н. Кречетникове. Но подробных сведений о нём, практически, не сохранилось. Один из первых детских приютов в Калуге появился в 1847 г. Искать благотворителей, присматривать в городе подходящее помещение под приют начал ещё калужский губернатор Н. В. Жуков, но завершать дело пришлось уже другому губернатору — Н. М. Смирнову, а сказать точнее, его знаменитой супруге А. О. Смирновой-Россет, которая к тому времени уже возглавила Калужский благотворительный комитет. Она организовывала различные общественные

² Организации, осуществляющие опеку и попечительство — способы обеспечения защиты прав и интере сов лиц, которые в силу тех или иных причин не могут это делать самостоятельно. Речь идёт как о несовершеннолетних, так и недееспособных взрослых гражданах.

мероприятия, где собирались средства на это дело, жертвовала сама, привлекала к этому чиновников, а «окончательное устройство приюта» поручила инспектору Врачебной управы В. Я. Быковскому. Он и подыскал для будущего Детского приюта здание в Архангельском переулке. Немало средств ушло на ремонт и обустройство дома, но вскоре помещение было отремонтировано, а 21 апреля 1847 г. торжественно освещено и открыто.

Детский приют был прообразом сегодняшних детских садов. Туда принимались дети от 3 до 12 лет, родители которых в силу своей занятости работой и малого достатка, не могли обеспечить им должного ухода. Дети ежедневно приходили в приют в 8 часов утра и покидали его в 8 часов вечера. В приюте их кормили, занимали развивающими играми, старших обучали грамоте по программе одноклассных сельских школ. Первоначально там содержалось 65 детей обоего пола. Возглавлял детский приют директор, которому подчинялись смотрительница и её помощница (они избирались из состава педагогов-воспитателей). Со временем внутренний режим детских приютов сильно изменился, в своём большинстве они стали учреждениями круглосуточного содержания детей с полным обеспечением и с более совершенной системой образования.

Как уже было сказано, в Калуге, на ул. Духосошественской (ныне Старообрядческий переулок, 4), находился Сиротский дом, отданный ещё в 1813 году городским головой

купцом И. В. Торубаевым городским властям под богоугодное заведение. С 1835 г. в нём жили и воспитывались 20 мальчиков и 10 девочек (со временем количество детей-сирот увеличилось). Позже воспитанницы были переведены в Дом трудолюбия, а в Сиротском доме остались только мальчики. Дом имел при себе большой участок земли, на котором находились хозяйственные постройки и открытая площадка для прогулок и игр, небольшой яблоневый сад. Сегодня в этом здании размещается «Калужский областной эколого-биологический центр». Воспитанники Сиротского дома обучались в Николаевской городской гимназии, Калужском реальном училище и других учебных заведениях Калуги.

Дом трудолюбия для сирот-девочек находился в Сорокинском переулке (ныне ул. Чебышёва, 6). Там рядом со зданием Дома трудолюбия располагался большой участок земли с хозяйственными постройками, садом и огородом.

Калужское земство не скупилось на помощь воспитанникам и воспитанницам этих богоугодных заведений. Девушек из Работного дома земство старалось пристроить на работу, а когда они выходили замуж, всегда находился благодетель (чаще всего это был член попечительного совета), который давал за выпускницей хорошее приданное. Не оставались без помощи также и выпускники Сиротского дома, поступавшие после окончания гимназии на службу в государственные учреждения или на дальнейшую учёбу в высшие учебные заведения. В первом случае выпускник получал разовое пособие плюс за счёт земства обладался в гражданский мундир того ведомства, в котором начинал службу. Поступившие в высшие учебные заведения получали во время учёбы стипендию — 300 рублей в год.

Из информационной записки смотрителя калужского Сиротского дома К. Ф. Леонтьева Калужскому губернскому земству за 1895 г.: «...Всего, таким образом, было в Сиротском доме за период 1873–1895 гг. — 161 воспитанник... Сделаем теперь краткую оценку последних результатов:

1. ... до университета достигло — 17 человек;
2. ... в Ново-Александрийский институт поступило — 3;



Детский приют, располагавшийся в Михайло-Архангельском переулке



Слева церковь Владимира равноапостольного и Дом трудолюбия для сирот-девочек в Сорокинском переулке

3. ... в Ветеринарный институт — 9;
4. ... в аптекарские ученики — 7 (из них 6 ныне помощники провизора);

5. ... в фельдшерскую школу поступило и кончило — 23;

6. ... в военную службу — 8 (ныне все офицеры);

7. ... кончили курс в уездном училище и поступили на службу — 17.

Было из Сиротского дома вследствие перехода в другие учебные заведения — 7 человек...»

Как сообщал земству тот же К. Ф. Леонтьев «...едва ли есть другое учреждение, в котором положение воспитанников было бы поставлено на более прочных началах. При этом, однако, земство постоянно придерживается разумного правила: при

воспитании избегать ненужной и часто даже вредной роскоши...».

Активно работало в Калужской губернии в конце XIX — начале XX вв. так называемое «Попечительство о бедных и беспризорных детях г. Калуги», членом правления которого долгое время состояла графиня С. Н. Толстая (жена сына писателя Л. Н. Толстого — Ильи Львовича Толстого, хозяйка имения Дубровка Калужского уезда). Попечительство занималось, прежде всего, самыми маленькими детьми, оставшимися без родителей и подкидышами, организацией и содержанием детских яслей. Чаще всего упоминаются Коровинское (д. Коровино) и Рождественские ясли (с. Рождественно). Эти богоугодные заведения,



Здание бывшей Пестриковской богадельни. 1965 г.

расположенные в тёплых деревянных домах, имели также свои подсобные хозяйства — скотный двор, где содержалось небольшое дойное стадо, приусадебные участки, где выращивались овощи. Председателем правления «Попечительства о бедных и беспризорных детях г. Калуги» в начале XX в. был И. И. Дубенский.

Из отчёта председателя правления «Попечительства о бедных и беспризорных детях г. Калуги» И. И. Дубенского Губернскому земскому собранию за 1913 г.: «...*Попечительство имеет долгов почти исключительно по строительству и ремонту около 1000 рублей... Призреваемые в яслях дети старше 6 лет нуждаются в развитии умственных способностей по фребелевской системе. Обстоятельство это происходит от недостатка средств на приглашение руководителей... Дети горожан, находящиеся на постоянном преемстве в яслях, поступают большею частью в Малютинский приют; дети крестьян не имеют права поступать в Малютинский приют — что делать с ними?»*

Ревизионная комиссия, состоявшая главным образом из священников, никаких особых претензий к деятельности попечительства не предъявила. Было решено найти средства для приглашения педагогов, чтобы вести занятия с детьми старше 6 лет. В том же отчёте находится список граждан Калуги, пожертвовавших на детей суммы от 100 до 200 рублей.

Многие из них пожелали остаться неизвестными.

Если Сиротский дом (где воспитывались мальчики) был под присмотром отцов города и губернии, то детские ясли и Дом трудолюбия (где воспитывались девочки) были под опекой Калужского женского благотворительного общества, учреждённого в 1841 г. В конце XIX — начале XX вв. его возглавляла жена предводителя губернского дворянства Н. С. Яновского — Варвара Егоровна Яновская (Титова). Среди многочисленных благотворителей-вкладчиков в это женское богоугодное заведение следует особо отметить калужского купца Н. В. Теренина и его супругу М. А. Теренину (Масленникову).

ПОДДЕРЖКА УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И БЕДНЫХ УЧАЩИХСЯ

Поддержкой калужских благотворителей пользовались практически все нуждающиеся учащиеся учебных заведений Калуги. Общества вспомоществования нуждающимся учащимся существовали при Николаевской мужской губернской гимназии, Калужском реальном училище, Государственной женской гимназии, частных женских гимназиях М. Шалаевой и А. Саловой, частном реальном училище Ф. Шамагонова, Высшем начальном братьев Малютиных училище... Существовали также общества вспомоществования

учащимся и учителям низших начальных школ губернии. Руководили этими обществами ответственные лица из администраций губернии или города, и обязательно входили в руководство богатые предприниматели губернии.

В 1869 г. каменный двухэтажный особняк калужского купца, почётного гражданина Калуги, Осипа Павловича Пестрикова (ул. Воскресенская, 6.) был отдан хозяином под богадельню, а в 1885 г., дом по инициативе душеприказчиков благотворителя был переориентирован «для обеспечения лучших и беднейших учеников реального и технического училищ помещением, одеждою, столом и надзором». По проекту предполагалось содержать 10 учеников, но с самого открытия их было уже 15. Однако в Пестриковской богадельне позже содержали не только студентов, но и престарелых бедняков, число которых достигало 30, а то и более человек. Для обеспечения этого учреждения О. П. Пестриковым было положено в банк более 40 тыс. рублей.

Калужский потомственный первогильдиец Н. В. Теренин уделял большое внимание развитию системы образования в Калуге: делал пожертвования на Калужскую мужскую гимназию (которую он сам закончил в 1886 г. с серебряной медалью), на городскую публичную библиотеку, на Калужское реальное училище. В 1899 г. Н. В. Теренин учредил в Калужском реальном училище ежегодную стипендию лучшему ученику — «Имени Василия Теренина» — 1000 рублей. Стипендия носила имя умершего сына учредителя стипендии, бывшего ученика Калужского реального училища.

ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА ИВАН КОЗЬМИЧ ЦИПУЛИН

Как известно, после реформ Александра II начался массовый уход в города освобождённого крестьянина. Однако селянин-отходник не только работал в городе, но и становился его жителем. Это создавало дополнительные хлопоты не только для санитарной службы и полиции, но и для отцов города.

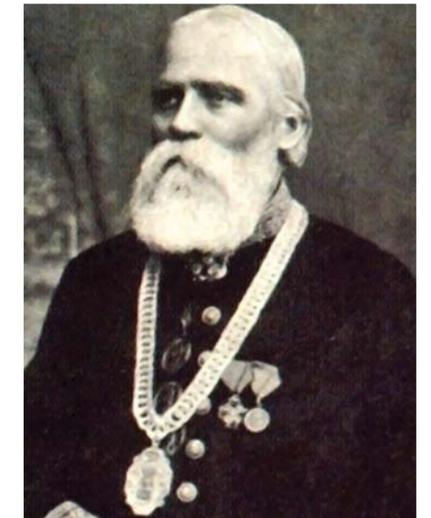
Новый этап активизации общественной жизни в Калуге, её обустройства и благотворительности связан в конце XIX в. с именем



М. А. Теренина



Н. В. Теренин



И. К. Цибулин

богатого купца-предпринимателя, владельца речных пароходов и пристаней по реке Оке, Ивана Козьмича Ципулина (1825—1901), которого калужане неоднократно избирали за его честность и распорядительность городским головой.

Из официальной части «Калужских губернских ведомостей» № 44 за 8 июня 1885 года: «*Избранный Калужскою городской думою на должность городского головы, вместо умершего купца Свечникова, купец Иван Козьмич Цибулин, г. Управляющим Министерством Внутренних дел утверждён в означенной должности.*»

28 июня 1885 г. городская дума г. Калуги рассматривала предложение губернатора К. Н. Жукова «об ассигновании 2000 рублей на устройство в Калуге телефонной сети». Предложение вызвало споры, и решение было отрицательным. Калужские купцы отказались выкладывать свои средства на телефонизацию, поскольку несколько лет назад уже давали деньги на это дело, но телефонная связь имела большие дефекты. И только благодаря выдающемуся изобретателю П. М. Голубицкому, помещику Тарусского уезда, удалось наладить в конце 1885 г. надёжную телефонную связь в Калуге. Средства в это нужное дело вложил сам городской голова И. К. Цибулин.

В самом начале 1887 г. в Калуге, при финансовой помощи купечества и лично И. К. Ципулина, был торжественно открыт калужский водопровод. По всей протяжённости городской водопроводной сети заработали

разборные колонки и были установлены пожарные краны. В большую водонапорную башню, возведённую на самом высоком месте Калуги — недалеко от храма Иоанна Предтечи по ул. Садовой (ныне ул. Кирова), вода поступала из калужской водокачки, забиравшей воду из большого родника Зелёный Крупец. Но первый калужский водопровод всё же появился не в Калуге, а в Козельске — в 1874 г. Он был создан на средства козельского купечества, вода в водопроводную систему Козельска поступала из реки Жиздры, а трубы были деревянные.

Калужский городской голова И. К. Цибулин не только побил все рекорды пребывания на своём руководящем посту (16 лет), но и стал самым щедрым благотворителем в Калужской губернии. Он жертвовал деньги на помощь бедным и сиротам; отдал собственный каменный дом, стоимостью 70 тыс. рублей для устройства в Калуге технического училища (сегодня здание БТИ по ул. Герцена, 16); выделял денежные средства на ремонт здания Николаевской мужской гимназии и строительство церкви в военном лагере калужского гарнизона; дал беспроцентную ссуду в сумме 2 тыс. рублей на основание Общества страхования имущества калужан от огня.

При участии И. К. Ципулина при епархиальном женском училище (сегодня Лицей № 9, ул. Кутузова, 22.) было построено отдельное здание для больницы стоимостью 10 тыс. рублей. По настоянию городского головы И. К. Ципулина в Калуге

разместилось управление Сызрано-Вяземской железной дороги, была открыта городская библиотека (ул. Ленина, 88/1, стрелка ул. Ленина и Московской).

В 1912 г. и на центральных улицах г. Калуги зажглись первые электродуговые лампы — в губернский город пришло электричество. Это заработала городская калужская электростанция на ул. Садовой (здание не сохранилось). Но первая электростанция в Калужской губернии была введена в эксплуатацию на 10 лет раньше — в 1902 г. Она располагалась во дворе двухэтажного дома калужского купца Василия Николаевича Билибина (ныне ул. Карпова, 20). Небольшой генератор, работавший на керосине, давал освещение не только купеческому дому, но также освещал церковь Георгия за лавками, прихожанином которой являлся сам купец В. Н. Билибин, также электрический ток был проведён в некоторые лавки Гостиных рядов и поступал дом купцов Ципулиных, находившийся у речной пристани.

Из воспоминаний Марианны Львовны Хайдуровой, внучки калужского купца В. Н. Билибина: «...*Появление электрического освещения в Калуге было необыкновенным явлением, и первым, кто установил у себя динамо-машину, вырабатывающую электричество, был мой дедушка. Впервые электричество появилось в доме моей мамы в 1902 году... Также В. Н. Билибин провёл электрическое освещение многим жителям Калуги, но только тем, кто мог оплачивать установленную плату...*»



Калужский Работный дом

РАБОТНЫЙ ДОМ — НОВАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ

Начало девяностых годов XIX в. было ознаменовано в Калужской губернии неурожаями (1891 и 1892 гг.). Как свидетельствует пресса того времени «городское население было доведено до такой крайности и нищеты, что городское правление вынуждено было открыть в Калуге бесплатную столовую для бедных». Период неурожая совпал с «упадком ремесленного и производства и дороговизною жизни». Разорвались сапожники, прядильщики, портные... Безработица становилась главным бичом малоимущего населения.

Следующим шагом на пути развития новых форм благотворительности в Калуге стала закладка 14 мая 1895 г. на ул. Сальной (ныне ул. Труда) нового социально значимого учреждения — Работного дома (не сохранился). На церемонии закладки этого богоугодного заведения присутствовало губернское и городское руководство, а осветил новостройку прибывший в этот день в Калугу известный пастырь Русской Православной церкви о. Иоанн Кронштадтский.

Пожертвователей на строительство Работного дома было немало, поэтому уже 27 ноября 1895 года новое здание было освещено. Работный дом представлял из себя своеобразный жилищно-производственный комплекс. Новое здание было выстроено в русском стиле и состояло из трёх просторных изб с пристройками, соединённых между собой. Рядом

с избами находился рабочий сарай — подсобное помещение.

В первый же день своей деятельности Работный дом принял около 20 человек. Это были те, кто нуждался в работе и не мог её найти: чернорабочие (люди без определённой профессии), сапожники, портные, прачки... Были даже писцы — пожилые образованные люди, представители ушедшей в прошлое профессии, поскольку во всех госучреждениях уже повсюду стрекотали механические печатные машинки. Служащие работного дома, ведшие учёт клиентов, или давали им оплачиваемую работу при Работном доме, или сводили исателя работы с теми, кто нуждался в рабочей силе.

Число клиентов Работного дома росло с каждым днём. Они подметали дворы, зимой чистили от снега улицы, пилили и кололи дрова калужанам. Женщины, вставшие на учёт в Работный дом, шили и вязали на заказ, стирали и гладили. Дети здесь же учились сапожному делу и прочим ремёслам. Работа их оплачивалась из фонда попечительства, куда вошли многие именитые люди города и губернии. В штате Работного дома находились смотритель, надзирательница, выполнявшая также роль воспитательницы, и учитель. Жалование им платилось тем же попечительством. Немногом позже при Работном доме был открыт ночлежный приют, где постояльцы могли ночевать. По сути это была первая в Калуге биржа труда с бесплатной столовой, общежитием и мастерскими.



П. С. Раков

Членом попечительского совета Работного дома являлся богатый калужский предприниматель П. С. Раков. Благодаря его заботам в Работном доме была открыта так называемая пакетная мастерская, где трудились десятки людей, в основном женщины, подростки и мужчины, которым был не под силу физический труд. Из плотной бумаги они изготавливали пакеты, используемые в торговле, большие и малые почтовые конверты. П. С. Раков поддерживал работу пакетной мастерской, покупал за свой счёт бумагу и доставлял её по железной дороге на станцию Калуга, а оттуда — в Работный дом.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ЛИЧНАЯ ИНИЦИАТИВА

Калужская городская управа в конце XIX в. — начале XX в. в своих непрерывных заботах по благоустройству города неожиданно для себя приобрела верного помощника в лице калужского полицмейстера Е. И. Трояновского. Это благодаря его заботам сегодня калужане имеют прекрасное место отдыха — парк им. К. Э. Циолковского, бывший Загородный сад. До 1886 г. это место было закрытым, поскольку там находилась летняя резиденция калужских губернаторов со сторожевыми будками, шлагбаумами, ограждениями... Е. И. Трояновскому удалось убедить губернатора сделать это место открытым для всех калужан. Он сам лично распланировал будущий парк, наметил аллеи



Н. И. Васильев

и, вкладывая в дело свои средства, провёл посадку лип и других деревьев. Позже полицмейстер создал новый сквер на месте бывшего пустыря возле Троицкого собора, расширив тем самым территорию Городского сада, активно занимался озеленением главных калужских улиц. Его часто можно было видеть среди простых рабочих с лопатой в руках.

Выдающимся благотворителем в сфере просвещения и народного образования, положившим начало Калужскому музею изобразительных искусств, стал уроженец Калуги, врач Никанор Иванович Васильев (1832–1917). Он приобретал на свои средства картины выдающихся мастеров с пониманием того, что художественные ценности не могут принадлежать одному человеку, они должны принадлежать обществу, облагораживать его нравы, развивать чувство прекрасного. Коллекция доктора Н. И. Васильева, поначалу хранившаяся в его большом доме на ул. Молотковской (ныне ул. Дзержинского, 81), имела универсальный характер, поскольку в ней были представлены произведения не только современных русских художников, но и мастеров разных западноевропейских школ. При собрании коллекции картин и произведений малой скульптуры хранилась также литература по искусству. В 1905 году Н. И. Васильев составил завещание, согласно которому он передавал после своей смерти в распоряжение калужского земства всю свою коллекцию, капитал в банке и свой

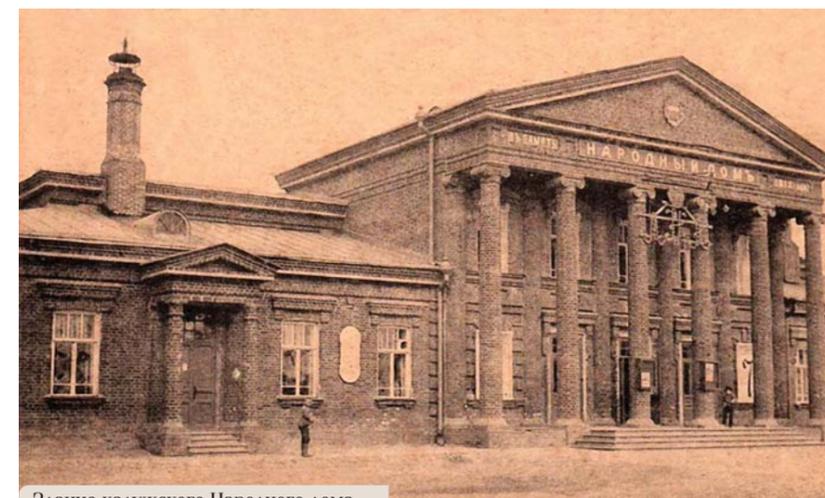


Дом Н. И. Васильева, где на первом этаже было отведено помещение для галереи

дом «к устройству художественного музея и при нём художественно-промышленных классов». После смерти благотворителя 20 февраля (5 марта) 1917 г. его духовное завещание было оглашено на съезде Калужского губернского земского собрания. Калужане с большой благодарностью приняли этот бесценный дар.

Удачным примером общественной инициативы стало открытие в Калуге в августе 1912 г. Народного дома, построенного к 100-летию победы в Отечественной войне 1812 г. Двухэтажное кирпичное здание было возведено недалеко от Московских ворот на небольшом пустыре «Юрилка» (ныне на этом месте по ул. Ленина расположен концертный зал Калужской областной филармонии). Добровольное общество, занявшееся строительством этого

нового культурного центра, возглавила супруга губернатора, князя С. Д. Горчакова — Анна Евграфовна Горчакова. Благодаря её энергии Народный дом был построен в рекордный срок — за один год! Вместе с губернаторшей в строительную комиссию вошли дворяне А. М. Желябужский, П. С. Богданов, А. П. Романов и Е. И. Трояновский. Среди внёсших наибольшие вклады были предприниматель И. И. Цыпулин (сын И. К. Цыпулина), заводчик и помещик Н. Н. Коншин, купец Н. В. Теренин, владелец пивоваренного завода Н. Н. Фишер, княгиня З. Н. Юсупова и др. Были и организации-вкладчики: Калужское городское общественное управление, Правление общества Мальцовских заводов и Компания писчебумажной фабрики Говарда. Официально Народный дом начал



Здание калужского Народного дома

свою работу 26 августа 1912 г. — к столетнему юбилею Бородинского сражения. В Народном доме находились библиотека, читальный зал, зрительный зал с театральной сценой, гимнастический зал, чайная и другие помещения. Имена строителей и благотворителей были выбиты на плитах, вывешенных в чайной Народного дома.

ВСЕОБЩАЯ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Как и во время Отечественной войны 1812 года в годы Первой мировой войны (1914–1918) в Калужской губернии было отмечено массовое участие населения в благотворительной деятельности. Касалась эта помощь, прежде всего, прибывавших в Калугу раненных и больных воинов, а также семей призванных в действующую армию воинов.

Особенно ярко проявила себя женская благотворительность. Начало этому положили женщины из семьи императора Николая II. Началось учреждение ряда комитетов: 14 сентября 1914 года заработал Комитет её императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания помощи пострадавшим от военных действий; 10 января 1915 года — Особо уполномоченный комитет великой княгини Марии Павловны по снабжению больных и раненных воинов тёплой одеждой; 10 мая 1915 года — Всероссийское общество здравия в память войны 1914–1915 годов под покровительством её императорского величества государыни императрицы Александры Фёдоровны. Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна открыла собственный склад для пожертвований в пользу больных и раненных воинов, куда поступали тёплые вещи, которые затем переправлялись на фронт, великая княгиня Ксения Александровна была уполномочена Марией Фёдоровной от имени Всероссийского Красного Креста на сбор пожертвований для раненных. Благотворительностью занималась также великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Все эти благотворительные общества имели своих активных представителей в Калужской губернии, которая считалась прифронтовой.



Отправка в действующую армию подарков для нижних чинов. 1915 г.

С 21 по 23 августа 1914 года в Калуге прошло совещание представителей губернского земства, городского управления, местных земских комитетов, Красного Креста, общества калужских врачей, фельдшеров и управления железной дороги. Всем стало ясно, что в связи с жестокими боями на фронте количество раненных будет расти. Участники совещания официально обратились к командиру Московским военным округом, чтобы разрешить использовать постельные принадлежности, хранящиеся на складах и в цейхгаузах калужских воинских частей. Калужский губернатор С. Д. Горчаков (1861–1927) обратился к горожанам Калуги с просьбой взять к себе на лечение раненных солдат.

1 сентября 1914 г. было опубликовано воззвание Калужского епархиального комитета помощи больным и раненым воинам и семьям лиц, призванных на войну с целью привлечь общественность к благотворительной деятельности. По призыву Калужской епархии монастыри открыли 11 лазаретов на 150 коек. Среди этих монастырей: Калужская Свято-Тихонова пустынь — 50; Козельская Введенская Оптина пустынь — 20; Боровский Пафнутьев монастырь — 12; Мещовский Георгиевский монастырь — 7; Перемышльский Троицкий Лютиков монастырь — 10; Малоярославецкий Николаевский Черноостровский монастырь — 10; Мосальский Казанский Боголюбивый женский монастырь — 6; Медынская



Группа офицеров и сестёр милосердия. Калуга, 1916 г.



Агитационные плакаты времён Первой мировой войны

Никола-Печерская женская община — 10; Тарусский Свято-Троицкий женский монастырь — 6; Дугнинский женский монастырь — 10; Медынская женская община «Всех скорбящих радости» — 10.

В Калуге на 1 января 1915 г. появились новые лечебные заведения: в Доме городского общества (220 коек), в Николаевской мужской гимназии (420), Народном доме (420), казармах местного гарнизона (420), Епархиальном женском училище (420). Эти госпитали Калуги содержались на средства военного министерства. В феврале 1915 г. в Калуге стали работать бесплатные курсы по уходу за больными и ранеными воинами и по подготовке санитаров-дезинфекторов. Выпускные свидетельства получили 128 человек.

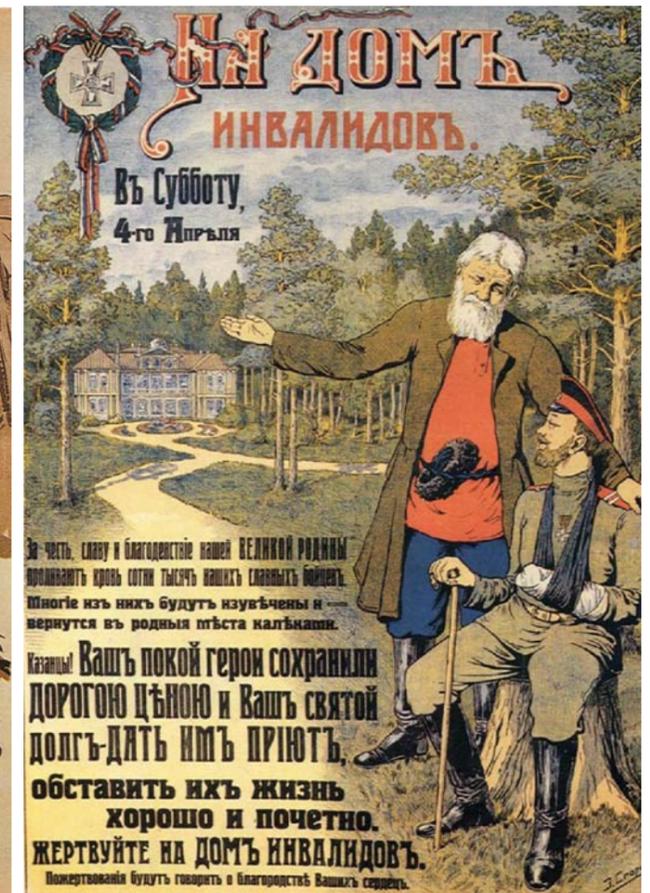
Появились ещё и земские лечебные заведения: госпиталь при Калужской губернской земской больнице на территории Хлюстинской больницы (40 коек), Земский госпиталь № 1 в здании Дворянского собрания (224), Земский госпиталь № 2

в Здании Красного креста (80) и ещё 4 земских госпиталя с общим числом коек — около 600. Работали эти госпитали на средства Всероссийского земского союза.

Были также в Калуге небольшие лазареты и госпитали, существовавшие на совместные средства калужского уездного земства, комитета княгини А. Е. Горчаковой, личных пожертвований калужан и частично на средства Всероссийского земского союза, общее число коек — 190.

Для раненных были также организованы и госпитали Всероссийского городского союза, существовавшие на средства того же союза: городской госпиталь № 1, располагавшийся в Доме Пушкинского училища, ныне школа № 6 (300 коек), госпиталь № 2 в доме Бокова на ул. Кутузовской (ныне ул. Театральная, 80), госпиталь при Малютинской богадельне (100) плюс ещё 6 небольших госпиталей в разных местах Калуги общим числом коек — 157.

По санитарным соображениям размещать раненных в жилищах местных



жителей без особого на то разрешения запрещалось, но некоторые богатые домовладельцы получили на то разрешение и добровольно стали предоставлять свои дома для организации в них лечебных учреждений. Среди них купец I гильдии, почётный гражданин Н. В. Теренин (дом-лазарет на 12 коек), домовладелица А. В. Польшман (госпиталь на 40 коек), купец В. С. Заверин (дом-лазарет на 40 коек).

Были ещё маленькие лазареты при Ковригинской богадельне (10 коек), в уездной казённой палате (20), в окружном суде (15), в Крестьянском банке (12) и лазарет в доме Смирновых на ул. Спасо-Жировской (сегодня ул. С. Щедрина), который содержали на свои средства учителя и учительницы Калуги (5 коек).

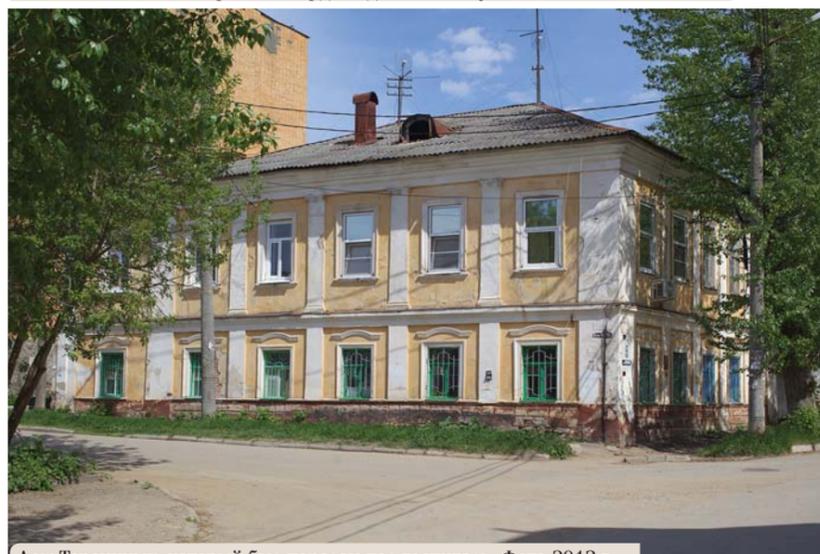
Сюда же стоит добавить госпитали и лазареты казённых и общественных учреждений, содержащиеся на средства работников этих учреждений: госпиталь служащих Сызрано-Вяземской железной дороги (150 коек), находившийся в железнодорожном



Удостоверение калужской сестры милосердия времён Первой мировой войны



Раненые воины и сёстры милосердия одного из калужских госпиталей. 1916 г.



Дом Терениных, который был передан под госпиталь. Фото 2013 г.

училище; лазарет Епархиального ведомства (25 коек) в Михаило-Архангельском переулке (ныне Калужское духовное училище, ул. Дарвина, 13/33); госпиталь учителей и учительниц церковно-приходских школ (10 коек), находившийся на территории Крестовского монастыря.

Был особый вид благотворительности — взять на себя содержание госпитальной койки. В содержания входила стоимость постельного белья, лекарств, перевязочного материала, питания раненого солдата и другое. По сути, все жители Калужской губернии так или иначе участвовали в этом. Даже те, кто сидел в тюрьме. Так, в городском первом госпитале г. Калуги содержали по одной койке заключённые губернской тюрьмы, чины калужской контрольной палаты, воспитанницы женской учительской семинарии, частное реальное училище Ф. М. Шахмагонова, Н. В. Теренин. В земском госпитале № 1 именных коек было 6, из них 3 — Перемышльского уездного земства, по одной койке содержали служащие Калужского реального училища и депутат IV Государственной думы от Калужской губернии Н. Н. Яновский.

В уездных госпиталях и лазаретах именные койки содержали представители высшей знати, такие как граф С. Л. Пален и кн. З. Н. Юсупова (соответственно 10 и 5 коек в Брятинском лазарете Мосальского уезда), и сельские попечительства, и учащиеся, и крестьяне, и различные общества и объединения.

Во всех 11 уездах Калужской губернии было организовано 56 госпиталей на 1370 коек для лечения раненых и больных воинов. Например, гласный Калужского губернского земского собрания М. М. Осоргин в своём имении Карово (с. Сергиевское Калужского уезда, сегодня с. Кольцово Ферзиковского уезда) на собственные средства открыл 1 сентября 1914 г. и лично возглавил лазарет на 30 коек. Его жена Е. Н. Осоргина (Трубецкая) вела хозяйство, две дочери работали сёстрами милосердия, третья заведовала столовой.

В с. Мятлеве Медынского уезда Калужской губернии был открыт лазарет на 20 коек, средства на содержание которого собрали по подписке среди жителей Мятлева (почти 1,5 тыс. руб.). Помещение для

лазарета было предоставлено купцом М. В. Арефьевым. В самом большом из Калужских уездов — Жиздринском в расширении лечебной сети для раненых и больных воинов приняли участие служащие и рабочие Людинового завода, Жиздринское благотворительное общество, торговцы и жители Людиново.

Большинство больных и раненных воинов поступали в Калужские лечебные учреждения через Московский распределительный эвакуационный пункт. Направление в уезды осуществлялось уже из калужских госпиталей. Лишь в Сухиничских госпиталях (земский № 7 и госпиталь для заразных больных) раненые и больные воины доставлялись не из Калуги. Если того требовали обстоятельства (по медицинским показателям) раненых и больных снимали с поездов на станции и размещали в двух Сухиничских госпиталях, расположенных в 1,5–2 км от станции (земский № 7 и госпиталь для заразных больных). Доставка осуществлялась или на рессорных повозках, или на носилках дружинниками ополчения.

В марте 1915 г. назначенный главой Калужской губернии статский советник Николай Сергеевич Ченкаев возглавил губернское отделение Комитета по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Именно в это время в Калуге появляется новый вид благотворительности — забота о беженцах, которых надо было размещать по городам и сёлам, находить им работу, заботиться о пропитании и обучении детей, приехавших с родителями из западных, занятых врагом губерний.

Из воспоминаний дочери калужского купца В. Н. Билибина Антонины Васильевны Билибиной-Бонапарт (1903–2011), прожившей 108 лет: «...Раненные жили и лечились в комнате для жильцов. Это была узкая комната с тремя окнами во двор на втором этаже. Когда они поправились, их взяли опять в армию... В это время в Калугу начинали прибывать беженцы из Польши, сюда же перевезли и Варшавскую гимназию, из города Сумы прибывали ученики реального училища. В Калужскую казённую женскую гимназию перевели мальчиков. Гимназия стала работать в две смены, в первую учились

девочки... Тогда же в наш дом после излечения трёх раненых поселили на постой поручика царской армии Петра Павловича Газиева с его командиром. Полк в это время стоял на отдыхе, поэтому было разрешено приезжать и родственникам офицеров. Газиев хорошо фотографировал, и все домочадцы с удовольствием позировали ему... На маминой даче также жили царские офицеры с полковым священником...»

Жители с большим энтузиазмом принимали участие в выгрузке, переноске и перевозке раненых, для размещения предоставляли помещения в своих домах, помогали с перевязочным материалом, лекарствами, бельём, безвозмездно дежурили при больных, занимались оборудованием лазаретов под руководством специалистов. К январю 1915 г. в Калуге действовало уже 38 госпиталей и лазаретов на 3956 мест. В 11 уездах — 56 лечебных учреждений на 1370 коек.

Часть созданных лечебных учреждений, а также отдельные койки в них, содержались исключительно на благотворительные средства.

К примеру, госпиталь служащих Сызрано-Вяземской железной дороги на 150 коек. Монастыри Калужской епархии открыли 11 лазаретов на 150 коек, из них самый вместительный, на 50 коек, находился в Свято-Тихоновой пустыни. В первом городском госпитале Калуги содержали по 1 койке служащие калужской контрольной палаты, воспитанницы женской учительской семинарии, частное реальное училище Ф. М. Шахмагонова, купец Н. В. Теренин, заключённые губернской тюрьмы.

К июлю 1917 г. через госпитали Калуги прошло свыше 90 тыс. раненых.

В годы Первой мировой войны в Калуге был образован Комитет военных дам под руководством музыкального педагога Е. А. Превыш-Квинты (другой вариант фамилии Правыш-Квинта-Соболевская) для оказания помощи семьям призванных на войну. В течение 1915–1916 гг. комитетом проводились благотворительные мероприятия: концерты, спектакли, синемаграфические сеансы, гуляния в городском саду, кружечные сборы. Сборщики никогда не оставались с пустыми руками благодаря массовому участию

населения. Собранные средства шли на обеспечение госпиталей и лазаретов.

Жители Калуги подписывались на различные военные займы, занимались сбором тёплых вещей, лекарственных трав... Молебны и крестные ходы во славу русского оружия, почётные захоронения воинов, скончавшихся от ран в калужских госпиталях, панихиды по погибшим на поле брани, — всё это стало неотъемлемой частью повседневной жизни калужан до 1917 года.

Широкая благотворительность военного периода по поддержке всех пострадавших от войны (от инвалидов до осиротевших семей) стала одной из форм выражения патриотического настроения. Подавляющее большинство российских рабочих тогда не разделяло взглядов революционных партий, считая, что их претензии к власти во время кровопролитной войны крайне неуместны.

* * *

Со второй половины XVIII в. до самого крушения царской России в 1917 г. в Калужской губернии благотворительные дела не только росли в объёме, но и полностью входили в русло социального развития губернии. Всё это требовало согласованности в действиях всех сословий: дворянства, чиновничества, купечества, духовного сословия и, конечно, малоимущих слоёв населения, которые тоже стали пользоваться благами цивилизации. Именно благотворительность свидетельствовала о постоянно возрастающем уровне общественного сознания в среде лучших представителей состоятельных сословий.

После 1917 г. все богоугодные заведения (не только в Калуге, но и по всей России) навсегда лишились своих благодетелей и служащих. И только после гражданской войны, когда экономическая жизнь в стране стала стабилизироваться, в городе появились новые учреждения социальной защиты (часто на том же самом месте) — детские дома, дома престарелых, инвалидов и т.д. Но жизнь в советских «богоугодных» заведениях стала строиться уже не по христианской морали, а по марксистско-ленинской идеологии. Главным благотворителем стало само государство. ■

К 650-ЛЕТИЮ КАЛУГИ

ДРЕВНИЙ ГОРОД КАЛУГА — ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ

Виталий Бессонов,
кандидат исторических наук

Адъюнкт Санкт-Петербургской академии наук Василий Фёдорович Зуев, посетившей в ходе научной экспедиции территорию Калужской губернии летом 1781 г., писал: «Город Калугу по справедливости должно почесть между древними Российскими городами, но летописи об нём нигде ничего не упоминают. Каков он был прежде и кому принадлежал, записи хотя и имелись, однако по столь многим бывшим несчастным с городом обстоятельствам все пропали».

Действительно, на протяжении почти двух столетий по крупицам собиралась информация о прошлом Калуги. Только по второй половине XX в. историки утвердились во мнении, что годом основания Калуги, по первому упоминанию в письменных источниках, следует считать 1371 г. и в 1971 г. торжественно отметили 600-летний юбилей города.

Документом, содержащим информацию о Калуге, является грамота литовского князя Ольгерда Константинопольскому патриарху Филофею, обнаруженная исследователем В. Григоровичем в Императорской Венской библиотеке среди грамот Константинопольского патриархата XIV в. Грамота Ольгерда была опубликована в июньском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1847 г. Документ был

датирован по предыдущей записи — «Соборному деянию о прибывшем из Малой России Епископе Антоние, перемещённом в Галич». В конце этого акта имелась подпись Патриарха Филофея и год — 6879, то есть 1371 г. Письмо Ольгерда Патриарху, отнесённое к 1371 г., содержало сведения о противостоянии с великим князем Дмитрием Ивановичем и действиях Митрополита киевского и всея Руси Алексия, который «благословляет Москвитян



Великий князь литовский Ольгерд (ок. 1296–1377). Гравюра из «Описания Европейской Сарматии». 1578 г.



Дмитрий Донской (1350–1389), Великий князь Владимирский и Московский. Титулярник. 1672 г.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВЕЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ LIV.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1847.

148 ОТД. II. — ПРОТОКОЛЫ

28) Л. 298. *Соборное дьяніе о прибывшемъ изъ Малой Россіи Епископѣ Антоніѣ, перемѣщенномъ въ Галичъ. Начало: Πράξις συνοδική ἐπὶ τῷ ἀπὸ τῆς μικρῆς Ρωσίας ἔλθοντος ἐπισκόπου κύρ Ἀντωνίου μετατεθέντος εἰς Γαλιτζήν.* О возведеніи Епископа Антонія въ Митрополиты Галича и усвоеніи ему Епископій Холма, Турова, Перемышля и Володиміра. Въ концѣ сего акта подпись Филофея Патриарха 6879—1371 года.

29) Л. 298. Слѣдующаго документа привожу полный текстъ съ переводомъ.

Πατριάρχον.

Письмо.

Τῷ ρήγιος τῶν Λιθωνίων Князя Литвы Ольгерда τῷ Ἀλγέρδῃ πρὸς τὸν πα- къ Святѣйшему Владыкѣ ναγιότατον ἡμῶν δεσπότην нашему, Вселенскому Πα- οἰκουμένικόν Πατριάρχην. триарху.

Ἀπὸ τὸν βασιλεῶν Λιθ- Отъ Царя Литвы Оль- βῶν τὸν Ἀλγέρδον εἰς τὸν герда Патриарху поклоны. Πατριάρχην προσκυνήματα. Прислалъ ты ко мнѣ писа- Ἐπέμψας εἰς ἐμὲ γράμμα ние съ моимъ Θεοδωρῷ, μετὰ τῷ Θεοδῶρῃ μὲ, ὅτι λυ- что Митрополитъ пече- πείται πρὸς σε ὁ Μητροπολί- дуется тебѣ о неправдѣ. τής ἐπ' ἀνόμῃ. Λέγει οὐτως Говорить: Царь де Оль- ἐκούρσευσε μὲν ὁ βασιλεὺς герда заѣзжаетъ. Ино не я ὁ Ἀλγέρδος. Ἐγὼ οὐκ ἤρξα- началъ заѣзжать, а нача- μὲν τῷ κουρσεῖν, ἤρξα- ля заѣзжать сперва оми, и το ἐκείνοι πρῶτον τῷ κουρ- крестнаго цѣлованія, что σεῖν, καὶ τῷ σταυρῷ τὸ мѣли ко мнѣ, не сложи- φίλημα, ὅπερ εἶχον πρὸς με, ли, и клятвенной грамоты οὐ κατέβηκαν, ὅτε τὸ ὄρ- ко мнѣ не отослали. И

на пролитие крови» и снимает с бежавших из Литвы крестное целование. В числе прочего Ольгерд отмечал, что москвичи «мимо крестного целования взяли города». Среди этих принадлежавших Литве городов упомянут Колуган, который Григоровичем и последующими исследователями был соотнесён по созвучию с Калугой.

Следует отметить, что события, о которых идёт речь в грамоте Ольгерда имеют прямое отношение к литовско-московской войне 1368–1372 гг. После похода 1368 г. войск Ольгерда на Москву, в 1370 г. последовал ответный удар московских полков великого князя Дмитрия Ивановича в направлении на Брянск и Мценск. В результате похода к Москве отошли упомянутые в грамоте Ольгерда города, в том числе и Колуган (Калуга). Исходя из последовательности событий, можно констатировать, что город Калуга уже существовал в 1370 г.

Естественно, Калуга появилась раньше первого о ней упоминания. Но когда и при каких обстоятельствах — однозначного ответа на этот вопрос нет. Современный исследователь А. Г. Лебедев высказал предположение, что Калуга относилась к находившемуся в вассальной зависимости от Великого княжества Литовского Новосильскому княжеству и только после 1370 г. отошла к Москве. Другая, «московская» версия, сложившаяся в 1960-х гг., была представлена в работах известного исследователя калужской старины Н. М. Маслова. Он считал, что Калуга, как крепость против Литвы, была заложена великим князем Симеоном Гордым в период его похода на Смоленск в 1351 г. Если принять версию,

что московские правители создали Калугу в качестве крепости на границе с землями Литовского княжества, то появление города в числе «литовских» городов в грамоте Ольгерда могло стать возможным лишь в том случае, если Калуга была занята войсками противника во время похода 1368 г. Тогда в 1370 г. она была освобождена, и уже навсегда вернулась в состав московских владений.

Следует признать, что нет однозначного ответа и на вопрос, в каком месте располагался древний город Калуга. Согласно сведениям, зафиксированным Зуевым в 1781 г., город Калуга название своё получил «от речки Калужки, где и стоял прежде, то есть на устье ея, где ныне явленный образ находится. После того перенесён был на гору от воды далеко, и от Оки версты за четыре; с сегож места переставлен ближе к Яченке недалеко от городища, и где ныне городское кладбище имеется; после же того в четвёртый уже раз расположен на сѣм месте, где стоит ныне». К середине XX в. сложилось мнение, что город был перемещён только один раз. Так, Н. М. Маслов, полагал, что изначально Калуга располагалась на берегу реки Яченки с крепостью на месте так называемого Симеонова городища, а в XVI в. город был перенесён на берег реки Оки. При этом крепость и посад расположились вниз по течению Оки, от впадения в неё реки Березуйки.

При этом ни одну из существующих версий перемещения Калуги археологические исследования подтвердить не могут. Недостаточная изученность памятников и серьёзные утраты культурного слоя мешают археологической

ΚΟΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΕΩΣ ΠΑΤΡΙΑΡΧΑΤΑ. 149

μόνον ἀπέμεινα πρὸς заѣжали они меня девять
 με. Ἐκούρευσαν με ἐνεи разъ, и шурна моего Кня-
 φοράς, καὶ τὸν γυναῖκαδε- за Михайла подъ клятвое
 φόν με τὸν ρήγα Μιχαήλ переманили къ себѣ. И
 ἐνόρκας ἐκράξατο εἰς Митрополитъ сиялъ съ него
 ἑαυτοῖς. Καὶ ὁ Μητροπολί- страхъ, чтобы приходить
 τής ἐξέβαλε ἀπ ἐκείνῃ τὸν и уходить ему по своей во-
 φόβον, ὅτι να ἔλδη καὶ να- лѣ, и его поймали. И за-
 ἰπάγη μετὰ τὸ θέλημα, ти моего Бориса, Князя
 καὶ ἐπίσασ τὸν. Καὶ τὸν Нижняго Новагорода, и его
 γαμβρόν με τὸν ρήγαν τὸν покмали, и Княжество взя-
 Μπορίση τῆ χαμηλῆ Νο- ля, и зятя Ивана Князя
 βογραδιον ἐπίσασ τὸν καὶ Новосильскаго и его Кня-
 ἐπήρα καὶ τὸ ρηγάτιον τι, жество заѣхали, и мать его
 τὸν γαμβρόν τὸν ρήγαν τὸν, поймали, и дочь мою взя-
 Ἰωάννην τῆ Νοβοσιλίε, καὶ ли, и клятву, напрежъ дан-
 τὸ ρηγάτιον τι ἐκούρευσα, ную, не сложили. Мимо
 καὶ τήν μάνα τῆ ἐπίσασ крестнаго цѣлованія взяли
 τήν, καὶ τήν θυγατέραν города Ржевъ, Жижку,
 με ἐπήρα τήν, καὶ τὸν ὄρ- Нуданъ, Осѣчень, Горы-
 κων, ὃν εἶχον, προεκδόσει шовъ, Рясну, Великія Лу-
 οὐ κατέθησαν. Ἐπάνω του- ки, Кличень, Всилукъ,
 τῆ σταυρῆ φίλήματος, ἐπῆ- Волго, Козлово, Лилицу,
 ρα ἀπέμεινά κἀστρα, τὸ Ρζόβ, . . . Хотѣнь, Омиинъ
 τὸ Σοήζμα, τὸ Νοδην, τὸ Городокъ, Береауй, Калу-
 Ὀσητζεво, τὸ Γορήσηγο, гу, Мпенскъ (*). А то все
 τὸ Ρασγυ, τὸ Λουγυ, τὸ μέ- города, и всѣ ихъ взяли, и
 γα, τὸ Κληζεν, τὸ Βαλκж, крестнаго цѣлованія не
 τὸ Βόλго, τὸ Κοζλόβο, τὸ сложили, и клятвенныхъ

(*) Названия городов перевелъ я, согласясь съ именами ихъ въ известномъ Воскресенскомъ спискѣ.

19 *

150 ΟΤΔ. Π. — ΠΡΟΤΟΚΟΛΥ

Ληπήτση, τὸ Γεββ (Γεββ), грамотъ не отослали. И
 τὸ Χοτέν, τῆ Θωμῆ τὸ κά- мы, того не терпя, самихъ
 στρον, τὸ Μπερζοση, τὸ Κο- ихъ заѣхали, а не испра-
 λούγαν, τὸ Μτζέμισκον. Ταῦ- вить ко мнѣ, и нынѣ тер-
 та πάντα εἶσι κἀστρα καὶ пѣть не буду. По благо-
 ταῦτα ὅλα ἐπήρα, καὶ τῆ словенію твоему Митропо-
 σταυρῆ τὸ φίλημα οὐ κα- литъ благословляешихъ на
 τέθηκαν, οὔτε τὰ ορκόμε- пролитіе крови. А донынѣ
 να ἀπέπερσαν. Καὶ ἡμεῖς и за отцевъ нашихъ не бы-
 ταῦτα πάντα μὴ ὑπομήναν- вало такого Митрополита,
 τες αὐτῆς πάλιν ἐκπεσό- каковъ сей Митрополитъ:
 μεν τῆς, καὶ ἐὰν οὐ διορθώ- благословляеть Москви-
 νουν εἰς ἐμέ, οὔδὲ τῶρα τῆς- тьянъ на пролитіе крови!
 θέλω ὑπομένειν. Κατὰ τήν И ни къ вамъ не прихо-
 ἐυλογία σὺ ὁ μητροπολί- дить, ни въ Кіевъ не от-
 τής αὐτῶν εὐλογεῖ εἰς τὰς правляется. А кто цѣло-
 αἱματοχυσίας. Μέχρις τῆ валъ крестъ ко мнѣ и
 νῦν οὔτε εἰς τοῖς πατέρας убѣжитъ къ нему, Митро-
 μάς τοιούτους μητροπολί- полить снимаетъ съ него
 τής οὐκ ἐγενετο, αἰὼς αὐτός крестное цѣлованіе. Бы-
 ὁ Μητροπολίτης, εὐλογεῖ- вало ли такое дѣло на свѣ-
 Μοσχουβίας εἰς τὰς αἱμα- тѣ, чтобы снимать крест-
 τοχυσίας. Καὶ εἰς ἐμάς οὔδὲ ное цѣлованіе? Иванъ Ко-
 ἐρχεται, οὔτε εἰς τὸ Κίεβον зельскій, слуга мой, цѣло-
 ἰπάγεται. Καὶ ὅς τις ἐφι- валъ крестъ ко мнѣ, и съ
 λησε σταυρόν εἰς ἐμέ καὶ матерью, и съ женою, и съ
 φύγει πρὸς ἐκείνον, ὁ Μη- дѣтьми, что . . . (*),
 τροπολίτης ἐκβάλλει τῆ и онъ, кинувши и мать, и
 σταυρῆ τὸ φίλημα ἀπεκεί- братьевъ, и жену, и дѣтей,
 νη. Γίνεται τοῦτο εἰς τὸν бѣжалъ, и Митрополитъ

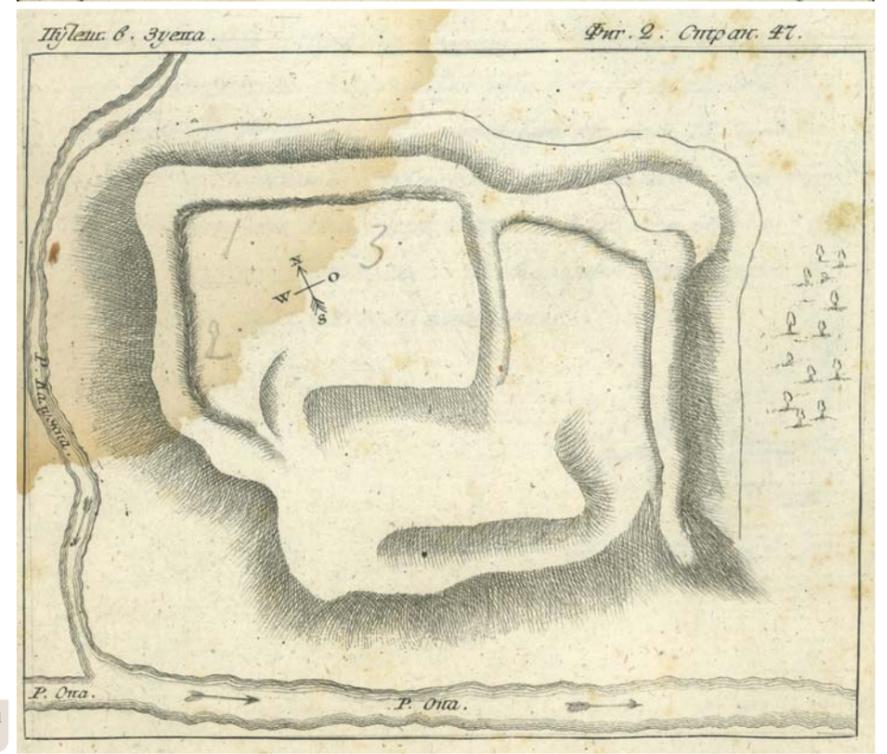
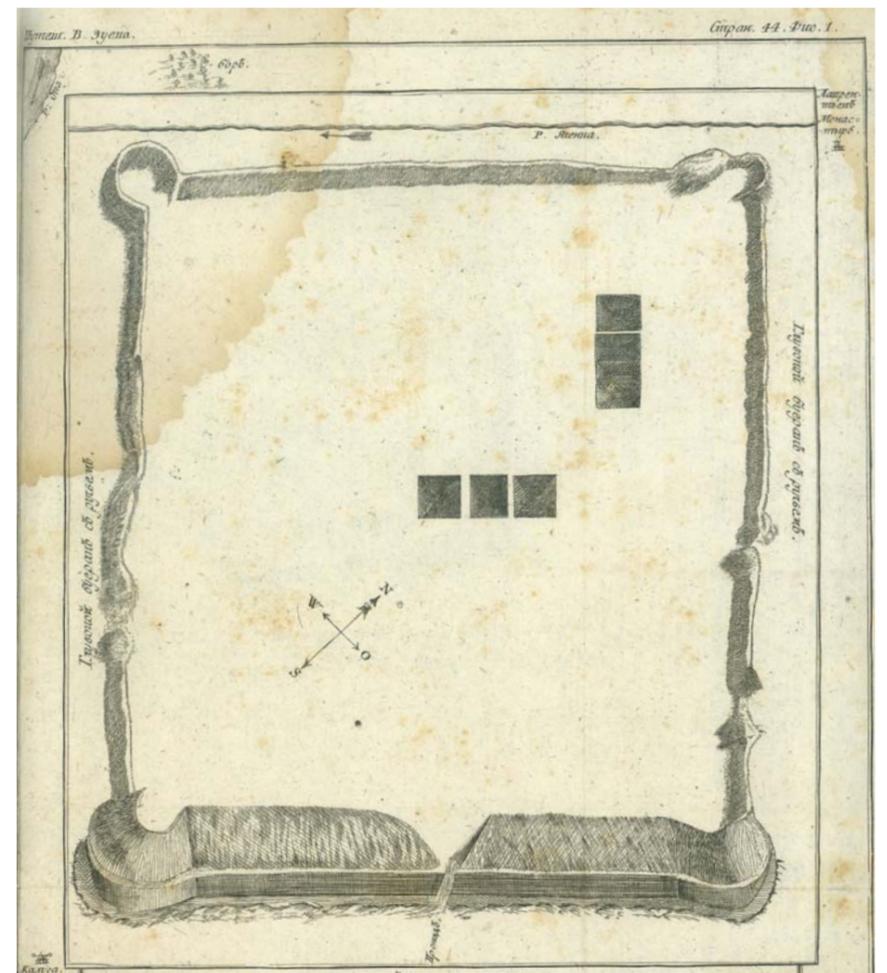
(*) Друзъ нашъ трехъ словъ въ текстѣ не прочелъ.

науке сделать какие-либо выводы. На сегодняшний день можно лишь констатировать, что на городище при устье реки Калужки, на левом её берегу, обследованном ещё Зуевым, были найдены предметы XIV—XVII вв. Городище выше по реке Калужки, у Ждамирово, использовалось для жизни с III в., а основной массив найденных предметов датируется XII—XV вв. На Симеоновом городище были обнаружены предметы XIV—XVII вв., при этом значительное число круговой позднесредневековой керамики позволяет говорить об особой активности жизни в этом месте в XIV—XV вв. Что касается калужской крепости на берегу Березуевского оврага, то при археологических исследованиях разведочного характера находок датируемых ранее XVI в. найдено не было. Следовательно, как минимум, на трёх «калужских» городищах с XIV в. прослеживается жизнедеятельность и нет достаточных оснований назвать одно из них древней Калугой. На основе письменных источников однозначно можно лишь утверждать, что к концу XVI в. город Калуга с крепостью и посадом располагался уже на берегу реки Оки, у Березуевского оврага, и именно от этого места прослеживается далее непрерывная история развития современной Калуги.

Если первое письменное упоминание о Калуге в иностранных документах относится к 1371 г., то первое упоминание в отечественных письменных источниках находим в духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича Донского, составленной в промежутке между 13 апреля и 16 мая 1389 г. В этом документе, в части,

касающейся наследства князя Андрея, прописано: «А Колуга и Роцца с(ы)ну же моему, князю Андрею». Из контекста грамоты следует, что Калуга, впервые упомянутая в составе земель великого князя, являясь значительным населённым пунктом, не была административным центром. Этот вывод подтверждает формула, использованная в докончании великого князя Василия Дмитриевича с князьями Можайским Андреем Дмитриевичем и дмитровским Петром Дмитриевичем, составленном в 1401–1402 гг., где говорится, что «благословил отец наш, князь велики, в Москве, и Можайском с волостями, и отъездными месты, и Колугою, и Дмитровым с волостями, и Московскими волостями, и Белымозером с волостями». Аналогичным образом Калуга, как отдельный населённый пункт, упоминается в докончаниях 1434, 1445, 1447 гг. князя Можайского Ивана Андреевича с великими князьями московскими Юрием Дмитриевичем и Василием Васильевичем. В ходе междоусобной борьбы князь Иван Андреевич лишился своей вотчины и уже в докончании великого князя Василия Васильевича с князем серпуховским и боровским Василием Ярославичем, составленным в промежутке между 1451–1456 гг., в числе великокняжеских земель указывается «Колуга с волостями». Следовательно, лишь к середине XV в. Калуга становится административным центром в составе великого княжества Московского. Как видно, фактически Калуга появляется во второй половине XIV в. на пограничной территории, разделявшей Литву и Москву, на пространстве между впадавшими в Оку реками Калужской и Яченкой. В 1370 г. в ходе военных действий город Колуган (Калуга) переходит или возвращается великому князю Дмитрию Ивановичу, а в 1371 г. упоминание о нём появляется в грамоте Ольгерда патриарху Филофею. Это первое упоминание города в письменных источниках, по сложившейся традиции, и является формальным годом основания Калуги. 11

План Симеонова городища и городища на Калужке из записок Зуева



Городище в Ждамирово на Калужке

ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ

УСАДЬБА АВЧУРИНО – история, отражённая в водах Оки

Константин Гавриленко,
администратор ГБУК КО «Калужский объединённый музей-заповедник»
на объекте культурного наследия федерального значения
«Усадьба Авчурино, XIX век дом-мавзолей»

Усадьба Авчурино под Калугой в последние годы вызывает всё возрастающий интерес специалистов и многочисленных путешественников, увлечённых историей российской архитектуры.

Усадьба очаровывает необычной для средней полосы России готической красотой здания библиотеки, романтическими руинами садового павильона, тёмным силуэтом старинного храма на высоком берегу реки Оки. Кажется, что какая-то тайна скрыта под тёмным пологом усадебных аллей, на дне заросшего усадебного пруда, в высокой башне старинной библиотеки.

На небольшой площади парадного двора усадьбы перед нами встречаются образы различных исторических эпох и архитектурных стилей. Остатки петровского барокко с люкарнами и сбитыми оконными наличниками проглядывают на стенах четверика храма святого Николая Чудотворца, изящный классицизм застыл в колоннаде садового павильона и на портике флигеля усадьбы, строгая готика усадебной библиотеки смотрит на посетителей усадьбы немим свидетелем былого великолепия этих мест.

Каждая эпоха оставила здесь свои следы, каждый владелец усадьбы сохранился в архитектуре её построек и тишине её парка. Не в каждой усадьбе столько истории, не в каждом месте столько прекрасного.

Вот что писали о красоте авчуринских мест последние владельцы усадьбы Ольга Николаевна и Михаил Фёдорович Гончаровы в журнале красивой жизни «Столица и усадьба» 30 сентября 1917 года: «Местность

на редкость живописная для средней полосы России. Оба берега здесь гористые; они прерываются лишь живописными лесными и луговыми долинами, спускающимися к Оке. Вид из Авчурина на десятки вёрст во все стороны. Видны и церкви г. Калуги, и часто в тихие летние вечера явственно доносится звон колоколов. У шоссе, внизу, вблизи перевоза, раскинулся авчуринский сосновый бор, а по склонам гор и долинам ярко зеленеют небольшими группами лиственные леса. По Оке от Калуги до Серпухова бегают небольшие пароходы, вносящие оживление в тихое приволье широкой здесь реки».

Действительно, расположение Авчурино на высоком берегу реки Оки у древнего песчаного брода-перевоза ещё в конце средних веков определило его значение как важного пограничного пункта молодого Московского государства.

Согласно Разрядной книге московских государей 1475–1598 гг. территория усадьбы с XIV в. входила

в линию пограничных укреплений Московского княжества на границе с Литвой, проходившую по Оке. Оборону «берега» возглавляли воеводы, назначаемые московским князем. На рубеже XV–XVI вв. воеводой здесь был Василий Овца, по прозвищу которого, очевидно, исследуемая местность на крутом берегу Оки получило название Авчурино (первоначально Овчурино).

В 1615 г. рассматриваемая территория становится собственностью бояр Яковлевых, затем бояр Хитрово, что подтверждает документ конца XVII в. «Калужской десятины жилия данная церкви и пустовыя церковныя земли».

В Переписной книге крестьян Подгородного и прочих станов Калужского уезда указано, что Авчурино принадлежало окольничему Александру Савостьяновичу Хитрово (ум. в 1686 г.), сыну воеводы Савостьяна Деметьевича Хитрово, принимавшему участие в Литовском походе 1653–1656 гг.



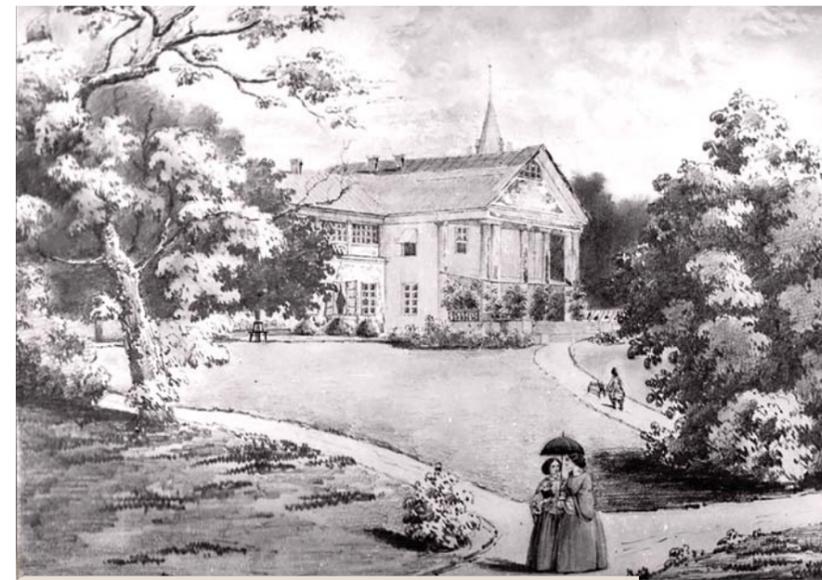
П. И. Ягужинский. Неизвестный художник. XVIII в.

После смерти А. С. Хитрово село Авчурино в составе других многочисленных владений перешло его сыну Фёдору Александровичу, затем — жене Ф. А. Хитрово Марии Фёдоровне, а позже — их дочери Анне Фёдоровне, выданной в 1711 г. замуж за полковника Павла Ивановича Ягужинского, в последствии первого в русской истории генерал-прокурора.

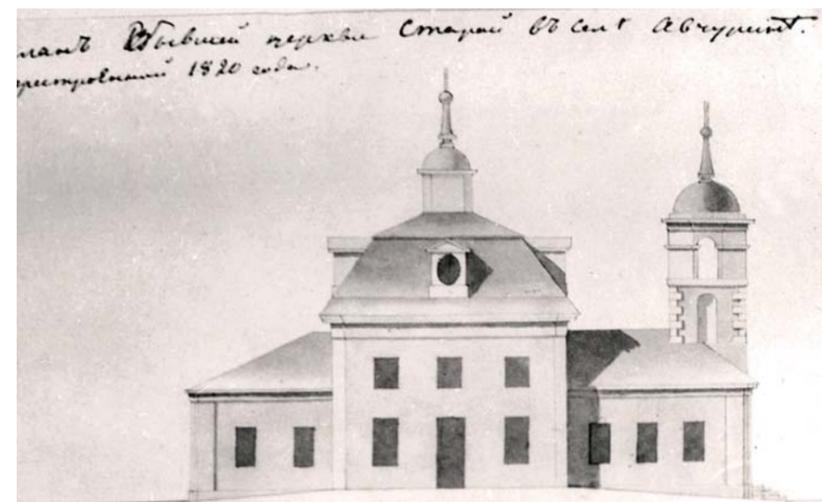
В 1712 г. после смерти Марии Фёдоровне Хитрово село Авчурино перешло во владение П. И. Ягужинского, при котором был построен деревянный главный дом и каменная церковь Николая Чудотворца (арх. Васильев Ф. А.). По его заказу также была посажена дубовая аллея (иначе «дубовый проспект»), ведущая в село Сухининки. В 1715 году Пётр Великий по челобитной Павла Ивановича начал дело с тем, чтобы «деревни ево размежевать, а в обидах ево розыскать... И указ учинить по правам, как надлежит».

Таким образом, П. И. Ягужинским было определено место, проведено межевание и заложено ядро будущего архитектурно-ландшафтного ансамбля усадьбы Авчурино, расцвет которого пришёлся на первую половину XIX столетия. Всего же П. И. Ягужинский был полноправным хозяином Авчурино 24 года.

В 1736 г., после смерти П. И. Ягужинского, Авчурино перешло его дочери Прасковье Павловне. В 1738 г. П. П. Ягужинская вышла замуж за Сергея Васильевича Гагарина (1713–1782), президента Эконом-коллегии. Сергей Васильевич в 1733 г. был уволен со службы и посвятил



Авчурино. Общий вид старого деревянного дома. 1840–1860-е гг.



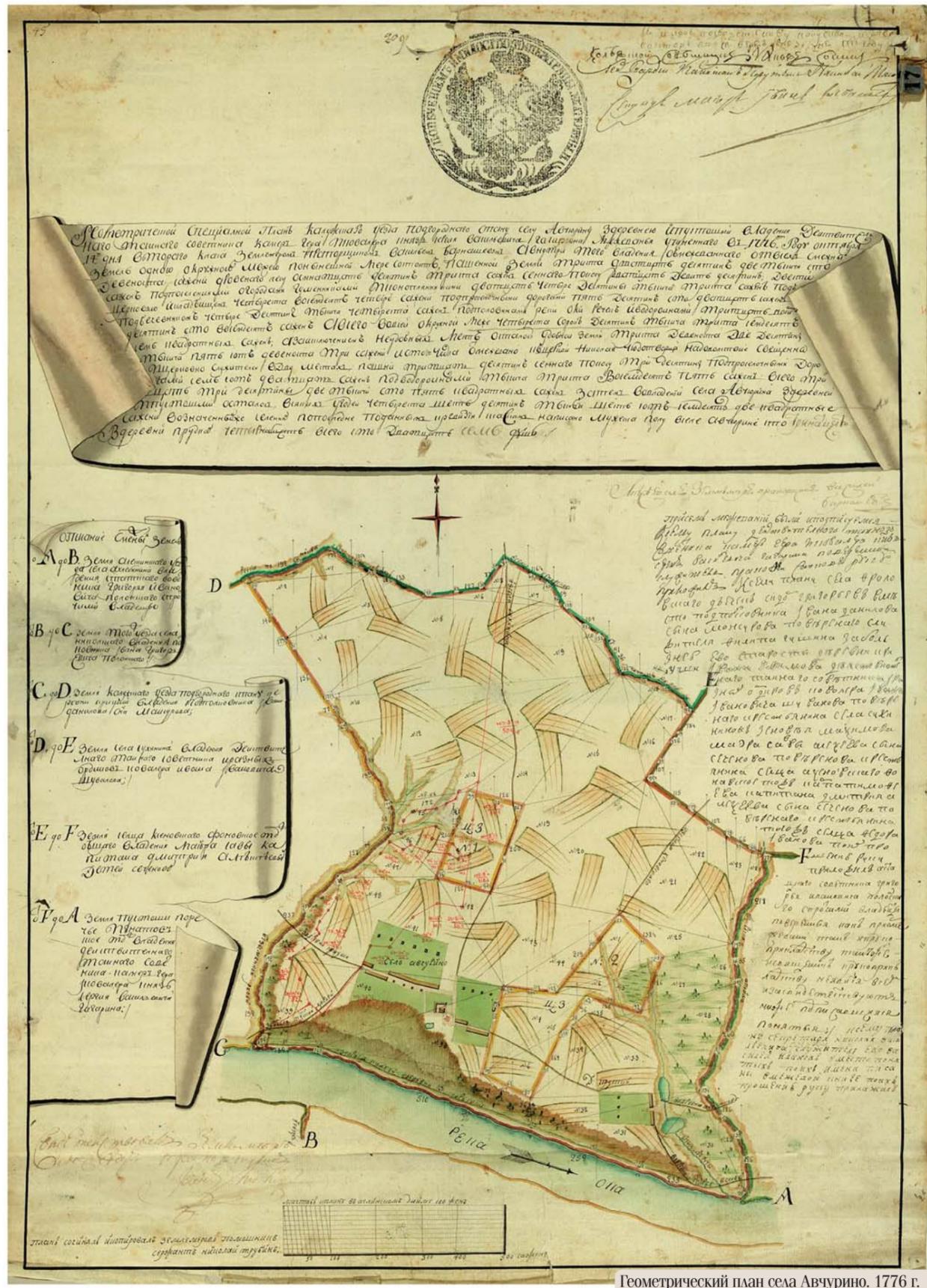
Вид старой Никольской церкви в Авчурино до перестройки 1820-х гг. Северный фасад



Князь С. В. Гагарин. 1760–1770-е гг. Худ. Ф. Рокотов



Графиня Прасковья Ягужинская в браке княгиня Гагарина. 1780-е гг. Худ. Ф. Рокотов



Геометрический план села Авчурино. 1776 г.

время семье. У них было шестеро сыновей и две дочери.

При этом, изучив дело о межевании земель усадьбы Авчурино мы узнаём, что землями соседнего села Сухининки владел действительный тайный советник Иван Иванович Шувалов — основатель Московского университета и Академии художеств. Почётный член Императорской Академии наук, действительный член Императорской Российской академии.

После смерти С. В. Гагарина в 1782 г. село Авчурино перешло во владение его сыновей, а в 1792 г., после 54 лет владения усадьбой, имение было продано Гагаринскими Дмитрию Марковичу Полторацкому (1761–1818). На протяжении последующих 120 лет вплоть до 1911 года усадьба принадлежала представителям этого дворянского рода.

С 1803 года новый владелец села Авчурино Дмитрий Маркович Полторацкий начинает бурное строительство в усадьбе: к главному дому пристраиваются два флигеля, строятся конюшни. С западной и восточной сторон двора, на поперечной оси были поставлены флигели — каменные односторонние строения с мезонинами.

К западу от парадного двора был разбит регулярный парк, а на холме, между главным домом и рекой, устроен английский пейзажный парк с системой прудов, лодочной пристанью и купальней, с различными беседками, мостиками, скамейками и другими «затаями», составлявшими неотъемлемую принадлежность русских усадеб.

Не менее масштабными были работы, проведённые Д. М. Полторацким по созданию хозяйственного комплекса усадьбы, включавшего упомянутый выше конный двор на 500 лошадей лучших пород с периметральной застройкой и манежем посреди внутреннего двора; скотный двор на 300 голов; огромное оранжерейное хозяйство; мельницу и многие другие хозяйственные сооружения.

Исключительный по своей полноте и подробности материал о хозяйстве в Авчурино представляет работа Е. Мина «Описание Авчуринского хозяйства, устроенного Д. М. Полторацким», опубликованная в Московском земледельческом журнале в 1829 г.

Особо необходимо отметить, что именно «образцовое хозяйство», ставшее результатом экономического



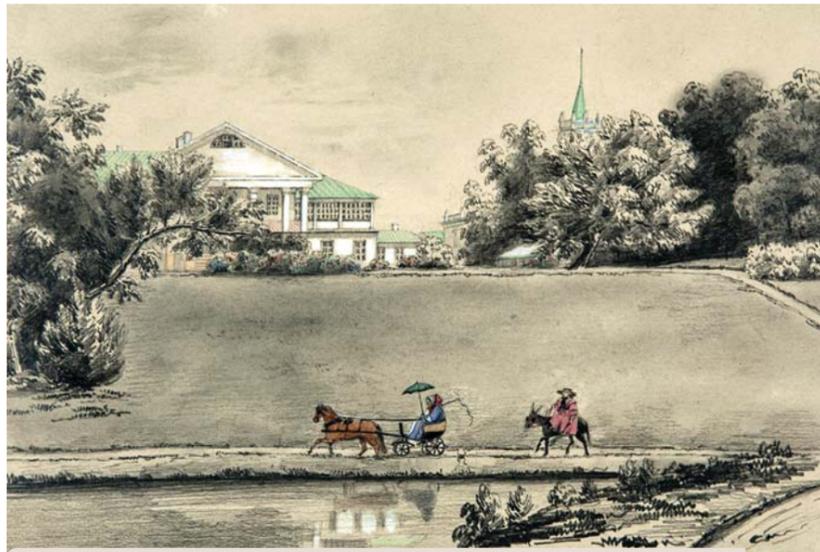
Дмитрий Маркович и Анна Петровна Полторацкие



Старый главный дом и западный флигель. Вид с востока. 1840–1860-е гг.



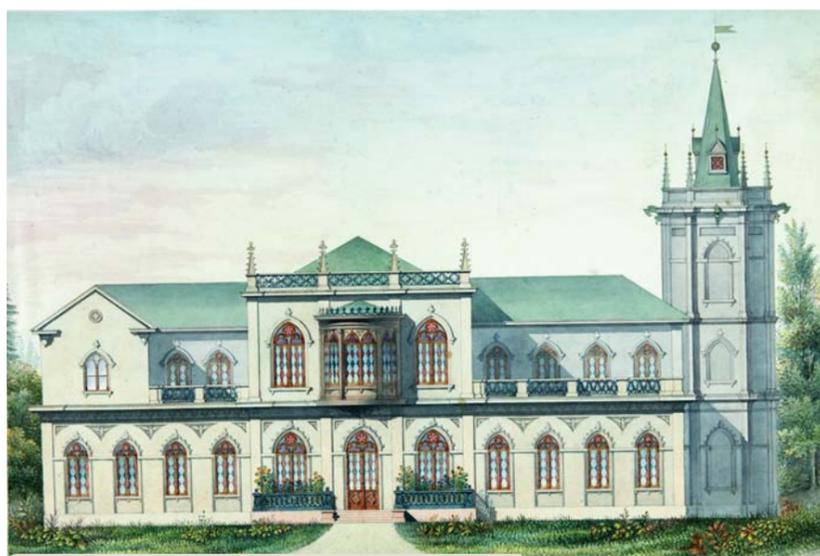
Старый дом. Вид с юга. Акварельный рисунок Ш. Ребу. 1846 г.



Старый деревянный дом и готический флигель. Вид с севера. 1840–1860-е гг.



Готический флигель. Вид с севера. 1840–1860-е гг.



Западный фасад готического дома. 1840–1860-е гг.

эксперимента Д. М. Полторацкого, составило громкую славу Авчурино.

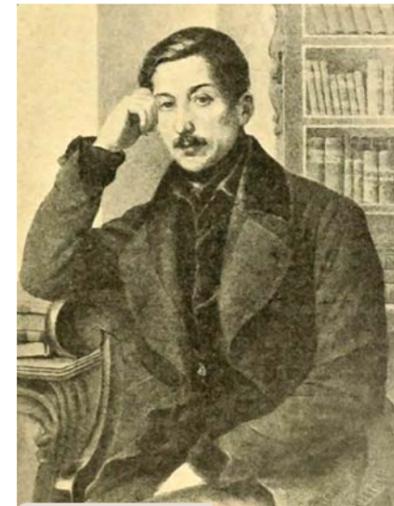
Особое внимание владельца имения было обращено на усовершенствование земледелия с учётом достижений английского хлебопашества. Для этого вся территория, занятая пашней, была перепланирована, болота осушены, земля расчищена и выровнена специальными машинами. Пар был ликвидирован, и вместо устаревшего трехполья было сперва введено восьмиполье, а затем четырехпольное плодоперемное хозяйство, причём не только на барской земле, но и на земле крестьянской. Для вспашки полей вместо сохи применялся усовершенствованный плуг, получивший впоследствии название «плуга Полторацкого». Для рыхания земли использовались бороны с железными зубьями. Песчаная земля удобрялась не только навозом, но и мергелем.

Устроенные Дмитрием Марковичем Полторацким нововведения в способах ведения сельского хозяйства способствовали проявлению интереса к его усадьбе со стороны царственных особ. Так, в сентябре 1816 года Авчурино посетил Александр I.

В 1837 г., во время своего путешествия по России, имение посетил 19-летний наследник престола великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр II), в сопровождении своего наставника поэта В. А. Жуковского. На высокого гостя Авчуринское хозяйство произвело большое впечатление, особенно ему понравился конный завод. Он присутствовал на сельскохозяйственных работах и сам пробовал пахать усовершенствованным «плугом Полторацкого».

По свидетельству последних владельцев Авчурино — семейства Гончаровых, в 1866 году плуг, которым пахал наследник (будущий император Александр II), С. Д. Полторацким был послан в дар известному Комиссарову, спасшему жизнь Александру II и получившему в награду имение.

Но не только устройством хозяйства в усадьбе Авчурино занимался Дмитрий Маркович. В 1809 году хозяин Авчурино пригласил Н. М. Карамзина пользоваться «драгоценной Хлебниковской библиотекой», которая досталась ему в приданое за женой Анной Петровной. В одном из примечаний в первом томе своей



С. Д. Полторацкий

«Истории» Николай Михайлович пишет: «В 1809 году, осматривая древние рукописи покойного Петра Кирилловича Хлебникова, нашёл я два сокровища в одной книге: летопись Киевскую, известную единственно Татищеву, и Волынскую, прежде никому неизвестную».

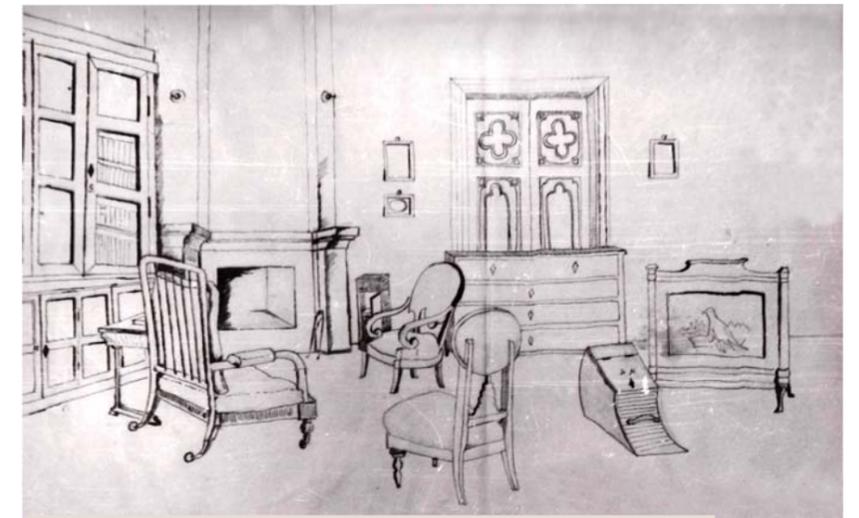
Страсть к книгам передалась и сыну Дмитрия Марковича — Сергею. По свидетельству современников в молодые годы он служил на военной службе, но недолго и, выйдя в отставку, занялся изучением русской литературы и собиранием книг; последнее явилось для него поглощающей страстью, и весь дом скоро был заполнен шкапами с книгами.

В начале 40-х годов XIX века на месте усадебного флигеля им был выстроен большой каменный дом в готическом стиле с 4-этажной башней, предназначенный им под библиотеку.

Но не только готический дом появился в усадьбе во второй четверти XIX века. В это же время вдова Дмитрия Марковича занялась перестройкой на современный манер барочной церкви, выстроенной ещё Павлом Ивановичем Ягужинским. К работе над новым обликом храма был привлечён архитектор Василий Петрович Стасов. Им было выполнено 5 вариантов храма. И в 1825 год храм в его новом облике был открыт. При этом, старинный объём четверика в честь святого Николая Чудотворца остался и был задекорирован на новый манер — в стиле зрелого классицизма, а к его восточной стороне был пристроен новый придел — Сошествия Святого Духа. В усыпальнице



Интерьер библиотеки. Акварельный рисунок Ш. Ребу. 1846 г.



Интерьер библиотеки в готическом доме. Рисунок пером. 1840–1860-е гг.



Общий вид Никольской церкви с севера. 1840–1860-е гг.



Вид конного двора в Авчурино с северо-запада. 1840–1860-е гг.



Вид части парка с прудом. 1840–1860-е гг.



Ротонда в парке. Вид с юга. 1840–1860-е гг.

под этим приделом и был погребён Дмитрий Маркович. В отделке церкви принимал участие знаменитый художник академик А. Е. Егоров (иконы для тёплой церкви) и скульптор С. П. Кампиони (надгробные памятники).

В это же время в усадьбе устраивается садовый павильон. Его авторство, вероятнее всего, принадлежит итальянскому архитектору Луиджи Пелли, в семье которого до сих пор хранится проект купальни (садового павильона) и дома для мадам Полторацкой.

Во второй половине XIX века благосостояние семейства Полторацких пошатнулось. Несмотря на общую благоустроенность имения и предпринимавшийся поначалу ремонтно-строительные работы, С. Д. Полторацкий, интересы которого были далеки от области хозяйственной деятельности, и его потомки, по-видимому, уже не могли поддерживать некогда образцовое усадебное хозяйство на прежнем высоком уровне. В 1860 г. сгорел деревянный главный дом, и его функции на себя принял «готический флигель».

В 1861 г. имение С. Д. Полторацкого за долги было выставлено на публичные торги. Только благодаря ссуде, выданной Казённой палатой на его выкуп, удалось удержать имение за Полторацкими. Оно было продано во владение бывшей жене С. Д. Полторацкого — Марии Петровне Полторацкой (урождённой Киндяковой) и его детям. Сам же С. Д. Полторацкий в 1867 г. навсегда покинул Россию. В дальнейшем усадьба перешла его сыну Дмитрию Сергеевичу Полторацкому (1831–1875), а после его смерти принадлежала его вдове Ольге Михайловне, урождённой Мезенцевой (1833–1906) и детям.

Описание усадьбы и отдельных её построек содержится в мемуарах друга семьи Полторацких М. М. Осоргина, бывавшего в Авчурино в 1870-х гг.: «Это было старинное родовое и в моё время уже разорённое имение. Дом, в котором жила семья, раньше был флигелем для приезжающих, самый же дом сгорел ещё до моего рождения. В этом флигеле было комнат 30, но часть из них была закрыта за ветхостью потолков и полов, все стены коридоров и лестниц (флигель был двухэтажный с башней на одном конце) были заставлены шкафами с остатками громадной библиотеки

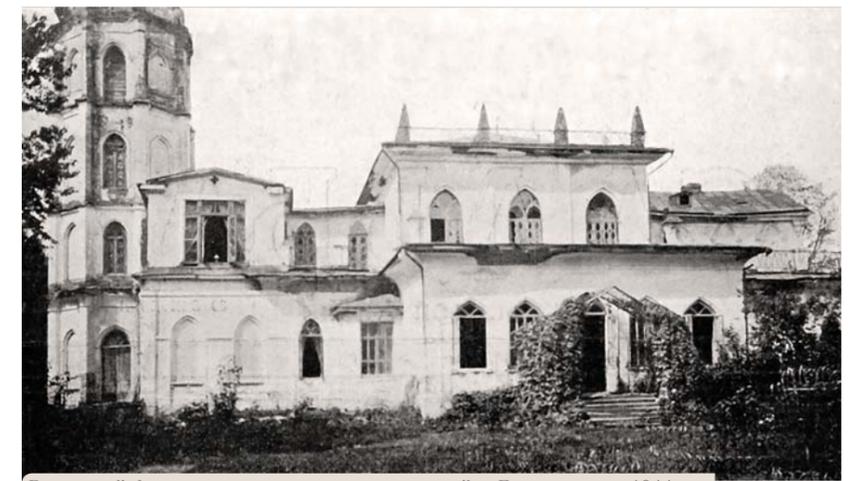
известного bibliофила Сергея Дмитриевича Полторацкого, деда наших сверстников; самую же библиотеку он пожертвовал в Румянцевский музей».

В июле 1911 г. Д. Д. Полторацкий продал усадьбу Авчурино Михаилу Фёдоровичу и Ольге Николаевне Гончаровым. Новые владельцы были представителями дворянского рода Гончаровых. Необходимо уточнить, что в родственных связях с Гончаровыми Калужской области, владельцами известной усадьбы Полотняный завод, они не состояли. Михаил Фёдорович Гончаров принадлежал к роду военных генералов братьев Гончаровых Орловской губернии, а его жена Ольга Николаевна происходила из рода московских дворян Макшеевых-Машоновых.

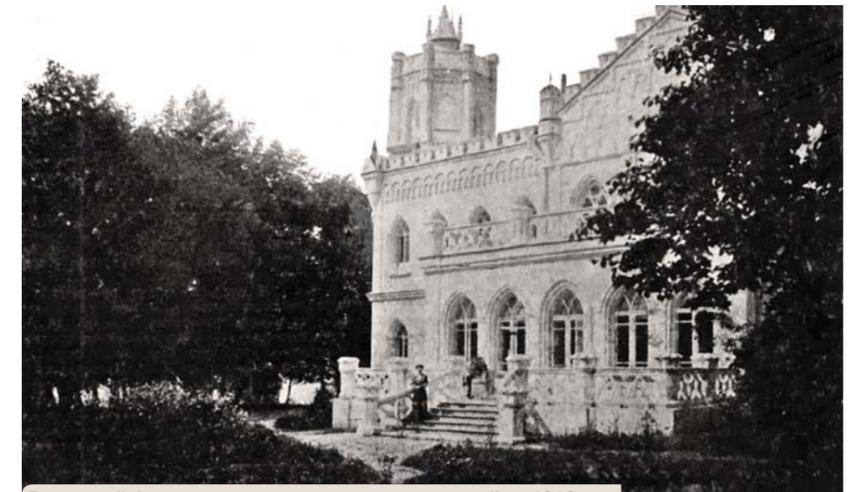
Сами Гончаровы в статье «Авчурино», вышеупомянутого журнала «Столица и усадьба» за 1917 год, признаются, что им «чрезвычайно понравилось живописное местоположение Авчурино, дубовый проспект, проходящий через всё имение с севера на юг почти на 2 версты, старинная липовая аллея в парке и там же старые дубы и другие деревья и узкая полоса, расположенных на горе двух прудов с двумя островками, густо заросшими старыми деревьями».

Решено было немедленно приступить к перестройке главного (готического) дома, оставив от него только готический стиль и каменные стены и 1 сентября 1911 года было приступлено к разборке старого дома, т. е. всей без исключения внутренности дома, башни и сносу деревянных несимметричных надстроек, сделанных ещё в 50-х годах и портивших основной замысел первоначального строителя. Перестройка дома закончилась к июню 1913 года.

Перестроены были и другие здания и хозяйственные постройки, а к флигелю, расположенному против нового (готического) дома и отделённого от него обширными цветниками, для украшения пристроены колонны. Также была капитально отремонтирована и круглая каменная беседка Александровской эпохи, под которой последние годы помещался ледник, а в ней курятник, колонны же едва держались. В парке лежали два каменные ассирийского типа льва, частью ушедшие в землю. Они были извлечены, реставрированы и помещены на подъезде перестроенного дома.



Восточный фасад готического дома до перестройки Гончаровыми. 1911 г.



Восточный фасад готического дома после перестройки. 1916 г.



Подъезд готического дома со львами. 1916 г.



Флигель старого дома. 1929 г.



Ротонда в парке. 1920-е гг.

После 1917 г. имение Авчурино было национализировано, а имущество конфисковано, о чём свидетельствует список мебели и других предметов, изъятых Калужским почтово-телеграфным управлением, в составе материалов заседаний президиума Калужского Губернского Исполнительного комитета 1919–1920 гг. из фондов Государственного архива Калужской области.

По данным документов, хранящихся в Государственном архиве Калужской области, в 1919 году прихожане села Авчурино не подписали договор на взятие храма в своё ведение, что предопределило его закрытие в 1929 году и начавшееся разрушение.

В 1920–1930 гг. в Авчурино располагался Дом учёбы и отдыха. Основная планировка усадьбы были сохранены. В «готическом доме» и западном флигеле размещались комнаты отдыхающих, зал для чтения различных лекций. Сюда приезжали читать свои лекции А. Л. Чижевский, В. Ярошевский. Между «готическим домом» и восточным флигелем был разбит небольшой сквер с лавочками и дорожками. Ценным изобразительным источником сведений о состоянии усадебного ансамбля в довоенный период является серия открыток с видами Авчуринского дома отдыха на рубеже 1920–1930-х гг. На них изображены «готический дом», западный флигель, дубовый проспект, липовая аллея.

Во время Великой Отечественной войны почти все постройки были значительно повреждены. Особенно пострадал «готический дом», в котором произошёл сильный пожар, в результате чего от дома остались только наружные стены.

В послевоенное время в Никольской церкви находилась пекарня, а в 1980-х гг. — склад для хранения баллонов с сжиженным газом. В последующие десятилетия здание церкви пустовало и постепенно разрушалось.

В 1950–1960-е годы здание готического дома отремонтировали, а в его помещениях устроили среднюю общеобразовательную школу, просуществовавшую до 1990-х годов. После открытия новой школы здание готического дома было отключено от центрального отопления и заброшено. Работа сельского клуба в помещении первого этажа не могло спасти здание, и уж тем более улучшить его состояние.

Сегодня интерес к усадьбе Авчурино вновь высок как никогда.

Проведена расчистка территории парадного двора от мусора и самосевной поросли, ведётся уход за дубовой аллеей. От мусора и многолетнего птичьего помёта расчищены внутренние помещения готического дома и храма святого Николая Чудотворца, началось их восстановление.

С 2006 года здание церкви передано в безвозмездное пользование Централизованной Православной религиозной организации — Калужская епархия Русской Православной церкви (Московский Патриархат). С 2015 года образована Местная Православная религиозная организация — Приход в честь святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских в с. Авчурино Ферзиковского района Калужской епархии Русской Православной церкви (Московский Патриархат). С 2015 года приход проводит церковные богослужения в помещении дома усадьбы на постоянной основе.

В 2016 году здания дома и мавзолея были переданы в безвозмездное пользование государственному бюджетному учреждению культуры Калужской области «Калужский объединённый музей-заповедник» — крупнейшему музейному образованию Калужской области.

На протяжении 2016–2018 годов на территории усадьбы проводится благотворительный музыкальный фестиваль «Авчуринские пикники», на котором уже выступили такие музыкальные коллективы как ВИА «Синяя птица», Трио «Ясная Поляна», лучший акустический гитарист Иван Смирнов и многие другие. Телекомпанией «Ника ТВ» подготовлен научно-популярный фильм по истории усадьбы.

С 2018 года под патронажем Прокуратуры Калужской области проводится ежегодная межрегиональная научно-практическая конференция «Ягужинские чтения». В церемонии открытия первой конференции принимал участие Генеральный Прокурор Российской Федерации Юрий Яковлевич Чайка.

Хочется надеется, что позитивная тенденция по возрождению древней усадьбы, которую мы наблюдаем сегодня, продолжится и приведёт в скором времени к полному восстановлению усадебных зданий, прудов, парка и всей культурной жизни, которая прославляла усадьбу Авчурино и Калужскую губернию на протяжении XVIII–XIX веков далеко за их пределами. 📖



Служба о возрождении храма



Авчуринские пикники. 2016 г.



Ягужинские чтения. 2018 г.



СПАСЁННЫЙ ПАМЯТНИК

Военно-исторический центр в палатах Торубаева

В городе Калуге во 2-м Красноармейском переулке, в доме под номером 10 располагается объект культурного наследия федерального значения «Палаты Торубаева и ворота», принятые на государственную охрану Постановлением Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327. Это уникальное здание, построенное более 250 лет назад, когда на территории Калуги ещё сохранялись следы средневековой крепости и существовала

хаотичная застройка города, бывшего тогда центром Калужской провинции Московской губернии.

Палаты Торубаева — одно из старейших каменных зданий Калуги. Главный дом усадьбы двухэтажный, отстроен в стиле барокко во второй четверти XVIII в. купцами Торубаевыми, владевшими в Калуге парусной фабрикой.



Городская усадьба Торубаевых поставлена на высоком выступе коренного берега реки Оки, с востока она ограничена переулком, а с юга и запада — естественными крутыми склонами Оки. Главный дом был органично вписан в окружающий ландшафт и городскую застройку (эта целостность была нарушена в 1979 г. строительством пятиэтажных зданий). В 1832 г. домом владеет М. Д. Макарова, в 1860-гг. — Алтынниковы, в 1899 г. — С. Я. Извеков.

С 1913 по 1933 г. в доме жил известный исследователь истории Калужского края Дмитрий Иванович Малинин (1879–1933 гг.). Всю свою энергию он отдавал изучению и популяризации

истории калужской земли, выявлению и охране памятников и культурных ценностей. С 1909 г. Малинин преподавал в калужском реальном училище. В 1910 г. стал членом Калужской учёной архивной комиссии. С 1917 г. — профессор Калужского отделения Московского археологического института. В 1918 г. по его инициативе было создано Калужское общество древностей и охраны художественных произведений. В 1921–1923 гг. Малинин работал заведующим Губернским архивным управлением, а в 1924–1926 гг. — директором Калужского объединенного музея. В 1929 г. по состоянию здоровья он вышел на пенсию и 28 ноября 1933 г. скончался в своём доме.



Иван Викулнич Торубаев (меньшой). Неизвестный художник. 1830-е гг. Из собрания Калужского объединённого музея-заповедника

Из обширного рода купцов Торубаевых происходил городской голова И. В. Торубаев, видный жертвователь и благотворитель начала XIX в. И. В. Торубаев (родился в 1759) — Калужский городской голова с 1810 по 1814 гг. На его долю выпало тяжёлое бремя по организации исполнения воинских повинностей в период Отечественной войны 1812 г., с которым он блестяще справился. В период войны являлся активным участником организации сбора пожертвований для армии и лично от себя внёс 12 тысяч руб. Следил за выполнением возложенных во время войны на Думу различных повинностей, связанных с содержанием в городе госпиталей, воинских команд, комендатур, пленных, с доставлением к армии провианта, вина, фуража, медикаментов, подшубков, сапог, лаптей, топоров, лопат и т.д. С городским головой вёл переписку главнокомандующий армиями светлейший князь М. И. Кутузов. В 1812–1813 гг. Торубаев получал письма и от М. А. Милорадовича, князя П. М. Волконского и А. С. Шишкова. За проявленное на должности городского головы усердие и ревность Торубаев был награждён в декабре 1812 г. золотой медалью «За усердие». В 1813 г. получил высочайшее благоволение за пожертвование двухэтажного дома «к успокоению Калужских неимущих, престарелых и больных».

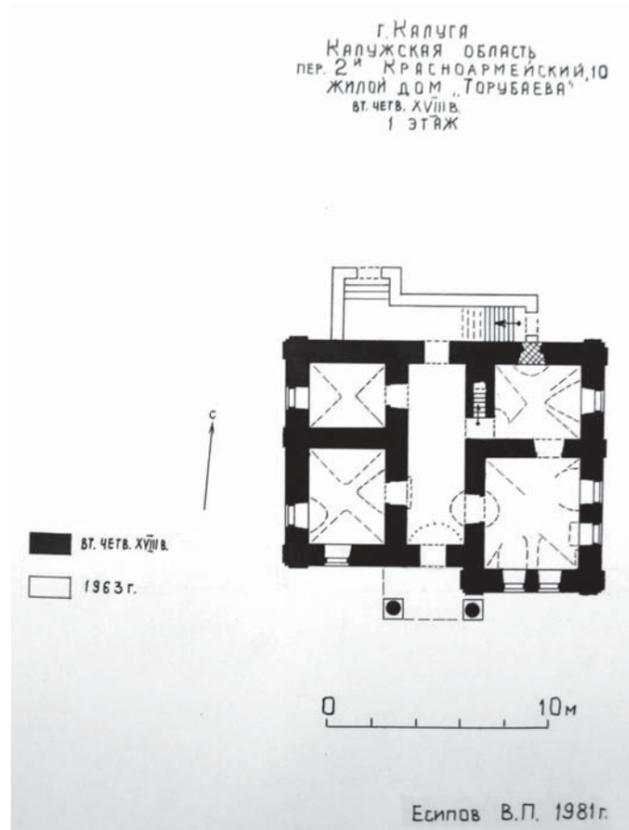
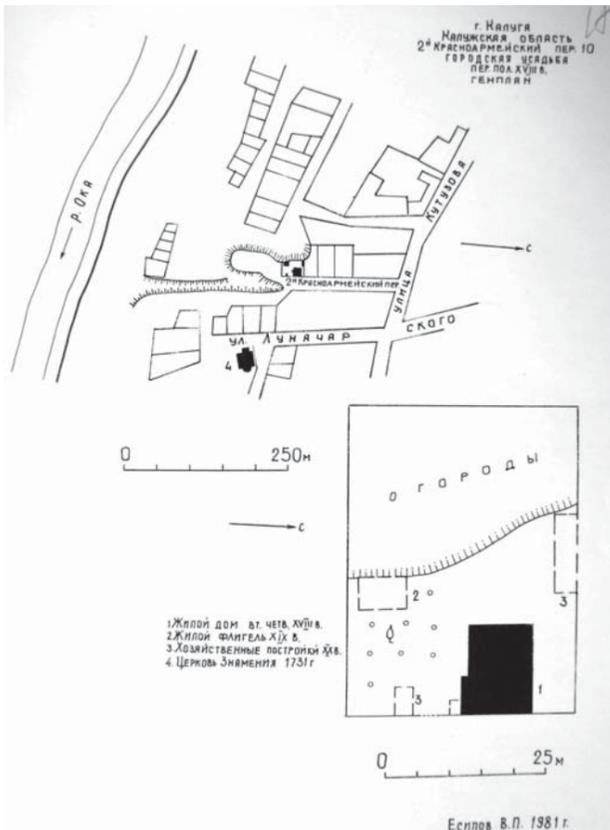
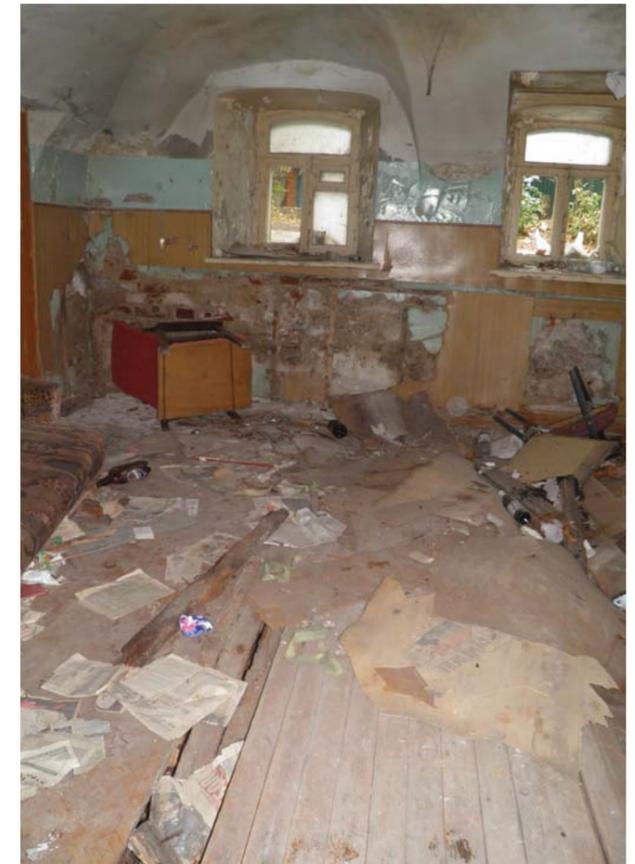
В сентябре 1812 г., когда над Калугой нависла угроза оккупации, главнокомандующий армиями М. И. Голенищев-Кутузов направил Торубаеву несколько писем, в которых успокаивал калужан и предрекал грядущую гибель армии Наполеона. Именно Торубаеву Кутузов 16 октября 1812 г. написал из Полотняного Завода строки, наиболее ясно раскрывшие замыслы главнокомандующего. «Уверьте их [калужских жителей], — писал Кутузов, — что я иду дать врагу сражение, но никак не ретируюсь, и что цель моя не в том состоит, чтобы выпнать неприятелей из пределов наших, но чтобы, призвав в помощь Всемогущего Бога, изрыть им могилы в недрах России». Эти слова оказались пророческими. Согласно данным современных исследователей войска, участвовавшие в походе на Россию, насчитывали около 560 тысяч человек. Из них границы России покинуло, по самым оптимистическим подсчётам, примерно 100 тыс. В плену оказалось более 110 тыс., из них к началу 1813 г. осталось в живых около 50 тыс. Следовательно, только убитыми и умершими Великая армия в ходе Отечественной войны 1812 г. потеряла более 410 тыс. человек. Именно столько солдат и офицеров Великой армии легли навечно в русскую землю.



Дом Торубаева. Февраль 1981 г.



Интерьер дома. Февраль 1981 г.



Об этом знаменитом владельце напоминает установленная на доме памятная доска.

В последующие годы дом продолжал использоваться под жильё. Межэтажная лестница, находившаяся в стене, была заложена, и каждый этаж стал отдельной коммунальной квартирой. В 1980-х гг. здание было расселено и в нём расположились государственные учреждения. Последний пользователь, относившийся к федеральным службам, заключил договор и охранное обязательство в 2011 г. Однако в течение последующих лет никаких



Памятная доска на доме Торубаева-Малинина



Внутреннее состояние памятника на начало 2016 г.



Сегодняшний вид палат Торубаевых (после ремонта и реставрации). 2019 г.



Справа налево: председатель регионального отделения РВИО в Калужской области П. А. Суслов и председатель Совета регионального отделения РВИО в Калужской области В. А. Бессонов на субботнике 30 сентября 2016 г.



Субботники по уборке дома от мусора. 2016–2017 гг.



Проект благоустройства территории палат Торубаева

действий по приведению в порядок памятника не производилось. Более того, учреждение покинуло дом, оставив его без какого-либо присмотра. В 2014 г. общественность города обратила внимание на то, что палаты Торубаева находятся в заброшенном состоянии и остро нуждается в проведении ремонтно-реставрационных работ. Исторический памятник оказался на пороге разрушения и гибели.

В феврале 2016 г. председатель Регионального отделения Российского военно-исторического общества в Калужской области П. А. Суслов инициировал создание под эгидой общества в палатах Торубаева военно-исторического центра. Это предложение поддержал Губернатор Калужской области А. Д. Артамонов и председатель Российского военно-исторического общества В. Р. Мединский. Была организована передача исторического памятника в собственность Калужской области и осуществлено размещение в нём структурного подразделения Калужского объединённого музея-заповедника. Последний является местом хранения значительного числа реликвий, связанных с военной историей Калужского края, и активно участвует в работе Российского военно-исторического общества.

С 2016 г. силами членов Российского военно-исторического общества, работников учреждений культуры и архивов и представителями общественности на постоянной основе стали проводиться субботники. Региональное отделение предприняло шаги по закрытию периметра дома и прилегающей территории от не санкционированных проникновений. В 2017 г. были выполнены необходимый объём научно-проектных работ и подготовлена проектно-сметная документация. Тогда же началось проведение ремонтно-реставрационных работ по замене кровли здания, водостоков и водосливов. На 2018 г. пришлись основные работы по ремонту фасадов здания, внутренних помещений, системы отопления и электрообеспечения. В 2019 г. планируется завершить реставрацию объекта путём воссоздания исторических ворот и благоустройства территории городской усадьбы. Тем самым, совместными усилиями Российского военно-исторического общества, общественности, органов власти, учреждений и реставраторов удалось спасти от разрушения уникальный памятник архитектуры второй четверти XVIII в. и дать ему новую жизнь в качестве центра патриотического воспитания калужан. 🇷🇺

АРХЕОЛОГИЯ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ОПАКОВ НА УГРЕ

Галина Массалитина,
ведущий научный сотрудник Национального парка «Угра»,
кандидат исторических наук

В 2018 г. исполнилось 20 лет с момента, когда автором статьи совместно коллегой, И.В. Болдыным, были начаты археологические исследования средневековых памятников в долине р. Угры в пределах Юхновского района. Сейчас эта территория — калужско-смоленское пограничье, на период XIV–XVI вв. — московско-литовское. С тех пор тема угорского порубежья стала одной из основных в нашей профессиональной деятельности. Средневековая история верховьев Оки в целом продолжает оставаться слабо изученной. Малоизвестным является и тот факт, что почти половина нынешней территории Калужской области более столетия была частью Великого княжества Литовского — могущественного соседа и многовекового соперника Московского государства. Длительное время границей их владений было Поугорье.

Ограниченный характер Угры нашёл отражение в самых разных источниках — письменных, картографических, археологических. На это, в частности, прямо указывал в своих «Записках о Московии» австрийский посол С. Герберштейн, посетивший её с дипломатическими миссиями в 1517 и 1526 г.: «Глубокая и извилистая река Угра начинается неподалёку от Дорогобужа в лесу

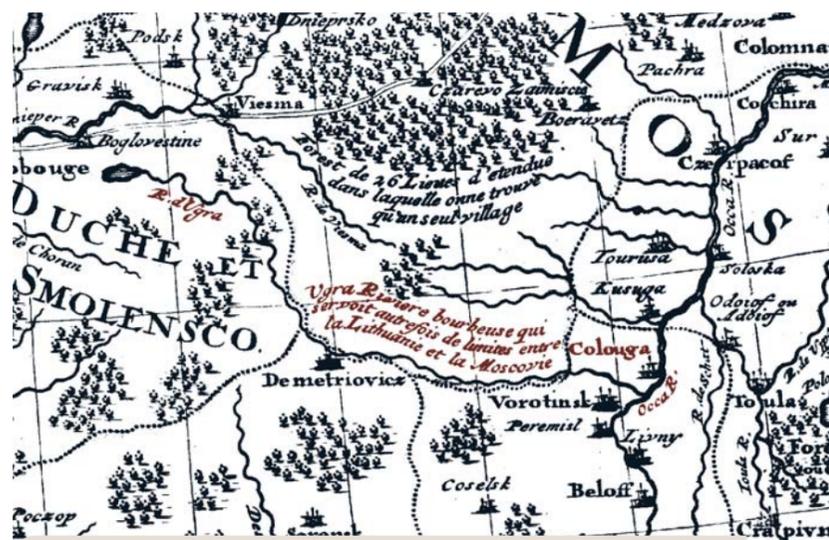
и изливается в Оку между Калугой и Воротынском. Эта река некогда отделяла Литву от Московии». На карте Г. Делиля 1703 г., где ряд географических объектов имеет те или иные пояснительные надписи, над изображением Угры сообщается о былом прохождении вдоль неё московско-литовской границы. Информация явно заимствована у С. Герберштейна, с той лишь разницей, что у дипломата

об этом говорится в тексте «Записок», а Г. Делиль вынес её на поле карты.

В числе важных итогов 20-летних работ — выявление целого ряда новых памятников, среди которых остатки летописных городов Дмитровец и Пустой Мошин. Ещё одно угорское городище, известное ранее как рядовой памятник раннего железного века, по итогам раскопок обрело совершенно иной статус — археологические материалы убедительно свидетельствовали, что оно является остатками хорошо известного средневекового города Опакова. Именно о нём и пойдёт речь в настоящей статье.

Для своего времени Опаков — крупный городской центр, обладавший посадом, торгом, таможней, управляющий рядом волостей по обоим берегам Угры. О значимости города может свидетельствовать хотя бы тот факт, что он одним из первых, наряду с Воротынском и Дмитровцом, стал обозначаться иностранцами на географических картах. Например, он уже показан на атласе Европы Г. Меркатора 1554 г., хотя пока ещё совершенно не на своём месте: средневековый картограф поставил его не на тот берег Угры и вынесли далеко на север от неё.

Судьба Опакова тесно связана со сложной политической историей



Фрагмент карты Г. Делиля 1703 г. Надпись над изображением Угры сообщает, что она разделяла московские и литовские владения



Великий литовский князь Витовт, при котором восточная граница Великого княжества Литовского достигла верховьев Оки. Из книги А. Гваньини «Описание Европейской Сарматии». 1581 г.



Фрагмент атласа Г. Меркатора 1554 г. Зелёным цветом выделен Опаков

верхнеокского региона — Верховских княжеств. Эти многочисленные мелкие русские удельные княжества, наследники Черниговского княжества, располагаясь на порубежной московско-литовской территории, длительное время были предметом постоянных пограничных конфликтов и притязаний обеих сторон. Уже во второй половине XIV в., этот регион начал постепенно входить в сферу влияния Великого княжества Литовского. В середине следующего столетия, по московско-литовскому договору 1449 г. земли «верховских» князей становятся его территорией. Литовские власти, понимая всю стратегическую важность региона Поугорья, предпринимают меры по укреплению участка новой государственной границы. Городки вдоль Угры, удобно расположенные и способные прикрывать опасные для проникновения противника места, раздавались во владение верным великому литовскому князю должностных лиц. В частности, в результате многочисленных пожалований Казимира IV значительно увеличиваются угорские владения князей Воротынских (его вассалов), среди которых — «город Опаков с волостями по Угрю». Так Опаков становится одним из узловых пунктов в системе обороны восточного рубежа Великого княжества Литовского.

Во второй половине XV в. происходят постоянные столкновения сторон по вопросу о правах на эту территорию. С 1486 г. конфликты приобрели характер ожесточённой пограничной войны. Опаков, переходя в ходе военных действий из рук в руки, то был владением князей Воротынских, то попадал в держание к смоленским наместникам Сапегам. Имеется ряд документов этого времени с жалобами о нападении на те или иные угорские земли, в том числе Опаков, с которыми противоборствующие стороны обращаются друг к другу. Например, посольство Казимира IV — с претензией к Ивану III: «Жаловали намь слуги наши, пана Сопежины дети, что жь съ твоее земли много люди приходили подь ихь городь подь **Опаковь** ... городь весь выбрали, шкоды



Противостояние Василия I и Витовта на Угре в 1408 г. Миниатюра Царственного летописца



Иван Семёнович Сапега.
Гравюра И. Шубелера 1872 г.
с портрета XVI в.

великий починили, людей многих головами повели...».

Перейдя в конце 1480-х гг. на московскую службу, князь Воротынский лишался «королевых данин» вдоль Угры. Граница по Угре оставалась незабываемой, но защищать её теперь было некому. Власть Литвы не рискнула раздавать угорские земли, поточные Воротынскими, снова в вотчину. Теперь на приграничной территории появляются наместники: Ивашка и Васка Сапежичи. Стоит отметить, что эти братья, Иван Семёнович Сапега (государственный и военный деятель Великого княжества Литовского) и его брат, Василий Семёнович Сапега, дворянин, стояли у истоков знаменитого впоследствии, очень влиятельного и состоятельного шляхетского рода. Их активная деятельность по поддержанию обороноспособности восточной границы Великого княжества Литовского на очень важном угорском рубеже обращает на себя внимание. Например, Ивашка Сапежич, помимо полученного в 1495 г. в держание «до живота» Дмитровца, тогда же выменял у брата Василия часть принадлежавшего тому Опакова и сформировал, таким образом, на границе с Великим княжеством Московским значительное территориальное владение.

Васка Сапежич не менее активно действовал по соседству с Дмитровцом и Опаковом в находившейся между ними волости Мощин. Постепенно он скупил и выпросил у великого литовского князя в отчину, вместо потерянных за Угрой опаковских земель, множество сёл и других имений в этой волости.



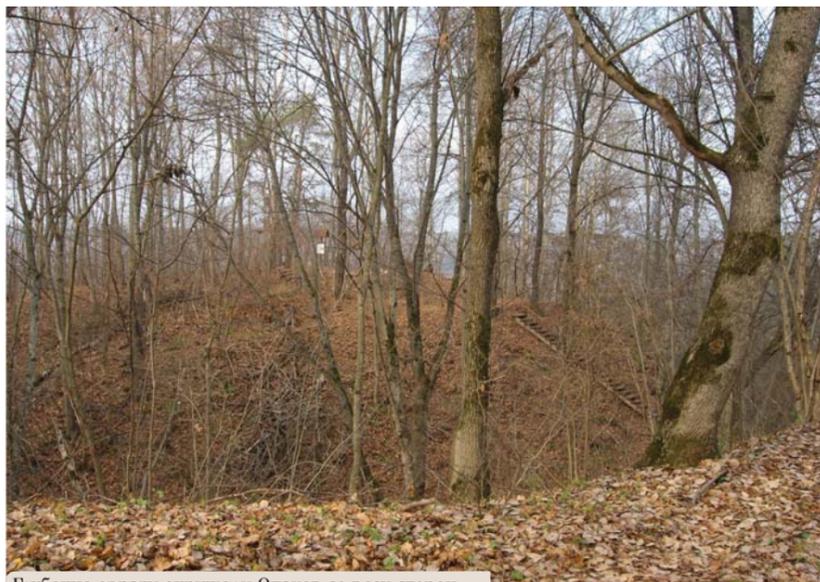
Опаково городище

По условиям «вечного» мира, заключённого в феврале 1494 г. по итогам войны 1486–94 гг., Опаков оставался в литовском владении. Характерна формулировка, касающаяся границ Опакова в тексте «доконечной» грамоты: «по Угру». Опаков, стоявший на правом берегу Угры, имел обширные земли и на левом её берегу. Но по условиям данного договора за Великим княжеством Литовским оставались только левобережные его владения; правобережная часть уходила к Москве.

В начале 1500 г. между Московским и Литовским государствами разгорелась новая война, прежде всего потому, что итоги мира 1494 г. не устраивали великого московского

князя Ивана III. Договор о перемирии 1503 г. по её окончании закреплял всю верхнеокскую территорию за Московским государством. После смерти бездетного Семёна Фёдоровича Воротынского Опаков попадает в распоряжение Ивана III. В своей духовной грамоте тот завещает его Дмитрию Углицкому: «*Да сыну же своему Дмитрию даю... город Опаков со всем, что к нему потягло...*».

В наши дни живая память о средневековом Опакове стёрлась, населённого пункта с таким названием не существует. Его прежнее местонахождение устанавливается по историческим, архивным и картографическим источникам. Город-крепость стоял на правом берегу Угры,



Глубокие овраги окружали Опаков со всех сторон

на месте современного с. Палатки Юхновского района. Остатки Опакова сохраняются ныне в виде памятника археологии — городища на окраине этого села.

Городище занимает участок на краю высокого крутого берега Угры, между двумя глубокими оврагами, вдающимися в долину реки. Простирающийся между ними третий, такой же глубокий овраг, отсекает этот участок от берегового плато, превращая место городища в своеобразный остров. Склоны всех оврагов очень крутые. Площадка памятника, возвышаясь над уровнем воды в реке на 32 м, имеет заметный уклон к западу, где со стороны поймы хорошо сохранился древний спиралевидный въезд в крепость.

В археологических материалах Опакова городища ярко отразилась неспокойная история угорского пограничья. В ходе раскопок здесь были выявлены остатки уникального для верхнеокского региона объекта — каменной оборонительной башни XV в. Сама история находки интересна, и может быть отнесена к числу «случайностей» и археологических удач.

Городище находится на территории национального парка «Угра» и является одним из пунктов разработанного им экскурсионно-познавательного маршрута. Раскопок до создания парка здесь не было, поэтому для получения необходимой справочной информации автором статьи и И. В. Болдыным в 2002 г. площадка памятника исследовалась небольшим разведывательным шурфом. Культурный слой, как показали итоги работ, отложился преимущественно в период раннего железного века (конец I тыс. до н.э.), что вполне соответствовало сведениям «Археологической карты России» по Калужской области. К слову сказать, «Опаковом» этот памятник тогда ещё никто не называл, в «Карте» оно значилось как «городище Палатки»; в описании не говорилось о его связи с известным средневековым городом.

До начала работ мало что напоминало о стоявшем здесь некогда мощном сооружении — его остатки были погребены в 3-х метровой толще культурного слоя. Лишь маленький участок некоего котлована с замшелой известняковой кладкой, не привлекавший нашего внимания — он воспринимался как развалины какого-то строения недалёкого



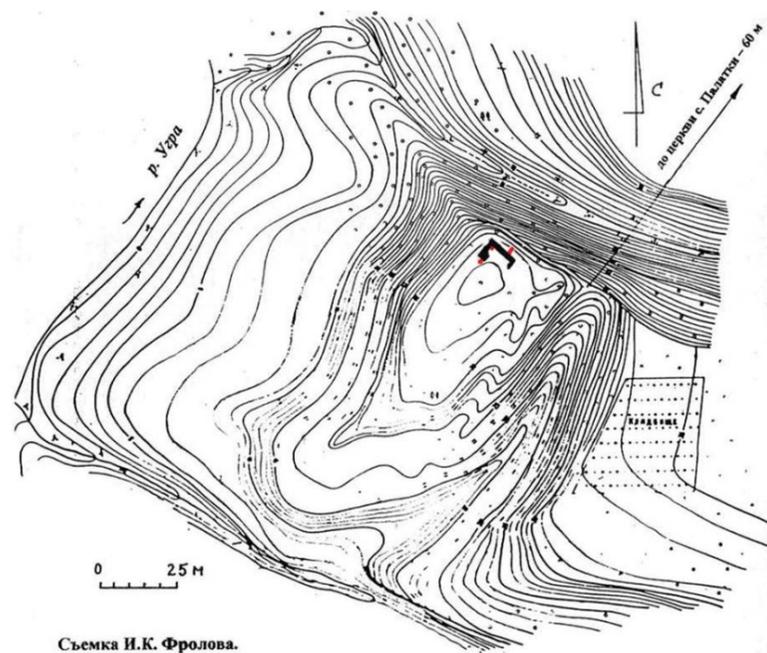
Древний въезд в крепость Опакова



Начало работ по исследованию башни



Фрагмент расчищенной поверхности северной стены башни



Съемка И.К. Фролова.
1975 г.

Топографический план Опакова городища с местоположением башни



Основание башни – известняковая платформа



Выступы на стенах башни – возможно, от перекрытий ярусов

прошлого, каковых в Калужской области известно множество. Легенды местных старожилов также не вдохновляли — за многие годы работ мы наслушались их предостаточно; причём сюжеты в различных уголках России зачастую оказывались схожими. В нашем случае традиционное для области поверье связывало городище с именем разбойника Кудеяра и зарытыми на нём награбленными сокровищами. На исследовании кладки настоял первый директор национального парка В.П. Новиков. К раскопкам 2004 г. приступали с досадой — очень уж не хотелось тратить силы и время на «какой-то сарай». Но уже на начальном этапе работ стало понятно, что имеем дело с достойным внимания историческим объектом. Да здравствует любознательность!

Тогда, в первый заход, исследовалась стена постройки, вытянутая вдоль склона к Угре. На максимальной расчищенной нами глубине её толщина достигла 2,25 — многовато для современного сарая. Обращал на себя внимание и «циклопический» характер кладки, сложенной из огромных гранитных валунов и подработанных известняковых блоков. Когда же в основании этой мощной стены обнаружился спуск в подземный ход (в местной легенде он фигурировал) — отпали всякие сомнения об оборонительном назначении сооружения, по нашему предположению — башни, и её древнем происхождении. Она стояла на самом труднодоступном участке крепости, противоположном от въезда в неё — на мысу с крутыми, почти отвесными склонами к реке и оврагу, что дополнительно говорило в пользу нашего предположения.

В ходе последующих работ этот ценный исторический объект изучался уже всесторонне. С помощью шурфов, закладывавшихся как с наружной, так и с внутренней стороны стен, удалось изучить основание башни. Оно представляло собой толстую монолитную известняковую платформу, сильно выступающую наружу за стены сооружения. Установлены точные размеры башни (11,5×6,5 м), прослежен ряд архитектурных особенностей. Толщина слоя известкового раствора, скопившегося, очевидно, при разборке башни на камень окрестным населением (для хозяйственных нужд), достигала в шурфах более метра — уже одно только это говорит о значительной её высоте. О том, что башня имела не один ярус, свидетельствует и характер внутренней поверхности стен: на них имеются отчётливо выраженные уступы, явно связанные с перекрытиями внутреннего объёма строения.

Важная археологическая информация получена в шурфе, примыкавшем

к стене башни со стороны площадки. В нём был зафиксирован мощный — до 1 м — слой пожара со следами сгоревших деревянных конструкций. В шурфе у противоположной стены, граничившей с началом крутого склона к оврагу, его следов не обнаружено — гореть там было нечему. С какими историческими событиями может быть связан этот пожар? Здесь уместно вспомнить, что в ходе событий «Великого стояния» 1480 г. последнюю попытку перейти Угру отдельный крупный отряд ордынского хана Ахмата предпринял именно под Опаковым, не ожидая встречи с войсками Ивана III: «Царь же хотя искрасти великого князя под Опаковым городищем, хотя перелести Угру, а не чая туто силы великого князя. И посла князеи своих и воевод и множество Татар». Расчёт, видимо, строился на скрытой переправе в обход основной русской оборонительной линии. Но московская сторона отразила и эту попытку: «Прилучи же ся туто множество князеи и боярь великого князя, не дадяще перелести Угры».

Вскоре Ахмат разоряет значительную часть «литовской земли» — владений верховских князей, среди пострадавших городов и волостей летописцы называют и Опаков. Детали этой «карательной операции» Ахмата неизвестны, но можно думать, что какие-то города пострадали тогда и от поджогов.

Вероятнее же всего обнаруженные следы пожара имеют отношение к событиям ожесточённой московско-литовской войны 1486–1494 гг. В описывающих их документальных сообщениях имеются, в том числе, сведения о взятии и сожжении Опакова то московскими, то литовскими войсками в 1493 г. — город неоднократно отходил то к одной, то к другой стороне. Вот выдержки из некоторых документов (все датированы 1493 г.): описание похода войска Ивана III, после взятия Серпейска «...И оттоле шодь Опаковъ градъ взявъ сожгоша, и земские и чёрные люди къ целованию приведоша»; «...Посылалъ воеводъ своихъ, князя Михаила Ивановича Колышку да князя Александра Васильевича Оболенского и иныхъ воеводъ, съ мною силою на Литовские грады: на Мезеческъ, да на Серпеескъ и на Опаков; они же шедше грады взяша, и села повоеваша, а Серпейскъ и Опаковъ съжгоша,....». Посольство Ивана III к великому князю литовскому Александру Казимировичу: «...Люди



Археологический шурф у восточной стены башни. Расчищается ее основание



Археологический шурф внутри котлована башни



Археологический шурф у западной стены башни со следами обширного пожара



Северная стена башни, в основании которой выявлен подземный ход, возможно спуск в водозаборный «тайник»



Расчищенные остатки башни Опакова городища

твои многия города наши и волости, Мезецкъ, а Серпеескъ, а Масалескъ, а Городечну, а Опаковъ огнемъ пожгли, а людей нашихъ, на техъ нашихъ городахъ были, въ полонь повели...».

Но вернёмся к башне. Не исследованным пока остался, пожалуй, самый интригующий объект — подземный ход. Естественным является предположение, что это водозаборный «тайник» (термин средневековых документов), который устраивался в оборонительных сооружениях на случай длительной осады. Тайники, изучавшиеся археологически, чаще всего представляли собой подземные ходы к реке или озеру, заканчивавшиеся колодезем.

Каких-либо находок при работах с остатками башни не обнаружено (исключение — единичные фрагменты круговой глиняной посуды), что вполне естественно — она не была жилой, имея специфическое функциональное назначение. Но они есть на площадке городища вблизи башни, где также велись раскопки. Из наиболее интересных можно отметить наконечники стрел и западноевропейскую монету — пражский грош Вацлава IV. Датировка находок — XIV–XVI вв. — полностью соответствует историческому контексту, вызвавшему появление данного сооружения.

Отдельно стоящие оборонительные башни широко распространены в западноевропейской фортификации (тип «донжон»); для военно-оборонного зодчества Московской Руси они не характерны. Нет сомнения, что башня Опакова была поставлена литовскими его владельцами — представителями рода Сапегов. Со слов специалистов-историков, в средневековых документах имеется упоминание о «веже Сапегов»: «вежами» на Руси назывались разные крепостные строения, в том числе отдельно стоящие башни.

Убедительным подтверждением сказанному служит следующий археологический факт: кое-где в каменную кладку стен опаковской «вежи» был впущен большемерный брусковый кирпич-«пальчатка». Последнее название дано по характерной черте — продольным бороздам на постелях, выполнявшихся пальцами по сырой глине. В научной литературе подобный кирпич именуется ещё «литовским» — он активно использовался при строительстве замков и крепостных сооружений на бывшей территории Великого княжества Литовского.

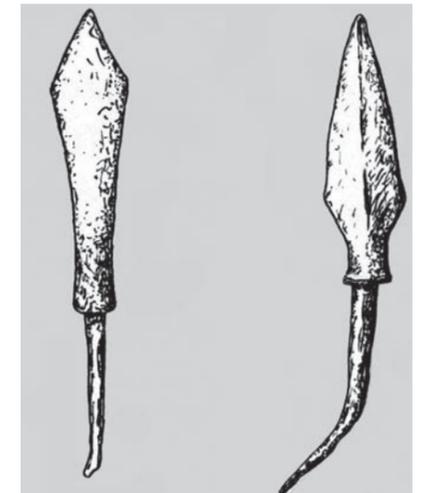
Архивные работы позволили найти свидетельства о «донжоне» Опакова, сохранившиеся и в письменных источниках, и даже в цепкой народной памяти. Чрезвычайно важные сведения имеются в копии завещания Ивана Грозного, сделанной в 1739 г., где есть примечание переписчика: «Опаков ныне село в Медынском уезде, в котором знак **каменная палатка** (выделено мной. — Г. М.) дондесь осталась. Сей был на границе Литовского владения во время Витолдово...» (имеется в виду Витовт — знаменитый руководитель Литовского государства, правивший почти 40 лет и ещё при жизни прозванный «Великим»). Показательно, что одним из старых значений слова «палатка» словарь русского языка XI–XVII вв. называет следующее: «небольшой дом, здание, по преимуществу каменное, защитного назначения («А велено ей игуменьи... для неметские и литовские осады и пожарного времени дати на церковную казну каменная полатка»). Едва ли можно сомневаться, что «каменная палатка» переписчика и есть остатки исследованного нами сооружения. В 1739 г. его стены, должно быть, ещё сохранились на большую высоту.

Село на месте летописного Опакова, как указывалось выше, ныне именуется «Палатки». Смена названий, как показало изучение документов и картографических материалов, происходила в первой половине XIX в. Очевидно, вновь возникший населённый пункт, быстро разрастаясь, поглотил остатки средневекового города. В связи с вышесказанным напрашивается предположение: а не отсюда ли современное название села?

Наконец, трудно обойти вниманием ещё один любопытный документ, обнаруженный в архиве Юхновского городского музея. Это акт «На предмет определения исторической значимости и государственной ценности поместья «Кудьяров Яр» (так местные жители когда-то называли Опаково городище; сейчас Палатки — типично «дачное» село, без старожилов) от 30 июня 1981 г. Выезжавшая на городище комиссия из пяти человек, описав площадку городища, установила (текст оригинальный): «...К ней подведена дорога по спирали от р. Угра. На самой площадке имеется яма, которая сделана уже теперь. Виден камень (плитняк) и между камнями известь. Значит это делали люди, и дорогу, и фундамент...»



Находки из раскопок на площадке городища: монета пражский грош 1430-е гг.; наконечники стрел



А какое строение было на фундаменте не известно. С площадки просматривается р. Угра, близлежащие земли, леса, луга, а если было строение на 5–10 м (типа башни), то это хороший наблюдательный пункт того времени... Почему Кудьяров. Здесь всё остаётся неизвестно. Из поколения в поколение идут легенды о Кудьяре. Ефим Кудьяров — главарь бандитской шайки, незаконнорождённый сын Ивана III, его мать была татаркой. Палатки на западном берегу р. Угра (где стояли татары). Там Ефим и сделал что-то вроде крепости и наблюдательного пункта, готовил отпор армии отца (Ивана III). Когда татар с Угры погнали, Кудьяр уехал за границу.

Данный документ является прекрасным образцом того, как причудливо народная память сплетает и трансформирует исторические реалии. Оставляя в стороне подробности личной жизни Ивана III, с предположением комиссии о назначении

остатков осмотренного ею строения, безусловно, следует согласиться. Выше говорилось, что археологические факты свидетельствуют о значительной высоте башни, действительно способной быть не только защитным сооружением, но и «хорошим наблюдательным пунктом».

В настоящее время поверхность сохранившихся участков стен башни расчищена и законсервирована почти по всей длине периметра. Южный угол строения, ближайший к въезду в крепость, разрушен на большую глубину — его проще всего было разбирать на камень после того, как эта территория оказалась «московской глубинкой». Национальный парк «Угра» ведёт работы по музеефикации городища и остатков башни — свидетелей былых ожесточённых пограничных конфликтов и военной функции города-крепости Опаков. ■



Вид на Угру с площадки Опакова городища

ПОД СЕНЬЮ ОРЛИНЫХ КРЫЛЬЕВ



Мосальск — один из древнейших городов Калужского края. Первое упоминание о нём относится к 1231 году, когда город, в то время называвшийся несколько иначе — Масальск, входил в земли Черниговского княжества. Через два столетия, во второй половине XV века, князь Юрий Святославович Карачевский получил от своего отца во владение город Мосальск и вошёл в историю как первый удельный князь Мосальский. Мосальск стал центром нового княжества. Это обстоятельство нашло отражение в гербе города, Высочайше утверждённом 10 (21) марта 1777 года императрицей Екатериной II вместе с другими гербами городов Калужского наместничества. Герольдмейстер князь М. М. Щербатов, составитель герба Мосальска, включил в его символику элементы гербов князей Черниговских и Мосальских.

Мосальск — один из древнейших городов Калужского края. Первое упоминание о нём относится к 1231 году, когда город, в то время называвшийся несколько иначе — Масальск, входил в земли Черниговского княжества. Через два столетия, во второй половине XV века, князь Юрий Святославович Карачевский получил

от своего отца во владение город Мосальск и вошёл в историю как первый удельный князь Мосальский. Мосальск стал центром нового княжества. Это обстоятельство нашло отражение в гербе города, Высочайше утверждённом 10 (21) марта 1777 года императрицей Екатериной II вместе с другими гербами городов Калужского наместничества.

Герольдмейстер князь М. М. Щербатов, составитель герба Мосальска, включил в его символику элементы гербов князей Черниговских и Мосальских.

Из подлинного описания герба города Мосальска:

«В серебряном поле чёрный орёл, увенчанный Княжескою короною, с золотым крестом, диагонально



Портрет князя М. М. Щербатова
Худ. Д. Левцкий. 1781 г.



Герб Черниговский
в «Царском титулярнике». 1672 г.



Герб рода князей Мосальских

положенным, который он держит в левых когтях, а в правых червлёный щит с Княжескою же короною, увенчанный златою литерою М, изъясняющий, что сей град был часть владений Черниговских, и принадлежал единому из колена Князей Черниговских, которые во время бытности своей под Литовскою державою, откуда под Российскую в царствование Великого Князя Иоанна Васильевича возвратились, герб сей имели, а ради отличия его от герба того рода Князей, серебряное поле сего орла имеет зубцоватую опушку лазоревого цвета».

В 1857 году управляющий гербовым отделением департамента герольдии Сената Российской Империи, барон Борис Васильевич Кёне (1817–1886), стремясь упорядочить отечественное герботворчество, составил правила украшений гербов губерний, областей, градоначальств, городов и посадов, которые были Высочайше утверждены. Правила предусматривали: классификацию геральдических корон над щитами, виды украшений (венков) вокруг щитов, обвитых соответствующими лентами, и способ указания губернской принадлежности — в вольной части щита.

В 1859 году Б. В. Кёне был разработан проект нового герба Мосальска (официально не утверждён), содержащий, в частности, следующее описание: «В серебряном щите, имеющем лазоревую зубчатую опушку, чёрный орёл, увенчанный княжеской

короной, с длинным золотым крестом в левом когте, в правом червлёный щит с такой же короной, обременённый золотой литерой «М». В вольной части герб Калужской губернии. Щит увенчан серебряной стенчатой короной, за щитом положенные накрест золотые молотки соединённые Александровскою лентой».

Серебряная стенчатая (т. е. в виде крепостной стены) корона о трёх зубцах по геральдической реформе Б. В. Кёне предусматривалась для уездных городов. Соответственно, золотая стенчатая корона предусматривалась для губернских центров. Корона в зависимости от количества жителей в городе-владельце



Герб города Мосальска. Высочайше утверждён 10(21) марта 1777 г.

герба могла иметь как три, так и пять зубцов.

В советский период герб Мосальска (1777 года) не использовался. Не принималось решение о возрождении или восстановлении исторического герба города в качестве официального символа Мосальска, городскими властями и в постсоветский период.

Мосальскому району повезло больше. В январе 1997 года было принято решение районного собрания Муниципального образования «Мосальский район» «О гербе Мосальского района» (Вместе с Положением о гербе). В котором было записано: «...Утвердить Герб города Мосальска Гербом Мосальского района».

Описание герба Мосальского района гласит: «В серебряном поле чёрный орёл, увенчанный княжеской короной Черниговского княжества с золотым крестом, диагонально положенным, который он держит в левых когтях; в правых червлённый щит с княжеской же короной, увенчанный золотой литерой «М». Серебряное поле щита имеет зубцоватую опушку лазоревого цвета».

Герб Мосальского района утверждён Решением № 5 Собрания депутатов района от 20 января 1997 года и внесён в Государственный геральдический регистр РФ под № 756.

Таким образом древний Мосальск в геральдическом смысле вновь вернулся под сень орлиных крыльев. ■



Калужский воевода Иван Васильевич Волинский и дьяк Пётр Данилов в воеводской палате Приказной избы. Май 1622 г. Худ. В. М. Типикин. 2018 г.

Приказная или съезжая изба являлась центром управления городом и уездом. Возглавляли это управление городской воевода и дьяк. Приказная изба размещалась внутри городской крепости в отдельных домах с несколькими палатами, в том числе дьячьей, где велось делопроизводство, и воеводской, где принимались решения. В Калуге здание Приказной избы находилось в юго-восточной части калужской крепости (ныне юго-восточная часть территории Центрального городского парка культуры и отдыха).

Воеводское управление появилось во второй половине XVI века в пограничных городах. Окончательно система воеводского управления сложилось в царствование Михаила Фёдоровича в 1620-х годах. Воеводы назначались Разрядным приказом, утверждались царём и Боярской думой. Воеводская служба продолжалась обычно два — три года. Жалование выдавалось в Москве. Воеводы сосредотачивали в своих руках всю полноту административной и военно-исполнительной власти в городе и уезде. Зачастую они ведали и судебными делами. Воеводы отвечали за оборону и хозяйственную жизнь города, занимались учётом и распределением земли, надзором за исполнением царских указов и сбором податей.

На рисунке запечатлён момент, когда к воеводе, сидящему в воеводской палате — специальном помещении, где правилась воеводские дела, — прибыл дьяк. Воевода и дьяк изображены в кафтанах — верхней одежде, получившей распространение на Руси с XV века. При схожести покроя и вида, кафтан указывал на должностной статус служилых людей, который определялся качеством использованной ткани и богатством отделки. Воевода в красном, расшитом красными нитями с золотыми пуговицами, кафтане сидит на деревянном стуле за столом, накрытом зелёной скатертью. На столе стоит подсвечник с горящей свечей, лежат книги для душеполезного чтения, стоит подвесная чернильница и глиняный горшок с письменными принадлежностями. В руках воевода держит перо, которым делал пометки при чтении раскрытой книги. Рядом стоит дьяк в сером кафтане, расшитом серыми нитями с серебряными пуговицами. Он представил воеводе грамоту, в изучение содержания которой погрузились два высших должностных лица города Калуги.

В Калугу Волинский был направлен воеводой осенью 1621 года, а по принятому тогда летоисчислению от сотворения мира в начале 7130 года. На этом посту он сменил Мирона Андреевича Вельяминова, поставленного во главе города осенью 1619 года.

Это был уже мирный период жизни Калуги. Позади осталось лихолетье Смутного времени и последнее, трагическое для города, разорение Калуги войсками запорожского гетмана П. К. Конашевича-Сагайдачного. Когда калужский воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский в июне 1618 года покинул с войсками Калугу, в городе остался его «товарищ» — второй воевода князь Афанасий Фёдорович Гагарин. Именно на его долю выпала защита калужской крепости (города) от запорожцев (черкасов), захвативших в ноябре 1618 года посад (острог). По сведениям Нового летописца, войска Сагайдачного пришли под Калугу из разорённого ими Серпухова. «В та же время, — читаем в источнике, — в Калуге сидел в тюрьме казак Меркушка Соколовский и ис тюрьмы утёк и прибежа в табары к Саадашному и поведе их х Калуге ночью и ведяше их подле Оки реки к Глухой башне, и войдоша в острог, ништо их не видал. И острог взяша и людей побиша много и острог выжгоша, едва в городе отсителися». Эти сведения дополняют свидетельства калужан, отразившиеся в жалованной грамоте Михаила Фёдоровича, подписанной 4 января 1620 года «в ноябре приходили под Колугу черкасы и острог взяли, и церкви Божьи разорили, и всякое церковное строение поимали, и людей многих побили и в полон поимали, а двory их и в рядех лавки со всякими товары и с хлебными запасы пожгли; а которые достальные посадские люди ушли в город и сели в осаде, и тех достальных многих у приступов и на вылазках черкасы побили, а иные в осаде с голоду померли». Почти месяц воевода Гагарин держался в осаде против запорожцев в калужской крепости. 1 декабря 1618 года в селе Деулино близ Троице-Сергиевского монастыря было подписано перемирие с Речью Посполитой, по которому воевавшие на стороне поляков запорожцы должны были покинуть русское царство до 15 февраля 1619 года. Таким образом, к весне 1619 года Калуга была оставлена неприятелем, но, как свидетельствовали оставшиеся в живых жители, «ратные люди и последнюю их дворовую рухлядь (домашние пожитки. — В. Б.) развезли по себе; а которые их двory после черкасского разорения

В ЛЕТО 7130

Калужский воевода Иван Васильевич Волинский происходил из рода, восходящего к Дмитрию Михайловичу Боброк-Волинскому, прославившемуся в Куликовской битве в 1380 году. Иван Васильевич в 1616–1617 годах был воеводой в Курске, затем два года в Муроме, в 1621–1624 годах находился в Калуге и последующие два года — в Воронеже.

остались, и теми де их двory завладели дворяне и дети боярские разных городов, и хоромы последние обожгли». Кроме того, с пострадавших калужан продолжали взимать подати и требовать выполнения повинностей.

О своём тяжёлом положении жители Калуги били челом царю. Произошло это, вероятно, уже при новом воеводе М. А. Вельяминове, сменившем Гагарина осенью 1619 года Михаил Фёдорович внял просьбе калужан и 4 января 1620 года пожаловал грамоту об освобождении «колужан посадских людей, для их бедности и разорения» от всех податей с «нынешнего» 7128 года (1 сентября 1619 — 31 августа 1620 г.) на три года, то есть до 31 августа 1622 года.

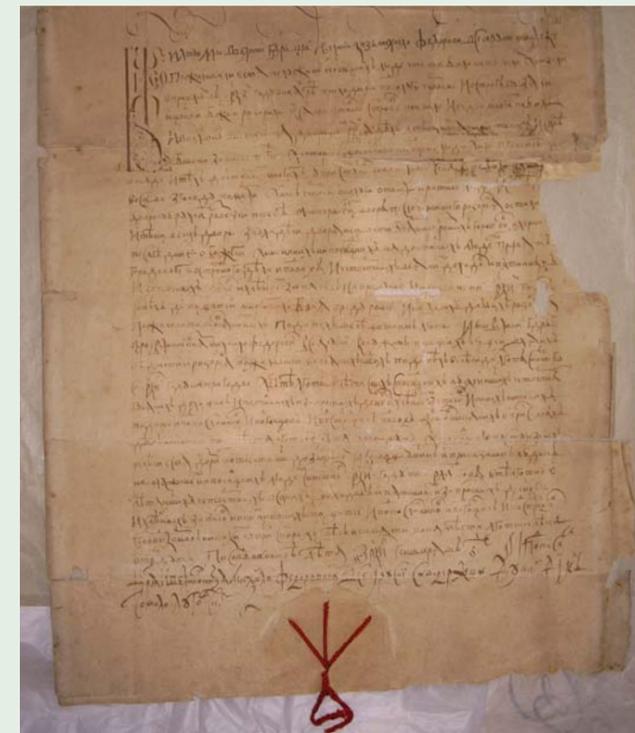
С этого времени город стал постепенно восстанавливаться и приводиться в порядок, двory отстраивались, калужане обустроивали свою жизнь. Льготные лета подходили к концу. 1 сентября 1621 года начался 7130 год. На место Вельяминова осенью был направлен воевода Волинский. Наступила весна 1622 год, закончился Великий пост. 21 апреля калужане встретили Пасху и вот на Святой неделе, в четверг, 25 апреля (5 мая по новому стилю) нежданно на город обрушилось страшное несчастье — пожар, «пожравший» оправлявшийся от запорожского разорения город и его жителей. «Божьим гневом в Колуге город и острог и двory их и лавки, со всеми их животы погорели без остатку». Так характеризовалось постигшее калужан бедствие в жалованной грамоте царя Михаила Фёдоровича и его отца патриарха Филарета Никитича, писанной в Москве в мае 1622 года. Этой грамотой жителям Калуги, направившим челобитную о «пожарном разорении», царь «во всяких наших податях, и в городовом и в острожном деле, и во всяких городовых и острожных поделках велели дати льготы с нынешнего 130 (7130. — В. Б.) году на три годы».

В Памятной книжке Калужской губернии на 1873–1874 годы, спустя 250 лет после постигших Калугу трагических событий, отмечалось, что этот пожар слывёт «доселе в памяти горожан под именем большого пожара» и «в одном синодике, в конце XVII столетия, сохранена память сего пожара» в записи: «Во граде Калуге сгоревшим священноинокам и всем православным христианам вечная память».

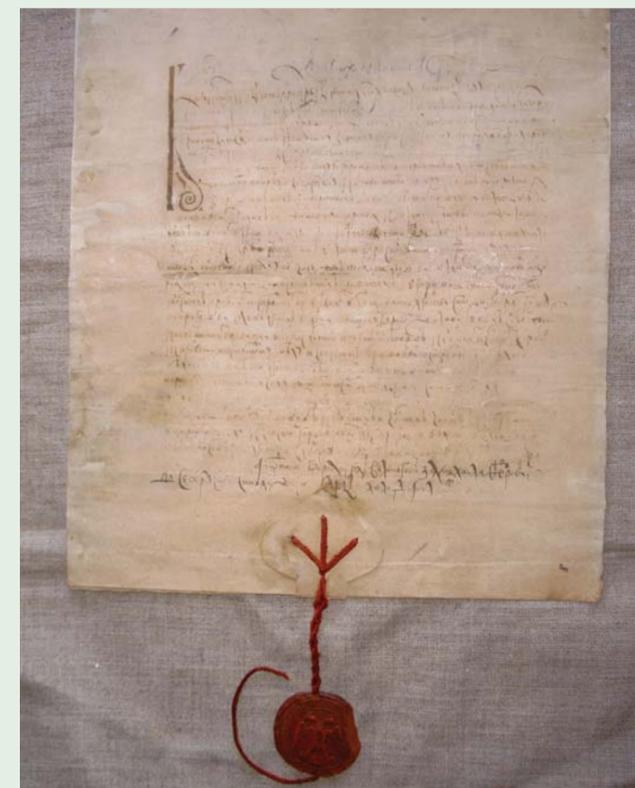
Кроме калужан, посадских людей, освобождение от воинской службы в Калуге в 7131 году получили дворяне и дети боярские, «у которых в 130-м (7130. — В. Б.) году в Колуге двory погорели». Таких оказалось 257 человек: 70 калужан, 86 мешовцев, 42 медынца, 16 серпейцев, 14 малоярославцев, 3 лихвинца и 26 алексинцев. Пожалованная льгота давала возможность вместо службы царю заняться восстановлением потерянного в огне хозяйства.

Восстановление же Калуги после случившегося 25 апреля 1622 года пожара пришлось на период правления в городе воеводы Волинского, который был отозван к Москве в 1624 году накануне завершения льготного трехлетия. ▮

В. Бессонов



Жалованная грамота царя Михаила Фёдоровича посадским людям Калуги. Москва. 4 января 1620 (7128) г. Из собрания Калужского объединённого музея-заповедника



Жалованная грамота царя Михаила Фёдоровича и патриарха Филарета Никитича посадским людям Калуги. Москва. Май 1622 (7130) г. Реставрация 2005 г. Из собрания Калужского объединённого музея-заповедника

МЕЧ, КНИГА И КРЕСТ

**Предметы Богдана Матвеевича Хитрово
в Калужском объединённом музее-заповеднике**

Татьяна Бессонова,
*главный хранитель Калужского объединённого музея-заповедника,
член Союза писателей России*

XVII век начался в Российском государстве смутой, а закончился Петровскими преобразованиями. И от этого бурного века остались нам в наследство памятники материальной культуры, способные поведать много интересного о взглядах и вкусах, о привычках и предпочтениях эпохи. Особенно интересны в этом смысле предметы с надписями личного происхождения. В Калужском объединённом музее-заповеднике хранится ряд экспонатов, через подобные надписи неразрывно связанный с известным государственным деятелем, боярином, дворецким и оружейником Богданом (Иовом) Матвеевичем Хитрово (ок. 1615–1680).

Известно, что отец Б. М. Хитрово Матвей Елизарович, а позже и сам Богдан Матвеевич, владели вотчинами на Калужской земле. Поступив на государеву службу в 1633 г. комнатным стряпчим во дворце Михаила Фёдоровича, в 1636 г. Богдан Матвеевич становится стольником. В 1646 г. он был назначен городовым воеводой в Темников и заведывал строительством Керенского и Карсунского участков Засечной черты на юго-востоке Русского царства. В 1647 г. Хитрово был пожалован в окольные. Царским указом от 10 февраля 1648 г. ему было предписано продолжить строительство юго-восточного участка Черты, и в том же году Богданом Матвеевичем основан город Симбирск. Летом 1654 г. Хитрово отличился при осаде Смоленска; затем, в кампанию 1655 года, участвовал в войне со Швецией, был в посольствах в Польше и Швеции. В 1649–1650 гг. Хитрово заведовал Челобитным приказом, с июля 1651 по декабрь 1655 г. — Земским приказом. С 1656 г. вплоть до самой смерти Б. М. Хитрово возглавлял одно из важнейших для русской культуры ведомств — Оружейную палату Московского Кремля, куда входили также царские иконописные мастерские, Золотая и Серебряная палаты. Пожалованный в бояре в 1667 г., Хитрово стал самым приближённым царедворцем: во время приёма послов всегда занимал первое место по левую сторону

Алексея Михайловича; сопровождая его на богомолье, ехал в одной с ним колымаге, лично докладывал царю и присутствовал в царской думе. Такие же почести оказывал Богдану Матвеевичу и царь Фёдор Алексеевич. Во время церемонии венчания на царство он стоял позади молодого царя, то есть — на самом почётном «чертожном» месте рядом с ближними боярами Никитой Одоевским и Юрием Долгоруковым. Уже через месяц Фёдор Алексеевич пожаловал Богдану Матвеевичу «дворечество с путём», то есть — особое почётное звание боярина-дворецкого с землями. С этого момента Богдан Матвеевич мог подписываться редким почётным титулом «боярин, дворецкий и оружейничий».

Имея обширные владения в разных частях Московского государства, Б. М. Хитрово никогда не терял связи с родной Калужской землёй. Мы можем судить об этом по вкладам Богдана Матвеевича, уцелевшим до сегодняшнего дня. Именно вклады и являются для нас связующей нитью с известным земляком, именно этих предметов касалась его рука, именно их придирчиво разглядывал Богдан Матвеевич, чтобы убедиться: они действительно достойны стать приношением Богу. А выбор конкретных образов и тем даёт возможность добавить красок в портрет прославленного человека. На эти предметы теперь можем взглянуть и мы. Они остались нам в наследие.



Икона Троица Ветхозаветная из Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря. Москва. Вторая половина XVII в. Из собрания Калужского музея изобразительных искусств. Являлась храмовой иконой собора построенного на средства боярина Б. М. Хитрово. Располагалась в нижнем ярусе иконостаса, вторая справа от Царских врат. По мнению исследователя С. В. Бессонова в правом нижнем углу иконы в начале XIX в. приписано портретное изображение Богдана Матвеевича Хитрово.



Казанская икона Божией Матери. 1674 г.

В Спасо-Преображенской церкви в старом отроге г. Калуги находилась почитаемая икона Пресвятой Богородицы Казанская. К ней 18 января 1674 г. Б. М. Хитрово приложил серебряную позолоченную пластину с изображением этой иконы. На обороте пластины имеется соответствующая надпись, которая гласит: «Сию тавлицу приложил к образу Пресвятыя Богородицы Казанския Бояринь и оружейничеи Богданъ Матвеевичъ зовомый Иовъ Хитрово 182 году генваря въ 18 день». Резное изображение Богоматери с младенцем выполнено контурной линией с лёгкой штриховкой и украшено накладными венцом-коруной и цатой с резным растительным узором.

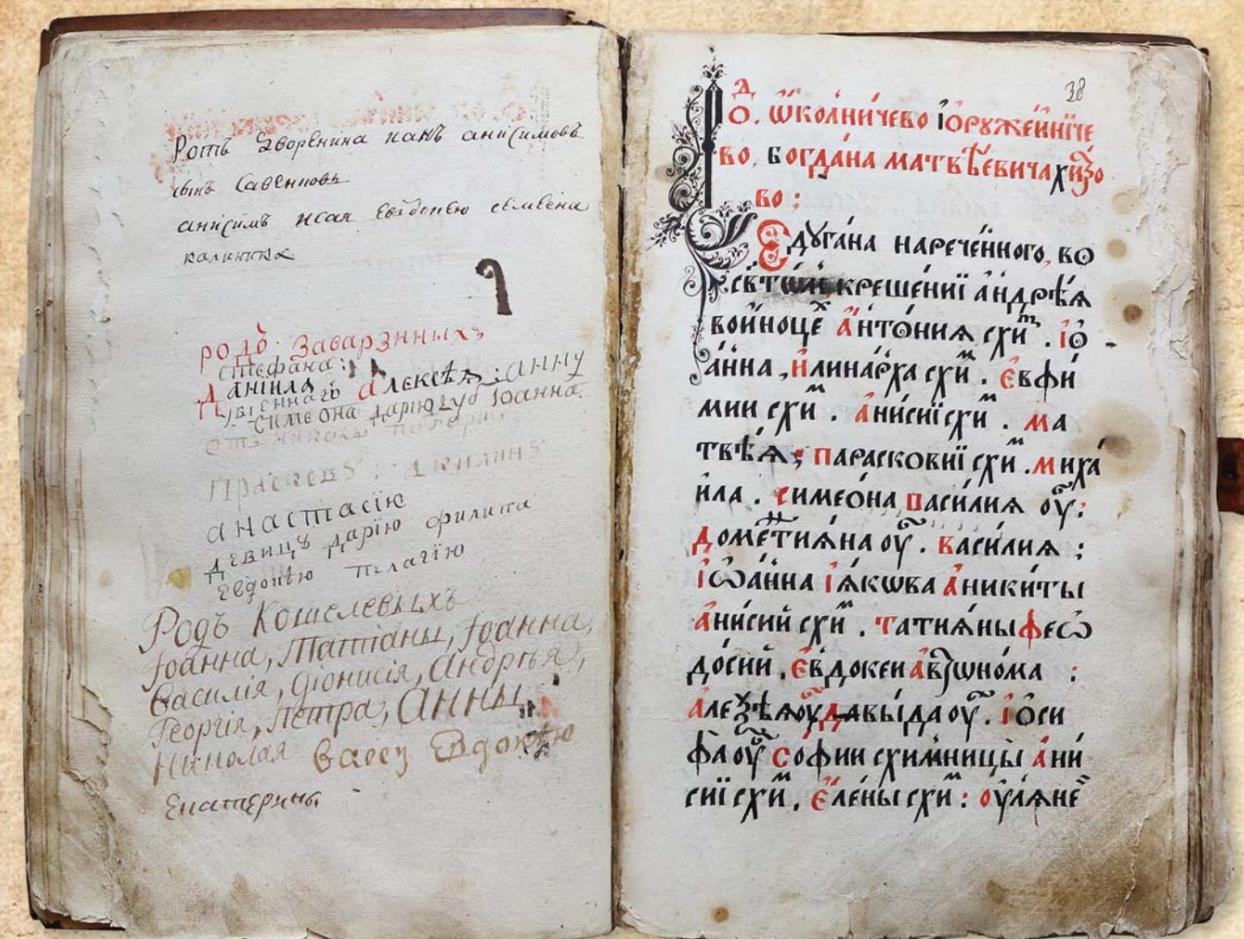
Особенно пёлся Богдан Матвеевич о процветании Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря. Обитель эта, разрушенная в 1930-е гг. и теперь снова восстанавливаемая, расположена в 8 километрах от города Перемышля, на берегу реки Оки. По легенде, монастырь был основан князьями Воротынскими в I пол. XVI в., а название «Лютиков» получил от надзирателя за стройкой по прозвищу Лютик. Первое достоверное упоминание о монастыре относится к 1559 году. Монастырь имеет довольно богатую историю. Например, в 1563 г., во время своей поездки в Оболенск, Калугу и Перемышль, монастырь посетил царь Иван Васильевич Грозный. В смутное время обитель была разорена гетманом Я. П. Сапегой, а затем пострадала от союзника Лжедмитрия II гетмана А. Ю. Лисовского. В 1618 г. монастырь вновь разорил гетман П. К. Сагайдачный. И лишь с середины XVII в. начинается обновление и благоустройство этого монастыря благодаря Б. М. Хитрово.

Богдан Матвеевич лично посещал монастырь в 1655 г., делал щедрые земельные и денежные пожертвования, ценные вклады. Из них до нас дошли три рукописные книги.

Первая — Синодик, куда вписывались имена умерших православных христиан для их поминовения во время Богослужения. В начале его сделана надпись полууставом: «172 года мая въ 28 день строиль сию книгу синадик Живоначальные Троицы в Лютиковъ монасырь окольничей и оружейничей Богданъ Матвеевичъ Хитрово по своимъ родителехъ». Надпись окружена орнаментированной рамкой. Из этой записи следует, что синодик был «устроен» в 1664 г. и вложен в монастырь для вечного поминовения Матвея Елизаровича и Прасковьи Алексеевны Хитрово.

Всего в Синодике 180 листов, бумага голландского производства, переплёт кожаный. Основные тексты написаны уставом и полууставом чернилами, начальные буквы имён и званий, заглавия помянников и предисловия, а также некоторые большие инициалы выделены киноварью. Начинается Синодик предисловием, содержащим Псалом 38, стих 7 о смерти и слово «О молитве» святого Иоанна Златоуста.

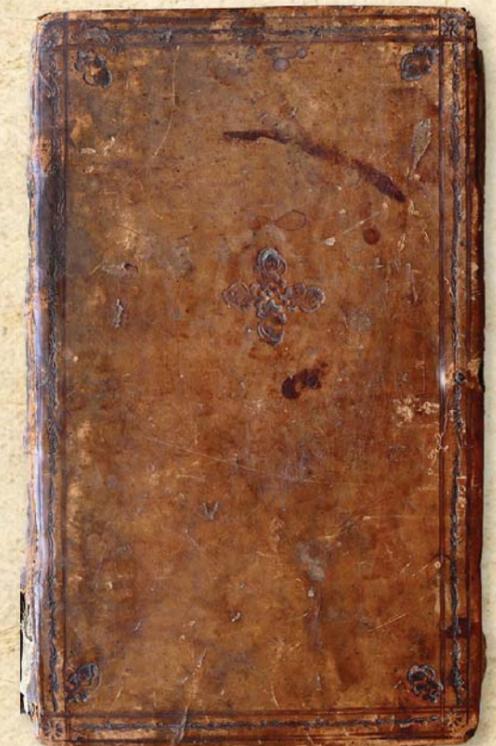
В книгу внесено несколько помянников представителей рода Хитрово: Алферия Семёновича; его брата Григория Семёновича, алексинского дворянина; стольника Ивана Богдановича (1620–1682), назначенного в 1668 г. дядькой царевича Фёдора Алексеевича; братьев Саввы Семёновича, московского дворянина, воеводы в Ельце, и Никиты Семёновича; самого окольничего и оружейничего Богдана Матвеевича; Степана Ивановича; его сына Иосифа (или Осипа) Степановича, московского



Синодик Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря. 1664 г.

дворянина; Семёна Савельевича и Фёдора Ивановича; Севастьяна Дементьевича, раненого во время осады Смоленска в 1632 г., бывшего воеводой в разных городах (+1662); Луки Сафроновича; советника Якова Лукича, президента вотчинной коллегии и сенатора (+1771); Никиты Савича, стольника царицы Натальи Кирилловны (+1716). В помяннике Григория Семёновича Хитрово первым записано имя Лаврентия чудотворца юродивого. Это самое раннее упоминание о блаженном Лаврентии Калужском Христе ради юродивом в письменных источниках. Оно даёт возможность сделать предположение о родстве Г. С. Хитрово, а соответственно и его двоюродного брата Богдана Матвеевича, с почитаемым, особенно в Калуге, святым.

Помянник самого Богдана Матвеевича начинается именем «Едугана, наречённого во святом крещении Андрея, во иноцех Антония, схимника Иоанна». Едуган (Еду-Хан), по прозвищу Сильно-Хитр, выехал из Золотой Орды к Великому князю Олегу Иоанновичу Рязанскому во II пол. XIV в. От него ведёт своё начало род Хитрово. Далее в этот помянник внесены имена родителей Б. М. Хитрово Матвея Елизаровича (+1654) и Прасковьи схимницы, т.е. Пелагеи Алексеевны (+1657); братьев Матвея Елизаровича Михаила, Семёна, Василия, убитого под Москвой «в королевичев приход» в 1618 г., и Дементия



Темки, убитого в Белгороде в 1604 г. за то, что не целовал креста Лжедмитрию I.

Кроме разветвлённого рода Хитрово в Синодик внесён большой помяник князей Воротынских, что говорит в пользу предания об основании монастыря этим родом. Особо выделены здесь два представителя: Михаил Иванович Воротынский (между 1516 и 1519–1573) — воевода, боярин, составитель первого русского устава сторожевой и пограничной службы, выдающийся полководец, герой взятия Казани и битвы при Молодях; вместе с ним в Синодик вписаны «дети боярские побиты в Казани»; и Алексей Иванович Воротынский (1610–1642) — чашник, стольник и воевода царя Михаила Фёдоровича.

Занесены в Синодик и роды некоторых других царедворцев: князя Алексея Ивановича Буйносова-Ростовского (+1665 г.) — стольник и воевода при первых Романовых; государева чарочника Семёна Ивановича Комсина — впоследствии дьяк Большого Дворца, потом патриарший, а с 1686 г. стольник; Фёдора Михайловича Ртищевца (1626–1673) — приближённый царя Алексея Михайловича, окольничий, глава нескольких приказов, основатель школ, больниц и богаделен, приглашавший наставников из Киева; Ивана Васильевича Засецкого — противник М. Ф. Ртищева во взглядах на просвещение в «латинском» ключе; князя Семёна Романовича Пожарского (ок. 1618–1659) — окольничий и воевода; окольничего князя Ивана Михайловича Карекодинова; Михаила Борисовича Шеина (кон. 1570-х — 1634) — полководец, окольничий (1605), боярин (1606/1607); Ивана Никитича Романова (1560-е — 1640) — младший брат патриарха Филарета, дядя царя Михаила Фёдоровича; князя Ивана Борисовича Черкасского (ок. 1580–1642) — в его ведении находились Стрелецкий приказ, приказ Казённого Двора и Большой Казны; князя Алексея Никитича Трубецкого (ок. 1600–1680) — ближний боярин, воевода, наместник Казанский; князя Савелия Горчакова — возможно Саввы Юрьевича Горчакова, который в 1618–19 гг. был воеводой в Лихвине. Фигуры двоих из упомянутых выше государственных деятелей, М. И. Воротынского и Ф. М. Ртищева, присутствуют на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде.

Вторая книга — «Сборник въ нём же многих Отец душеполезная жития». Всего в нём 547 листов, бумага также голландского производства, переплёт из тиснёной кожи. Текст написан скорописью, а заголовки выделены вязью.

По нижнему полю первых 43-х листов идёт надпись: «Лета 7184 марта в 21 день сия книга глаголемая сборник боярина и оружейничего Богдана Матвеевича завомого Иова Хитрово, а написана сия книга в ней же многих святых великих отец душеполезная жития, по его боярина и оружейничего Богдана Матвеевича вере в нынешнем же в 184 году. По обещанию его быти сей книге в Перемышльском Свято-Троицком Лютикове монастыре по родителям его». Как видно, и эта книга была отдана в монастырь в память о родителях Б. М. Хитрово, но только в 1676 г.

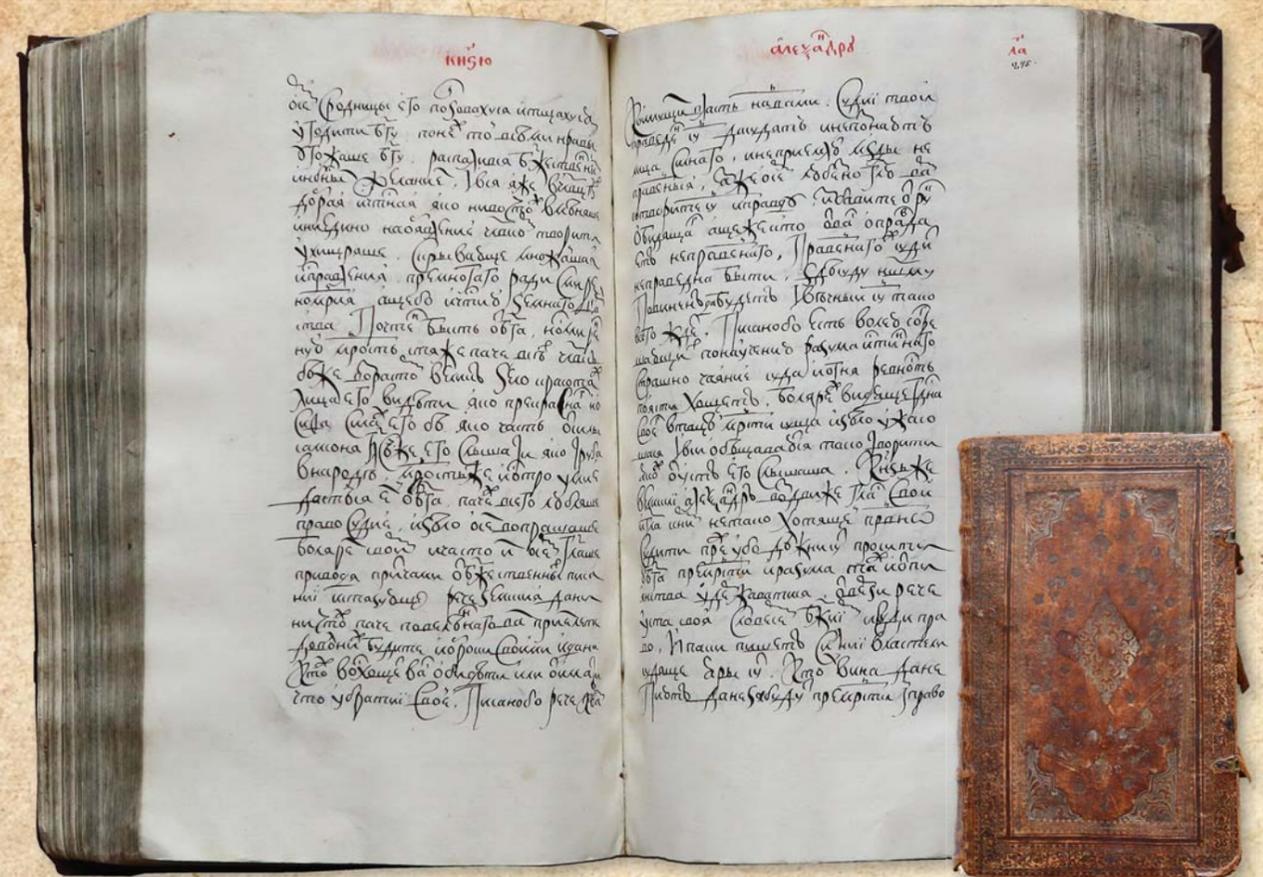
Сборник содержит поучительные «слова» о событиях Великих христианских праздников, поучения святых отцов православной церкви, сказания о житиях, чудесах и подвигах таких святых, как великомученик Георгий Победоносец, благоверные князья Борис и Глеб, князь Феодор Ярославский, князь Михаил Черниговский, безмездники Козьма и Дамиан, преподобные Сергей Радонежский,

Авраам Ростовский, Варлаам Новгородский, митрополит Киевский Пётр и многие другие святые, почитавшиеся на Руси в XVII веке. Тексты расположены по месяцам и датам на весь церковный год, от Рождества Пресвятой Богородицы до Её Успения.

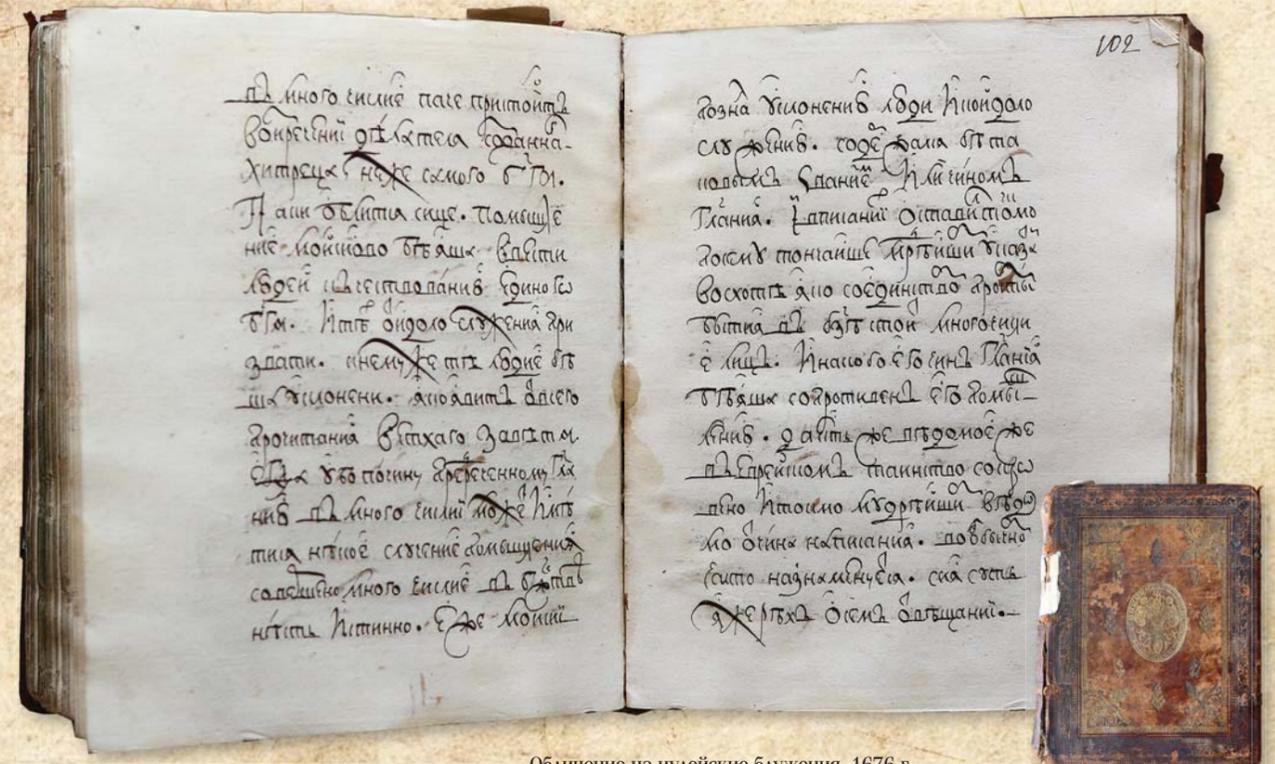
Третья книга — «Учителя Самоила обличения на Иудейския блужения». На нижнем поле первых 23-х листов имеется запись: «Сия книга «Обличение учителя Самоила на иудейския блужения» боярина и оружейничего Богдана Матвеевича Хитрово. И сей книге по обещанию боярина и дворецкого и оружейничего Богдана Матвеевича быть в Лютикове монастыре». Датируется эта книга 1676 годом, и можно предположить, что она попала в монастырь одновременно с предыдущей. Написана она также скорописью на голландской бумаге, переплёт из тиснёной кожи. Всего в книге 194 листа.

Содержит она два богословских труда, объединённые общей темой. Первый труд (84 листа) полностью называется так: «Учителя Самоила обличение на иудейские блужения, messiина пришествия ещё чающих». Написан он раввином Самуилом из Марокко, философом, математиком, врачом и астроном еврейского происхождения, жившим в XII в. Как видно уже из заглавия, данный богословский труд посвящён полемике с иудейским учением и разъяснению его ошибок. Автор сочинения перешёл из иудаизма в ислам. Тем не менее, его творение стало широко известным в Европе. Как сообщается в предисловии под названием «Епистолия брата Альфонсия к брату Хугону об этой книге», текст на арабском языке попал к Альфонсию от некоего еврея, Альфонсий же перевёл его на латынь в Париже в 1339 г. Этот труд не только переписывался, но и печатался несколько раз. Издание, выполненное Генрихом Квентелом в 1493 г. в Кёльне, было привезено в Новгород, где в 1504 г. появился славянский перевод. Славянские списки данного произведения сохранилось всего 6, и список, включённый в книгу из Троицкого Лютикова монастыря — один из самых ранних.

Второй труд назван так: «Книжка учинена магистром Николою Делира чина меньших теологии последователя. В ней же суть прекраснейшее спрощания иудейское безверие в православной вере похуляющее (отмещущее)». Как пишет биограф этого известного теолога В. А. Ромодановская, профессор Парижского университета, магистр Николаус (латинская форма его имени — Nicolaus de Lyra — получила целый ряд отражений в древнерусской письменности: Николай Лира, Николай Лирский, Никола Лиранский и проч.) родился в местечке Лир в Нормандии, приблизительно в 1270 г. На рубеже XIII–XIV вв. в монастыре Верной, расположенном неподалёку от его родного города, Николаус вступил в Орден муноритов. Спустя несколько лет он покидает Нормандию и переезжает в Париж на учёбу. В 1309 г. он участвует в академическом диспуте на теологическом факультете университета, посвящённом проблеме иудеев и Христа. Возможно, именно этот диспут повлиял на выбор Николаусом основной темы последующих сочинений. Спустя ещё десять лет, в 1319 г., Николаус становится главой Ордена францисканцев Парижского округа. После 1330 г. де Лира уходит от активной жизни, завершает основные свои произведения и начинает новые, не отвлекаясь уже на внешнюю активность. Большинство томов его огромного рукописного наследия, хранящегося ныне в Библиотеке



Сборник слов и сказаний о святых. 1676 г.



Обличение на иудейские блужения. 1676 г.

Реймса, сопровождают экслибрисы известных теологов, по заказам которых переписывались и иллюстрировались сочинения де Лиры. К примеру, одна из рукописей была изготовлена в Париже в 1331 г. для Пьера де Бома, генерала Ордена доминиканцев; другая рукопись в 1335 г. переписывалась для «Пьера, кардинала Руана», т.е. для Пьера Роже, будущего папы Климента VI. Известно, что 20 июля 1349 г. Готье де Шантелю, королевский поставщик вина, передал в казну 24,4 ливра, полученные им на покупку бочонка вина в подарок от королевы мэтру теологии Николаю де Лиру. Это последнее упоминание, сохранившее сведения о жизни теолога. В октябре 1349 г. магистр Николаус был погребён во францисканском монастыре в Париже. В ноябре 1580 г. его могила сильно пострадала во время пожара, и к настоящему времени не сохранилась. Сочинения Лиранского оказали значительное влияние на развитие теологической мысли Западной Европы.

Приблизительно в начале 1330-х годов де Лири пишет трактат, являющийся логическим продолжением его полемических сочинений о сопоставлении христианства и иудаизма. В разных списках сохранились разные его названия: «Доказательство пришествия Христа против иудеев» (*Probatio adventus Christi contra Judeos*), «Рассуждение магистра Николая де Лиры против коварства иудеев» (*Disputatio magistri Nicolay de Lyra contra perfidiam Judeorum*) и т.д. В этой работе де Лири возвращается к проблеме, затронутой им в 1309 г., и пытается разрешить её уже с помощью новых аргументов. Трактат де Лиры «Против коварства иудеев» печатался, как правило, после его комментариев на библейский текст.

Имя и тексты Николауса де Лиры были широко известны в Московском государстве, благодаря сделанному переводу. На последнем листе книги из Лютикова монастыря, содержащей труд теолога, записано, что данное произведение: «повелением Архиепископа Геннадия преложил на русский язык Митя толмач лета 7009 (1501) году». «Митя толмач» или, как известно по другим его переводам и трудам, «посол Дмитрий», «Дмитрий Схоластик», латинизированное «Деметрий Эразмий», латинское «*Demetrius Erasmius*» — также известная личность. Это Дмитрий Герасимов (ок. 1465 г. — ок. 1536 г.) — русский книжник, дипломат, переводчик, учёный и богослов, пропагандист европейской культуры эпохи Возрождения в Русском государстве. Родом он, возможно, из Новгорода, поскольку в течение всей его жизни прослеживаются устойчивые связи с новгородской кафедрой и начинали службу Дмитрий и его брат в этом городе. Некоторое время Дмитрий жил в Ливонии, знал немецкий язык и латынь. Входил он в ближайшее окружение новгородского архиепископа Геннадия (иеродиакон при котором был его брат). В первые два десятилетия XVI века Герасимов служил при Посольском дворе переводчиком («толмачем») и участвовал в посольствах Василия III в Швецию, Данию, Норвегию, Пруссию и Священную Римскую империю к императору Максимилиану I. В перерывах между миссиями Герасимов занимался книжной и переводческой деятельностью. В 1525–26 гг. по повелению Василия III Герасимов ездил в Рим к папе Клименту VII. После поездки в Вечный город, достигший 60-летнего возраста Герасимов целиком сконцентрировался на книжных трудах. Вероятнее всего, именно

Герасимов познакомил славянского читателя с таким эпохальным событием, как плавание Магеллана. Герасимову принадлежит перевод средневековой компиляции классической античной грамматики латинского языка Элия Доната («Донатус»). С большой долей вероятности считается, что и «Обличение...» раввина Самуила Марокканского перевёл Дмитрий Герасимов. Писал он и оригинальные труды, посвящённые богословским темам. Дата смерти Герасимова неизвестна. Последнее свидетельство о нём — перевод свода Бруно Вюрцбургского, выполненный Дмитрием в 1535 или 1536 году.

Работа над нашими двумя текстами, раввина Самуила и Николауса де Лиры, связана с заказом новгородской кафедры и вызвана бывшей тогда в разгаре борьбой против ереси жидовствующих. Активным деятелем этой борьбы был именно владыка Геннадий Новгородский (+1505 г.). Архиепископ Геннадий (в схиме — Галактион) почитается как святитель. В 1470-х — начале 1480-х гг. он был архимандритом московского Чудова монастыря. 12 декабря 1484 года хиротонисан во епископа Новгородского и Псковского с возведением в сан архиепископа. В спорах между Иваном III и митрополитом Московским Геронтием поддерживал великого князя и был назначен в Новгород для проведения промосковской политики в недавно присоединённом городе. Вскоре вступил в конфликт с великим князем из-за земельных владений архиепископской кафедры. На Соборе 1503 года в Москве, вместе с преподобным Иосифом Волоцким, решительно воспротивился планам Ивана III упразднить монастырское землевладение. В 1504 году владыка Геннадий и его сподвижникам удалось добиться полного осуждения еретиков; но сам архиепископ в июне того же года по воле великого князя был смещён с кафедры. Умер в опале 4 декабря 1505 года в Чудовом монастыре; погребён на месте, где прежде лежало тело святителя Алексия до обретения его мощей.

Борьба против ереси жидовствующих стала делом всей жизни Геннадия Новгородского. Эту борьбу владыка также вёл вместе с Иосифом Волоцким. В конце XV столетия в Новгороде вокруг умного и образованного архиепископа сложился целый литературный кружок, вскоре ставший своеобразным издательским центром, выпустившим в свет большинство переводных произведений того времени. Главным оружием еретиков был Ветхий Завет — отсюда они черпали цитаты, аргументацию, основные послы. На Руси же не было свода библейских книг. Первое, с чего решил начать Геннадий, — создать полную славянскую Библию. Во главе переводческо-издательской группы, созданной для работы над Библией, Геннадий поставил архидиакона Герасима Поповку, брата Дмитрия Герасимова. Переводили Дмитрий, Влас Игнатов и монах-доминиканец Вениамин, как сообщается о нём, «родом славянин, а верою латинянин». Кроме того, в 1501 г. именно по повелению архиепископа Геннадия Дмитрий Герасимов переводил трактат Николая де Лиры «Против коварства иудеев».

В целом, Сборник об иудейской вере является душеполезным интеллектуальным чтением, актуальным не только во времена борьбы с ересью жидовствующих, но и в последующие века, о чём свидетельствуют списки, сделанные гораздо позже заказанных Б. М. Хитрово для Троицкого Лютикова монастыря, в XVIII веке.



Экспозиция выставки «Град славный и похвальный» в Ульяновском областном краеведческом музее им. И. А. Гончарова с калужскими экспонатами. 7 сентября 2018 г.

Таково яркое и многоплановое наследие, оставленное калужанам Богданом Матвеевичем Хитрово. Интерес к нему не пропал, но недавно эта тема приобрела новое звучание. В 2018 г. городу Симбирску (ныне Ульяновску) исполнилось 370 лет, и к знаменательной дате была приурочена выставка, прошедшая в Ульяновском областном краеведческом музее имени И. А. Гончарова в конце прошлого года. Это был выставочный проект, в котором, вместе с Ульяновским областным краеведческим музеем, участвовали Государственный исторический музей и Калужский объединённый музей-заповедник. Названием выставки стала подпись под первым изображением Симбирска на лубочной картинке XVII в. — «Град славный и похвальный». Посетителям её были представлены иконы лучших мастеров строгановской и ушаковской школ, парадная посуда, оружие и воинские доспехи, нумизматические памятники времён основания города, книги.

Из Калуги в Ульяновск прибыли икона Божией Матери Казанская и книги-вклады Б. М. Хитрово. Красуясь в витринах музея имени И. А. Гончарова, они передавали поклон жителям нынешнего Симбирска-Ульяновска от основателя этого славного города. ❧



ЗНАМЕНИТЫЕ КАЛУЖАНЕ

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

К 135-летию Михаила Михайловича Местергази

Ирина Шмытова,
кандидат биологических наук

Посетители главного здания Калужского объединённого музея-заповедника (усадьбы Золотарёвых) в Калуге обычно удивляются, попадая в экспозицию «Экзотические животные». Исключительный случай, чтобы в провинциальном музее экспонировалась коллекция тропических животных!

В первую очередь бросается в глаза коллекция насекомых, и среди них орнитоптеры, или птицекрылки — одни из крупнейших бабочек мира, морфиды — блестяще-фиолетовые и пронзительно-синие; леопард, кораллы, раковины моллюсков, панцирь броненосца и многое другое. Экспозиция оформлена в виде кабинета коллекционера XIX века — путешественника, исследователя, увлечённого человека. Откуда эта коллекция?

Нашему музею, я считаю, повезло, как немногим провинциальным музеям России — в основе его естественно-научных и этнографических фондов — уникальные коллекции Городского Музея «На благо просвещение» имени А. А. Рыжичкина, открытого в Калуге 15 мая (по ст. ст.) 1914 года.

Большую работу по устройству Музея «На благо просвещение» с 1913 года вело Общество изучения природы местного края (основано в 1910 г.), в составе которого была для этого выделена специальная комиссия. Одним из учредителей, а к 1914 году и председателем Общества, стал Михаил Михайлович Местергази — калужанин, потомственный дворянин, средний сын генерал-майора от артиллерии (1905) Михаила Казимировича Местергази.

Родился М. М. Местергази 25 февраля (по ст. ст.) 1884 года в Калуге; детство провёл в имении отца — д. Перцево (совр. Ферзиковский район Калужской области); закончил Калужскую мужскую гимназию, а в 1910 году — естественное отделение физико-математического факультета Московского университета по специальности «зоология». «Семейную» воинскую специальность

артиллериста Местергази приобрёл после окончания университета при отбывании воинской повинности.

Очевидно, что при неизменных исторических условиях Михаил Михайлович сделал бы блестящую научную карьеру в фундаментальной науке; этому в подтверждение и неопубликованная монография по голожаберным моллюскам «Archidoris tuberculata» (1910), и исследование «Рыбы Оки» (1913), и работа «Антропометрический материал — солдаты русской армии (2980 промеров)» (1916), и его интерес к природе иных континентов, который и формирует впоследствии багаж и широту кругозора полевого исследователя. Как отмечал в своей автобиографии Местергази, «с пятого класса гимназии начал давать уроки и на заработанные деньги странствовал». Возможно, отец не одобрял увлечений среднего сына зоологией, при том, что двое других сыновей избрали военное дело. Тем не менее, целеустремлённости Михаила мог позавидовать любой — он выбрал дело всей жизни и стремился достичь максимально возможного уровня знаний.

Также максималистки («по-революционному») он относился и к существующему государственному строю:

ещё в старших классах гимназии близко воспринял идеи марксизма; был участником революции 1905 года (ему 21 год), а в 1907 году отбывал тюремное заключение из-за студенческих беспорядков.

Но стезя профессионального революционера не привлекла его; он учителствует в Нижегородском, а затем Калужском учительском институте (1912–1914), активно участвует в работе Общества изучения природы местного края, в том числе и по созданию естественно-исторического Музея в Калуге.

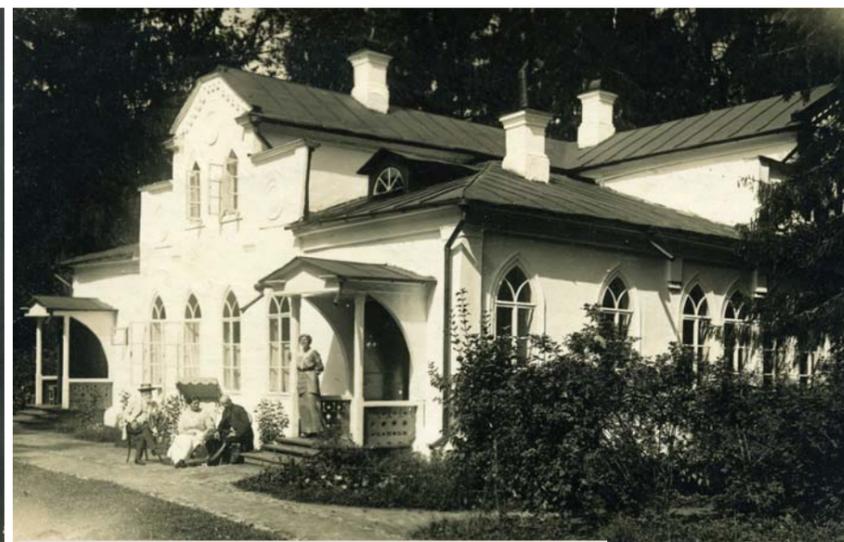
Комиссия по созданию Музея работала очень результативно: уже через пять месяцев после заседания Городской Думы по данному вопросу Музей был открыт и М. М. Местергази назначен его хранителем.

В экспозицию Музея «На благо просвещение» вошли 714 экспонатов, собранных и приобретённых Местергази в 1909 году в путешествии по Цейлону, Китаю, Японии. Не успев толком вступить в должность, через месяц — 16 июня (по ст. ст.) — Местергази отправляется в Южную Америку, передав дела К. К. Моннеро-дю-Мэну.

Нашего современника не удивит фактом путешествия в экзотические страны; но задумайтесь: удивительна,



М. М. Местергази. 1908 г.



Усадьба Перцево. 1910-е гг. Фото из архива семьи Местергази

скорее, результативность, с какой более 100 лет назад молодой зоолог в одиночку осуществил данные мероприятия. Объём «трофеев» первого путешествия был впечатляющ: это не только предметы быта жителей стран, в которых побывал Местергази, альбомы с рисунками, но и сотни пойманных и приобретённых им насекомых, которые требуют жёстких условий хранения при перевозке и очень хрупкие. И, если, как скорее всего и было, будущие коллекционные экземпляры перевозились им «на матрасиках», можно только восхититься тем усилием, которые были предприняты Михаилом Михайловичем для защиты коллекций от влажного климата тропиков и сырости, а, значит, плесени, обороны от вездесущих муравьёв, стремящихся сгрызть сухих насекомых, обеспечения какой-никакой герметичности походных кофров и целостности массы стеклянных банок, и, очевидно, изнуряющего контроля носильщиков и слуг, переносящих громоздкий багаж и экспедиционное оборудование.

Но вернёмся в середину июня (по ст. ст.) 1914 года, когда тридцатилетний Местергази отплыл из Гамбурга в Парá (Бразилия) на пароходе «Рио-Гранде». В этот раз, в отличие от предыдущего путешествия в Азию, он вёл дневник. Его путевые заметки достаточно лаконичны и в основном лишь фиксируют произошедшие события; крайне редко на страницах дневника Местергази выражает эмоции. Исключение составило начало

Первой Мировой войны, когда Михаил Михайлович волею случая оказался вне театра боевых действий. И если первые страницы дневника посвящены в основном посещению европейских музеев, то в конце июля исследователя и естествоиспытателя сменяет русский офицер, который тревожится за судьбу Родины. «29-го [июля]. Самое главное — это тревожные известия по беспроводному телеграфу. Кажется, у России с Германией война — значит, мне надо домой. Западный путь отрезан — немецкие пароходы не идут, боясь военных судов. Всё равно, если даже прибыть в Западную Европу, то это не значит попасть в Россию. Мобилизация объявлена, но о войне мне ничего не говорят, хотя по предосторожностям (огни ночью закрыты) видно, что дело серьёзно... Сейчас (4-го августа) капитан вывесил объявление о войне между Германией и Россией с Францией, объявленной 2-го августа. Значит, я остаюсь в Паре до парохода на Нью-Йорк. Наш пароход идёт ночью без огней и боится французов. Все думают, что война скоро кончится, но я всё-таки не могу оставаться в Южной Америке, надо спешить домой».

Вице-консул в Паре показывает Михаилу Михайловичу телеграмму от генерального консула Российской империи, «в которой указывается, что все дороги в Россию отрезаны и русским рекомендовано оставаться в Бразилии». Но переубедить Местергази невозможно. Он должен попасть на фронт! и решает

двигаться до Манауса (совр. столица штата Амазонас), а там пытаться попасть на пароход в Нью-Йорк, далее — в Японию и Владивосток, потом — поездом через Россию в Калугу. Забегая вперёд, отметим, что так всё и сложилось: с большими трудностями, при проблемах с получением денег в банках, отсутствии билетов на транспорт, при возросших в 1,5–2 раза ценах, 24 ноября (по ст. ст.) 1914 года, через 5 месяцев после начала путешествия, Местергази вернулся в Калугу, совершив вынужденное кругосветное путешествие, и в 1915–1917 годах воевал на Кавказском фронте.

Итак, планомерное исследование тропических лесов бассейна Амазонки пришлось отложить (к сожалению, навсегда!), но цельность натуры и огромная работоспособность позволили Михаилу Михайловичу использовать любые возможности для сбора коллекций и вылазок на природу. Иногда такие вылазки проходили непросто. Так, о трёхдневном плавании по р. Риу-Негру (притоку р. Амазонки) читаем: «23-го [августа]. Ночь прошла ужасно, пришлось совсем одеться и покрыть голову, но москиты всё же не давали покоя... Около 7-ми приехал лодочник. Долго пришлось ждать — ужасно хотелось есть, а коллеги не приезжали... В 11 часов выбрались. Лодочник всё ловил ветер и мы добрались только к 3-м часам в Манаус. Я сейчас же наелся — очень истощал».

В подтверждение сложности и опасности подобных экспедиций



Фрагмент экспозиции в виде кабинета коллекционера XIX в.



Фрагмент коллекции бабочек, собранных М. М. Местергази

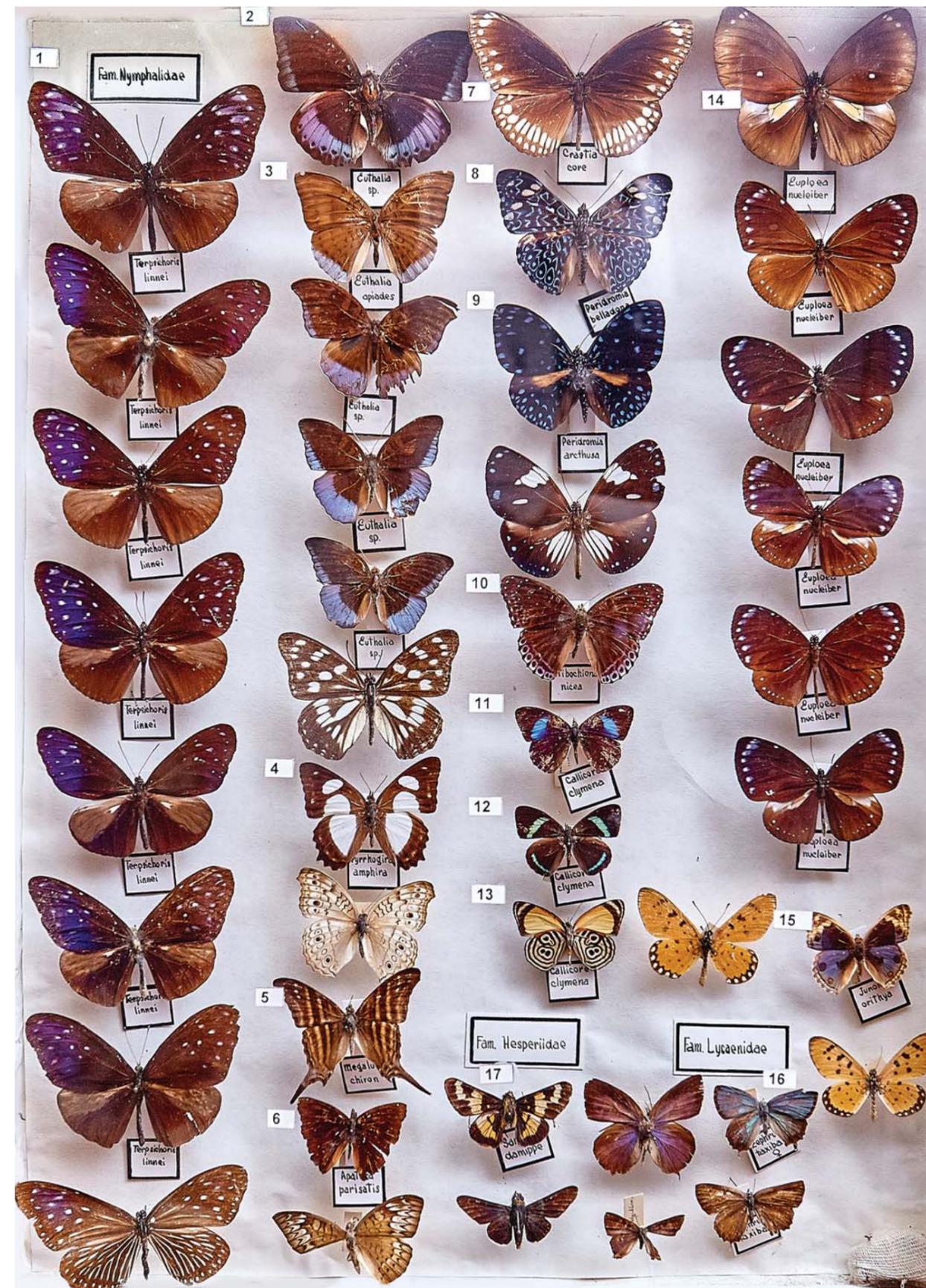
в джунгли тропической Амазонки можно привести яркое и очень эмоциональное свидетельство английского натуралиста Генри Бейтса, который за полвека до путешествия М. М. Местергази писал: «...мы, чаще, наверное, чем о других животных, говорим о том, как охотились за бабочками — именно охотились, пробираясь по тёмному, жарко-влажному лесу, заросшему папоротниками, пальмами и саговниками, проваливались в мох и гнилой колодник, путались ногами в лианах и всё время опасались змей. А на опушках и просеках, где бабочек было больше, нас подстерегали стебли ядовитых крапив, коварные колючки ползучих ротангов, запинаясь о которые, мы, бывало, вспугивали бабочку Морфо Циприс — блестящую синюю молнию, птицу-мечту...».

Местергази любил фотографировать, и фотоальбом постепенно заполнялся видовыми фотографиями и портретами жителей стран, в которых он, по его словам уже после революции, «изучал жизнь колониальных народов».

Багаж коллекционера рос, его всё труднее было перевозить, но последние приобретения в Японии (Йокогама) достойны отдельного упоминания: именно здесь были приобретены самые старые в нашей коллекции бабочки, датированные 1892 годом — в этом году им исполняется 127 лет!

После прибытия в Калугу в краткий период времени, пока Местергази готовился к отправке на фронт, Музей «На благо просвещение» пополнился сотнями новых экспонатов, которые до сей поры радуют посетителей.

Бурные исторические реалии (Первая мировая война, революция, которую Местергази принял всем сердцем, Гражданская война) свели на нет возможность зарубежных путешествий, и научные интересы Местергази переместились в область эволюционной биологии. В 1927 году были изданы его работы «Наследственность и её законы», «Место человека в природе», «Происхождение домашних животных и культурных растений» в которых он выступает популяризатором и приверженцем теорий признанных ученых-генетиков Н. И. Вавилова, Н. К. Кольцова и других. Академик Н. П. Дубнин в своей книге «Вечное движение. (О жизни и о себе)» (1989) вспоминал:





«неоднократно появлялся у нас также Михаил Михайлович Местергази. Он был в то время преподавателем биологии в Академии коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской и в Коммунистическом университете трудящихся Востока, занимал исключительно ясную позицию в вопросах генетики и эволюции и оказал большое влияние на биологов-марксистов своей книгой и устными выступлениями. Высокий и худой М. М. Местергази своей пылкостью, светлым и добрым взглядом всегда напоминал мне рыцаря, в котором воплощён дух искания и правды всех времён, Дон Кихота Ламанчского».

В 1920–1930-х годах М. М. Местергази — с 1921 года член РКП(б) — преподаватель ряда университетов Москвы; редактор издательства «Учпедгиз» и «Советская наука».

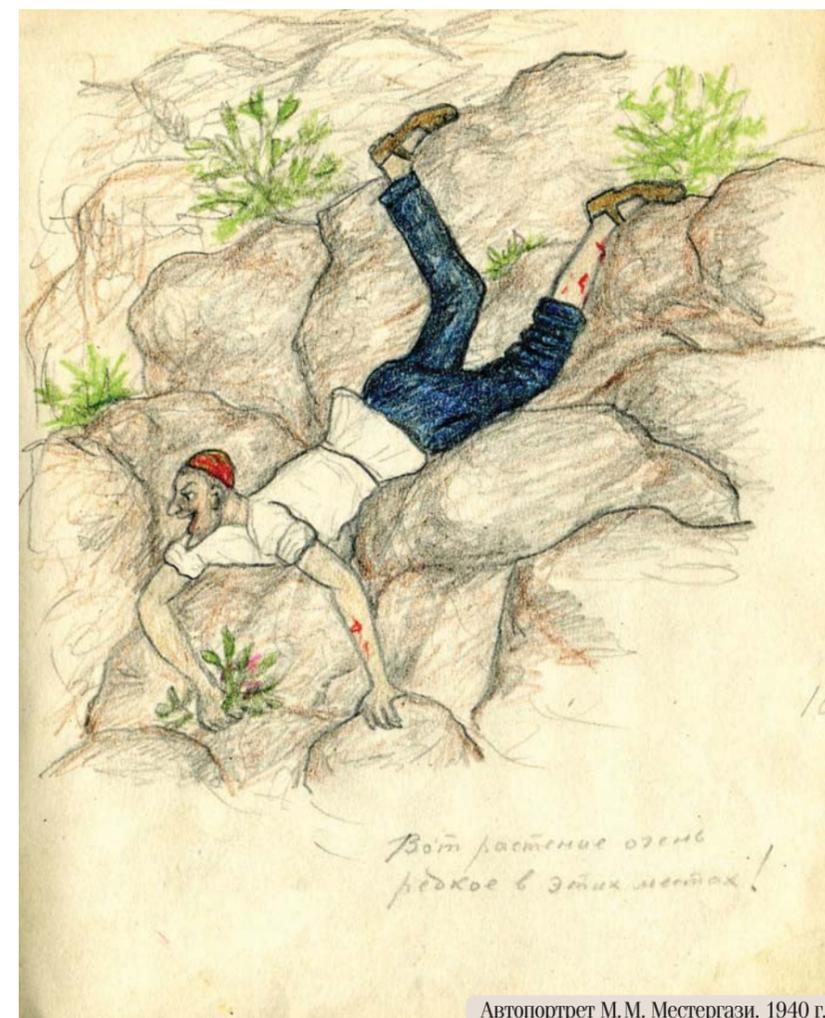
Он прекрасно владел техникой научного рисунка, и в фондах нашего музея хранятся несколько альбомов с путевыми рисунками (1910, 1914 и 1930-е гг.). Последние, 1930-х годов, по-прежнему говорят о Местергази как об энергичном, неуёмном путешественнике по югу России.

В эвакуации (Томск, 1941–1943 гг.) Местергази активно работал над диссертацией «Человек как фактор изменения животного мира»; закончил её уже по возвращении в Москву, в 1944 году. При попытках защитить диссертацию Михаил Михайлович столкнулся с критикой своей работы сторонниками академика Т. Д. Лысенко, переводящими в «идеологическую плоскость» все научные работы, не соответствующие концепции «мичуринской науки». Лишь через 5 лет после написания работы, в 1949 году, диссертация была защищена; тогда же Михаил Михайловичу было присвоено звание доцента. Но результатом всяческих тревог была болезнь, инфаркт и скорая смерть в 1954 году. Дон Кихот устал сражаться с ветряными мельницами.

В нашей жизни часто цитируются слова Бориса Мильграма: «Вся жизнь человека, если посмотреть на то, что от неё остаётся, уместится в тире между датой рождения и датой смерти». Тире Михаила Михайловича Местергази — хорошие, добрые воспоминания многих людей о его порядочности, честности и принципиальности и целый музей, который создан для «благотворного просвещения».



Броненосец (армадилла). Рисунок М. М. Местергази. 1914 г.



Автопортрет М. М. Местергази. 1940 г.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЭТЮДЫ

КАЛУЖАНЕ В ВЕРОНЕ



Наверное, нет ничего лучше и волшебнее случая, чем тот, что выпал в первые дни весны калужанам, оказавшимся в составе делегации, приглашённой в Италию, в город Верону для участия в знаменитом карнавале «Васапал». Город Ромео и Джульетты ежегодно проводит этот карнавал вот уже... 489 лет! И поэтому веронский «Васапал» вполне заслуженно считается старейшим карнавалом мира, более старшим по времени, чем даже праздничные шествия столицы карнавалов Рио-де-Жанейро или известный по книгам и фильмам Венецианский карнавал.

Праздник, живущий целые столетия, давно приобрёл характер символа. И участие в нём тоже очень символично и почётно. Вот уже пятый год Культурная ассоциация «Русский дом» в Вероне проводит в день традиционного карнавала Международный фестиваль костюма народов России. В этот раз его участниками стали коллективы из Москвы, Воронежа, Якутии и Калуги. Калужская делегация отправилась в Италию по инициативе Губернатора Калужской области А. Д. Артамонова, справедливо считающего, что имя нашего города должно звучать в мире, на международных конкурсах, фестивалях и таких знаменитых праздниках, как в Вероне.

В ходе поездки калужане посетили два города — Верону и Венецию, увидели их в роскошной праздничной атмосфере, в которую окунулись с головой, и было полное ощущение, что все вдруг попали в сказку. Между Вероной и Венецией много лет существует негласное соперничество — чей карнавал древнее и лучше. Веронцы считают свой более древним и стараются перещегоолять венецианцев и в организации, и в зрелищности и пышности происходящего.

Верона была первым городом в запланированной программе, а вся поездка заняла меньше недели: с 28 февраля по 4 марта. Но каждый день был чрезвычайно насыщен!

Первое впечатление от Вероны: красивейший старинный город, заполненный множеством празднично одетых людей (вся Верона высыпала на улицы) и нескончаемое шествие по улицам разноцветных, пёстрых, блестящих, сверкающих карнаваловых колонн, где каждый идущий представляет какой-то особый, оригинальный — театральный, исторический, фантастический — костюм. Повсюду мелькают невероятные головные уборы, всевозможные маски. Карнавал — любимейший общегородской праздник веронцев, все жители, все районы города принимают в нём участие. Много разных команд включается в процессию, в том числе из других городов и даже из других стран. Командам присваиваются номера, и утром карнавалового дня эти номера публикуются. Люди узнают — кто, когда и под каким номером выступает.

В европейском понимании карнавал — это массовое костюмированное праздничное шествие по городским улицам, которое проходит в течение всего дня, с музыкой, с игровыми затеями, цирковыми номерами. Участники шествия проходят по городу в специально изготовленных костюмах, в масках. Быть одетым по-карнаваловому — неперемное условие!

Следует отметить, что карнавал — не демонстрация и совершенно не несёт политической окраски. Никаких лозунгов, призывов к чему-то. Только — музыка, танцы, игры, показ нарядов, костюмов. Горожане выстраиваются вдоль улиц по маршруту прохождения карнаваловых колонн. А колонны бесконечные, огромные. Все приветствуют идущих, и те, в свою очередь, приветствуют публику. Очень много детей. В сущности, дети — главные на этом празднике, они стоят в первой линии вдоль городских улиц. Их одаривают чем-нибудь сладким, осыпают разноцветным конфетой. Дети, которые тоже одеты во всевозможные костюмы, бросают идущим свои конфеты. Идёт всеобщий смешной «обмен любезностями». Праздник, ликование, музыка, игры — всё это длится целый день: с утра до вечера.

Люди идут медленно, задерживаясь на площадях, показывая концертные номера и выслушивая приветствия от городских властей. Такое медленное перемещение с паузами, с остановками, создаёт особую карнаваловую атмосферу. Карнавал — не митинг, на который пришли, послушали и разошлись, а нечто противоположное. По свидетельствам участников, это даёт огромный заряд бодрости! Калужане, проведя на ногах целый день, не только «остались живы», но даже



Калужская делегация на карнавале в Вероне



Карнавальное шествие в Вероне



Карнавал в Вероне



Карнавальное шествие в Венеции



Карнавальные костюмы



Полина Замкова с флагом Калужской области на карнавале в Вероне

не устали. И это не смотря на то, что во время шествия некогда было ни присесть, ни выпить воды, колонна двигалась по узкому коридору между толпами людей, построенных в несколько рядов. Кроме того, люди выглядывали из окон домов, стояли на балконах. Выражение «яблоку некуда упасть» полностью применимо к ситуации на карнавале.

Из России в Италию приехала достаточно большая делегация: три команды из Москвы, команда из Калуги, и ещё две команды — из Воронежа и из Республики Саха (Якутия). Все приехавшие участвовали в карнавальном шествии, таково было условие поездки. Известная калужанка, исполнительница народных песен Полина Замкова, одетая в народный костюм, несла флаг Калужской области. Возглавляла российскую колонну Марина Холодёнова, руководитель Культурной ассоциации Русский Дом в Вероне, — она была в costume Русской зимы.

Второй день пребывания калужан в Италии был отмечен не менее ярким событием. Делегация переместилась в Венецию, где наблюдала уже Венецианский карнавал. Некоторые из россиян (представители Якутии) выступили на площади Святого Марка. Остальные являли собой группу поддержки. Все команды из российской делегации приезжали в Италию уже пятый год подряд. Калужане участвовали в карнавале впервые.

Событием третьего «итальянского» дня стал конкурс костюмов, состоявший из нескольких отделений. Калужане приняли участие в конкурсе исторического костюма, в той его части, которая называлась «Костюм в миниатюре», а следующая часть конкурса носила название «Костюм Джульетты». Выступления проходили в Театре Святой Терезы, в самом центре Вероны. Зал был абсолютно заполнен, не было ни одного свободного места. Жители Вероны приходили в театр семьями, непременно наряженными, в красивых одеждах, и болели за выступавших активно, эмоционально, часто и бурно аплодируя.

Полина Замкова, представлявшая Калужскую область, выступила с очень красивым, оригинальным номером. Он состоял из показа костюма и песни. Костюм, в котором она вышла на сцену, прибыл из Вены из собрания известного коллекционера и реставратора Аллы Денисовой. Это — праздничный костюм крестьянки Жиздринского уезда Калужской губернии, костюм середины XIX века. Его своими руками сделала Алла Денисова в точной копии исторической одежды. Певица, профессионально занимающаяся



Выступление Полины Замковой на сцене Театра Святой Терезы (Верона)



Ассоциация Русский Дом в Вероне



Президент Ассоциации Русский Дом в Вероне Марина Холодёнова (слева) и Анна Сенатова

фольклором, подобрала для исполнения песню именно Жиздринского уезда. Таким образом, номер получился исторически совершенным, законченным. Песня исполнялась без музыкального сопровождения, а саррелла, и публика в полной мере оценила мастерство и красоту голоса калужанки. Во время выступления Полины в зале потушили свет, что придало номеру особую красоту и эффектность.

—Итальянцы были удивлены номером, который я представила,— рассказывает Полина Замкова.— Сама подача песни была для них необычной и непривычной. Интерес и удивление публики я ощущала на сцене, во время выступления. Дело в том, что я не сразу начинала петь. Выйдя из-за кулис, я где-то минуту до начала песни делала такое... сложное звуковое вступление, имитируя голосом всевозможные лесные звуки, голоса природы. И это стало неожиданностью для итальянцев, я думаю, приятной неожиданностью, поскольку зал просто замер. Люди не понимали, что происходит на сцене, но такое нестандартное начало номера разжигало любопытство. А потом я начинала петь, причём—петь в нашей традиционной калужской манере, стараясь передать языковую, мелодическую этнографичность народной песни. В хорошем смысле итальянцы были шокированы, и мне как артистке это приятно,— всегда ведь хочется чем-то удивить людей, запомниться. Хотя, веронская публика, на мой взгляд, не совсем понимала, откуда именно, из какой части России мы приехали. Видя нас, узнавая в нас русских, участники карнавала кричали «Москоу... Москоу...». В сущности, для них вся Россия укладывается в одно слово—Москва.

Конкурсные показы проходили долго, команды приехали с большим количеством костюмов. Были группы по двадцать человек и больше, им нужно было время, чтобы переодеться и подготовиться. В основном, представлялись сценические костюмы, театральные. Калужский исторический костюм заметно выделялся на общем фоне. В результате, делегация калужан была удостоена награды «За сохранение русских традиций».

Из Калуги в Верону приехали глиняные игрушки, выполненные



Полина Замкова получает награду на сцене Театра Святой Терезы

по мотивам старинного промысла знаменитой деревни Хлуднево. Нарядные барыни, созданные в мастерской керамики Калужского Инновационного Культурного Центра, победили в номинации «Костюм в миниатюре» и получили диплом I степени. Как память о калужанах, глиняные игрушки поступили в дар

Культурной ассоциации «Русский дом» в Вероне.

Расставаться с гостеприимной Вероной было грустно, но всех согревала надежда ещё раз вернуться сюда через год и снова оказаться в сказке, снова пронести Калужский флаг по переполненным людьми весёлым карнавальным улицам. 🇷🇺



Заслуженная награда

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НАРОДНЫХ ПРОМЫСЛАХ МОСАЛЬСКОГО УЕЗДА

Вадим Востриков,

*заведующий отделом традиционной культуры
ГБУК КО «Калужский областной центр народного творчества»*

Калужский край имеет богатейшие традиции народного искусства. Уже в начале XVI века калужские кустарные изделия приобретают широкую известность. Это в основном упоминания об искусной выделке деревянной посуды. Переписная книга 1617 года даёт очень пёструю картину промыслов, здесь кузнецы, гончары, иконники, сапожники, бондари и многие другие. К началу XX века в Калужской губернии было около 75 разновидностей промыслов.

Широка и разнообразна палитра кустарных промыслов Мосальского уезда.

По сохранившимся сведениям XIX — первой половины XX века, мы можем наблюдать все характерные для центральной России направления ремёсел, которые обеспечивали трудовую занятость и домашний обиход крестьянина. Остановимся на наиболее значимых.

Обширную часть западных земель бывшего Жиздринского и Мосальского уездов относили к «полесью». Обилие лесов способствовало развитию ремёсел, связанных с древесиной. Из источников известно о наличии санного и тележного, колёсного, самопрялочного, бондарного, мебельного и других. Вплоть до первой начала XX века деревообделочные промыслы были сосредоточены в Жиздринском и Мосальском уездах. Следует упомянуть о ковшечном,

савочном, чашечном производстве, которым занимались в Парфёновской и Сильковской волостях Мосальского района. Также искусно изготовляли рубели, прялки, вальки, богато орнаментированные трехгранно-выемчатой резьбой.

Распространённым промысловым направлением было плетение из лозы и лыка. Изготавливали мебель, корзины, различные предметы домашней утвари. Изделия отличались высоким качеством и часто сбывались за пределами губернии. В 20-е годы XX века была известна Бушневская артель, образованная в Жуковской волости Мосальского уезда. Плетением корзин ещё активно занимались в 90-х годах прошлого века.

Рогожий промысел был развит в Морозовской и Лазенской волостях, ткали рогожи практически все жители. Когда-то рогожное полотно служило универсальным материалом из природного сырья. Из него шили мешки, различные виды упаковки, рабочую одежду, покрывала для мебели, половики и многое другое. Исходным сырьём для производства был липовый луб, который после длительной обработки — замачивания в ямах под спудом, превращался в мочало, непосредственно из которого ткали рогожи. Делали это при помощи примитивных деревянных станков, в работе одновременно было занято по 3–4 человека. Первичным продуктом ткачества являлось рогожное полотно — грубое, но очень плотное.

Мосальская земля издавна славилась выращиванием и переработкой льна. В то время в губернии работала целая сеть небольших льнопроизводств. В 1917 году в городе Мосальске был открыт Мосальский промышленный комбинат, на который сдавали сырьё не только местные льноводы, но и соседних



Престольный праздник на площади в Мосальске. Торговля гончарной посудой



Большая ярмарка в Мосальске



Сборная ярмарка в Мосальске в наши дни



Торговля валенками на сборная ярмарке



Демонстрация ремесла мастеров Мосальского района



Колодки для валяния валенок



Льняные куклы мастера Татьяны Родиной



Валенки. Мастер Владимир Лобачёв



Плетение из лозы



Вышивка Мосальского района

районов. Изготавливали полотно, пряжу, крутили верёвки, а из семян льна били вкусное масло. В крестьянских семьях из очесов льна и льняного волокна делали простые игровые куклы для детей. В настоящее время эту традицию продолжает мосальская мастерица Татьяна Родина.

Важным атрибутом народного быта на Руси были валенки. Валянием занимались повсеместно. В Мосальске последнее предприятие, занимавшееся валяной обувью, закрылось в конце XX века. В 2004 году мосальчанин Владимир Лобачев решил возродить старинное ремесло и начал валять валенки. Приехав в гости к мастеру, можно увидеть старинную шерстобитную машину, деревянные колодки и посмотреть живую все стадии изготовления валенок.

Из прочих ремёсел на территории Мосальского района бытовало гончарство. Те образцы, которые сохранились в музеях и уголках народного быта, говорят о наличии простой крестьянской поливной посуды

утилитарного характера, не обладающей сложным художественным декором. Выполнялась местными гончарами для локального применения.

Также практически в каждом селе занимались ткачеством и вышивкой для повседневных нужд, вырабатывали холсты и полотно, о чём свидетельствуют экспедиционные материалы Калужского ОЦНТ (д. Людково, д. Долгое, д. Воронино). До сих пор на чердаках старых домов можно найти ткацкие станы, дорожки в технике закладного узорного ткачества.

Большая доля изделий мосальских кустарей сбывалась на ярмарках вместе с продукцией сельского хозяйства. Стоит упомянуть Казанскую, Георгиевскую, Трёхсвятскую, проходящих ежегодно в г. Мосальске. Сейчас в городе проводятся Георгиевская и Сборная ярмарки.

В настоящее время в Мосальском районе работают мастера по лозоплетению, валянию валенок, текстильной и льняной кукле, вышивке и другим ремёслам. ■

ФОТОАЛЬБОМ

ЦЕРКОВЬ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В СЕЛЕ БОРОВЕНСК ВОЗРОЖДАЕМОГО ФЕРАПОНТОВА МОНАСТЫРЯ



Свято-Успенский Ферапонтов монастырь в селе Боровенск — один из древнейших монастырей Калужского края. Его история несёт в себе и времена расцвета, и период длительного забвения. Возникший в конце XIV, через 2,5 века он был упразднён в 1764 г. На сегодня от монастыря остался один красивейший храм — церковь Успения Пресвятой Богородицы.

Составитель изданного в 1863 г. «Церковно-исторического описания упразднённых монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии» иеромонах Леонид (Кавелин) излагал историю обители так:

«Ныне приходская церковь нескольких окрестных деревень (из коих ближайшая — Боровна) находится от Мосальска в 10, от Мещовска в 20 верстах и от Юхнова в 30 верстах, на притоке Боровенке. Этот монастырь вместе с Боровским Пафнутьевым и Калужским Лаврентьевым до штатов 1764 года принадлежал к Синодальной области, и по ведомости 1744 г. за ним числилось 2887 душ крестьян. По преданию, основан одним из учеников преподобного Сергия Радонежского священно-иноком Ферапонтом, который и был первым настоятелем сего монастыря.

Блаженный Ферапонт, как говорит то же предание, принёс с собой на утверждение новосозданной им обители благословение своего наставника — икону Успения Божией Матери. (Эта икона хранилась в храме вплоть до его закрытия в 1935 г., сейчас утеряна. — Прим. ред.)

Благочестивое местное предание рассказывает о начале монастыря следующие подробности: «Блаженный Ферапонт, ища места для основания пустынножительства,

пришёл сюда в то время, когда вся окрестность нынешнего села Боровенска была покрыта густым сплошным бором (остатки которого видны ещё и доселе), нося с собою драгоценный залог, благословение своего старца — икону Успения Божией Матери. Утруждённый от пути, он лёг под тенью одного из вековых деревьев, поставив на него образ, но, проснувшись, не нашёл того на своём месте. Объятый недоумением, но не потеряв упования на свою божественную путеводительницу, Ферапонт по долгом искании нашёл икону в глубине леса на одной из сосен... До трёх раз повторялось чудесное исчезновение иконы и обретение её в одном и том же месте. Приняв это за указание, что Мать Божия благословила избрать сие самое место для вселения на нём своей знаменосной иконы, блаженный Ферапонт, собрав братию, соорудил тут обитель и, пожив в мире лета долга, по сёмм возлёг здесь же на вечный покой в основанной им же первоначально деревянной церкви в честь Успения Божьей Матери».

История обители с конца XIV века и до середины XVIII столетия практически неизвестна из-за отсутствия письменных свидетельств. До нашего времени дошёл монастырский Синодик (список с перечислением имён для поминовения во время богослужения), заведённый в 1752 г. Более-менее точные сведения о монастыре относятся к последнему десятилетию перед его упразднением.

Важнейшим событием в монастырской жизни того времени стала закладка (начало строительства) в 1754 г. двухэтажной каменной церкви с колокольней. Строилась она целых 12 лет. Наконец, 15 мая 1766 г. церковь



Последний священник храма Успения Пресвятой Богородицы в с. Боровенск перед закрытием церкви в 1935 г. отец Андрей Азбукин



План Боровенского монастыря с бывшими владениями с планом села Боровенск 1776 г.



Село Боровенск. 1944 г.

освятили в честь Успения Божией Матери. Большое содействие в завершении строительства и освящении храма оказал казначей Коллегии экономии синодального правления Российской империи, в чье ведение перешли вотчины упразднённого в 1764 г. монастыря, секунд-майор Иван Петрович Бегичев.

Как уже говорилось выше, Ферапонтов Боровенский монастырь в 1764 г. был упразднён. Монастырская братия переведена в Мещовский Свято-Георгиевский мужской монастырь. Более полутора столетий Боровенская Успенская церковь была приходом окрестных деревень, являя собой зримую память о некогда славном старинном монастыре. Но в 1935 г., в разгар богоборчества, храм был закрыт, и его дальнейшая судьба была схожа с судьбами множества храмов, закрытых в советскую эпоху: там размещался сепараторный пункт, склады...

Все монастырские постройки были разрушены, утварь и имущество утеряны.

Прошли годы и в новом XXI столетии Успенская церковь получила своё второе рождение, но уже... как храм возрождаемого Свято-Успенского Ферапонтова монастыря.

Церковь с пределами Успения Божией Матери, Рождества Христова, святителя Николая Чудотворца и святителя Василия Великого, объект культурного наследия федерального значения, — выдающееся произведение искусства и до сих пор впечатляет своими формами, напоминая выдающиеся памятники Новгородской, Ростовской и Ярославской областей, а отчасти и Вознесенский храм в подмосковном Коломенском.

Объём церковного здания — 15 000 куб. м. Это грандиозное сооружение построено в традициях двухэтажных монастырских храмов «кораблём», с колокольней и переходами. Вход в нижнее отделение, которое было

занято трапезой, кухней и погребями, ведёт через арку. Под аркой направо находился вход в церковь, а налево — в тёплую сторожку. Трапезная выполнена в виде плоских сводов, опирающихся на квадратный столб. С запада вверх вели два крытых входа по обеим сторонам трёхъярусной колокольни. Два больших окна освещали продолговатую галерею.

Роспись церкви Успения, даже в нынешнем аварийном состоянии, является выдающимся памятником монументального искусства второй половины XVII и первой трети XIX веков, значение которого выходит за пределы Калужской области.

В 2007 г. церковь Успения была передана Калужской епархии. В настоящее время усилиями Песоченской епархии Калужской митрополии и Администрации Калужской области, частных благотворителей, а также неравнодушных жертвователей и прихожан храм и монастырь восстанавливается. В октябре 2013 года по благословению митрополита Калужского Климента из числа братии Свято-Георгиевского Мещовского мужского монастыря, куда в своё время была переведена братия упразднённого монастыря, был назначен настоятель возрождаемого Ферапонтова монастыря — иеромонах Андрей (Синицин).

19 июля 2015 года, в день памяти основателя монастыря Ферапонта Боровенского при большом стечении народа проведена праздничная Божественная литургия, возглавляемая Архипастырями Калужской митрополии в сослужении духовенства и при участии высокопоставленных гостей, а также губернатора Калужской области А. Д. Артамонова и представителей областной администрации. С тех пор в храме возобновились регулярные Богослужения.



Свято-Успенский храм (архивные снимки советского времени)

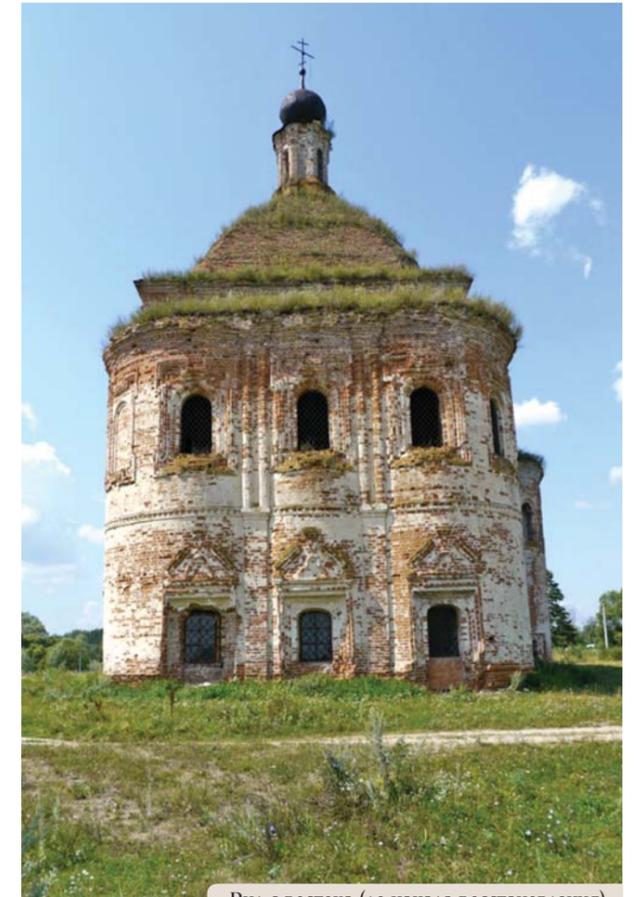
Уцелевшие фрески Свято-Успенского храма



Свято-Успенский храм в с. Боровенск



Верхняя паперть (до начала восстановления)



Вид с востока (до начала восстановления)



Место захоронения монастырской братии



Макет Свято-Успенского Ферапонтова монастыря

В настоящее время разработана «Программа проведения работ по сохранению объекта культурного наследия федерального значения «Церковь Успения, 1754–1766 гг.», ведутся работы по возрождению Ферапонтова монастыря, строительство братского корпуса и других монастырских помещений, а также обнесение оградой территории монастыря.

Уже отреставрирован и позолочен крест на центральном куполе. Оборудована трапезная, причём — в том же помещении храма, где она исторически и находилась. Основан приходской музей. Ведутся ремонтные работы в церковных пределах.

Ежегодно в возрождаемом монастыре особо отмечаются праздники: 19 июля — день памяти основателя монастыря преподобного Ферапонта Боровенского; 28 августа — престольный праздник Успения Пресвятой Богородицы, принять участие в которых приезжают гости и паломники из Калужской и других областей нашей необъятной Родины.

На сегодняшний день все желающие могут и помолиться перед хранящимися в храме главными святынями возрождаемого Ферапонтового монастыря:

- старинной иконой святителя Николая Чудотворца с частицей Его мощей. После закрытия храма в 1935 году икона хранилась в благочестивой семье г. Мосальска. 28 августа 2015 года во время торжественного богослужения икона была возвращена в храм;

- ковчегом с мощами святых священномученика Киприана и мученицы Иустинии;

- списком с чудотворной «Кикской» иконы Божией Матери, по преданию написанной святым апостолом Лукой.

Пусть и с большими трудностями, но неуклонно, идёт возрождение древней Православной обители. И это — один из признаков духовного возрождения России. ❏



Архиепископ Песоченский и Юхновский Максимилиан и настоятель Свято-Успенского храма о. Андрей (Синицин)



Первая литургия после начала возрождения храма. Архиепископ Калужский и Боровский Климент. 19 июля 2015 г.



Молебен перед Калужской иконой Божией Матери. Июль 2016 г.



Трапезная Свято-Успенского храма (после восстановления)



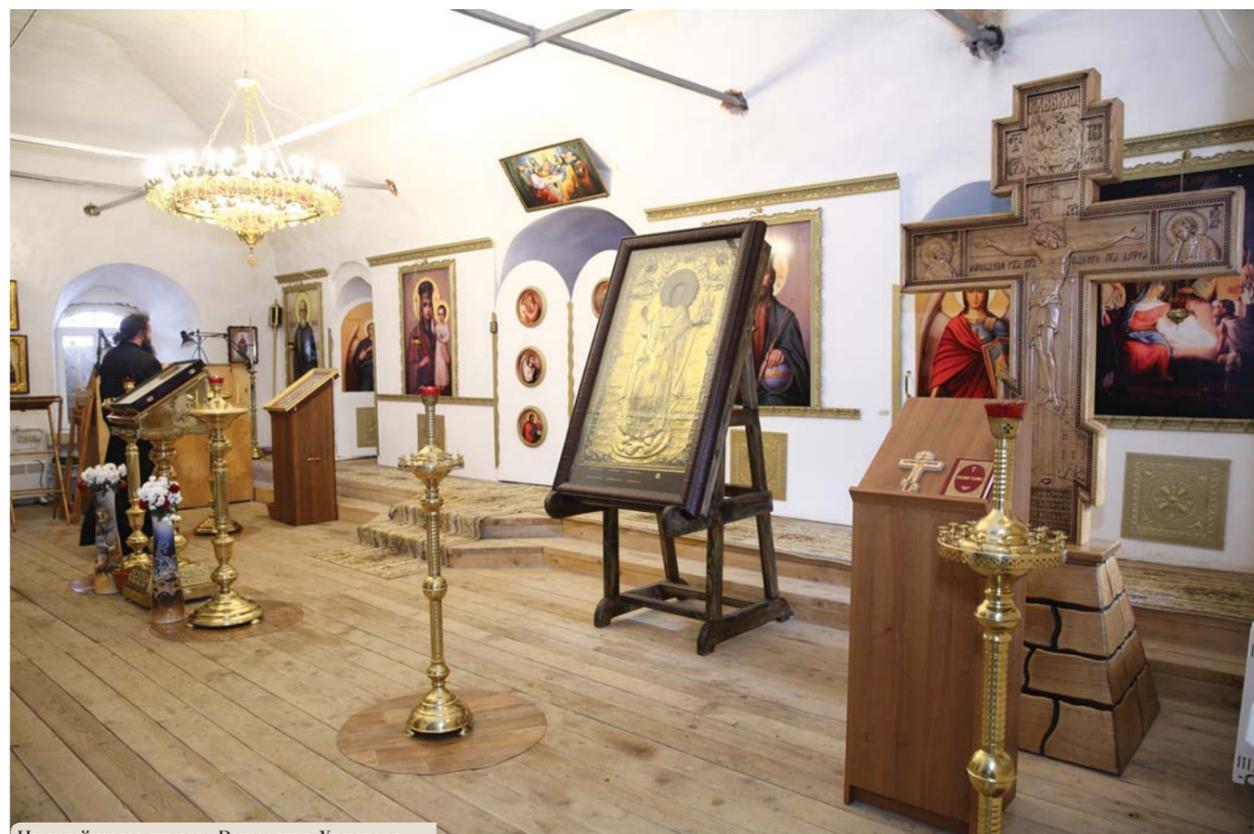
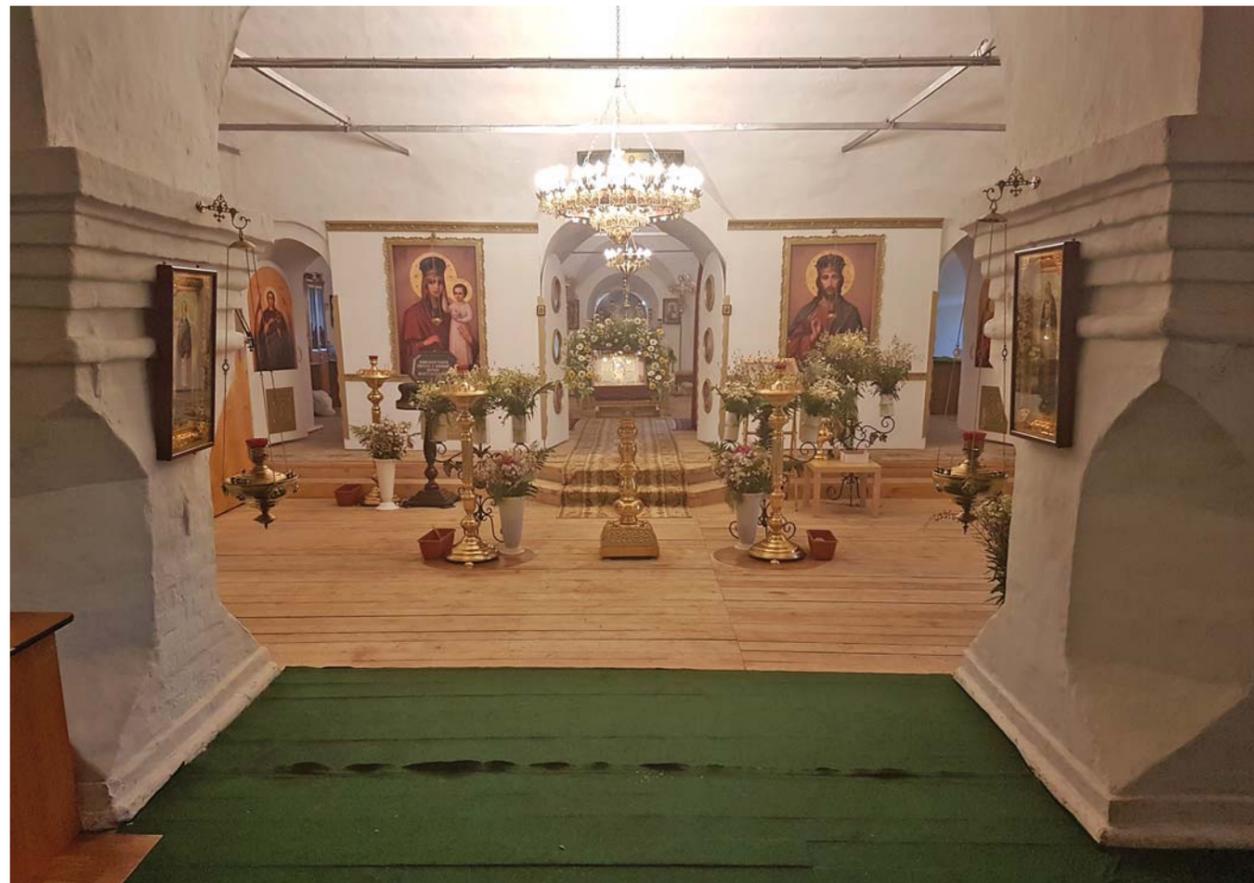
Молебен на установку креста на купол храма. 13 июня 2017 г.



Свято-Успенский Феропонтов монастырь после установки креста



Праздник Феропонта Боровенского. 19 июля 2017 г.



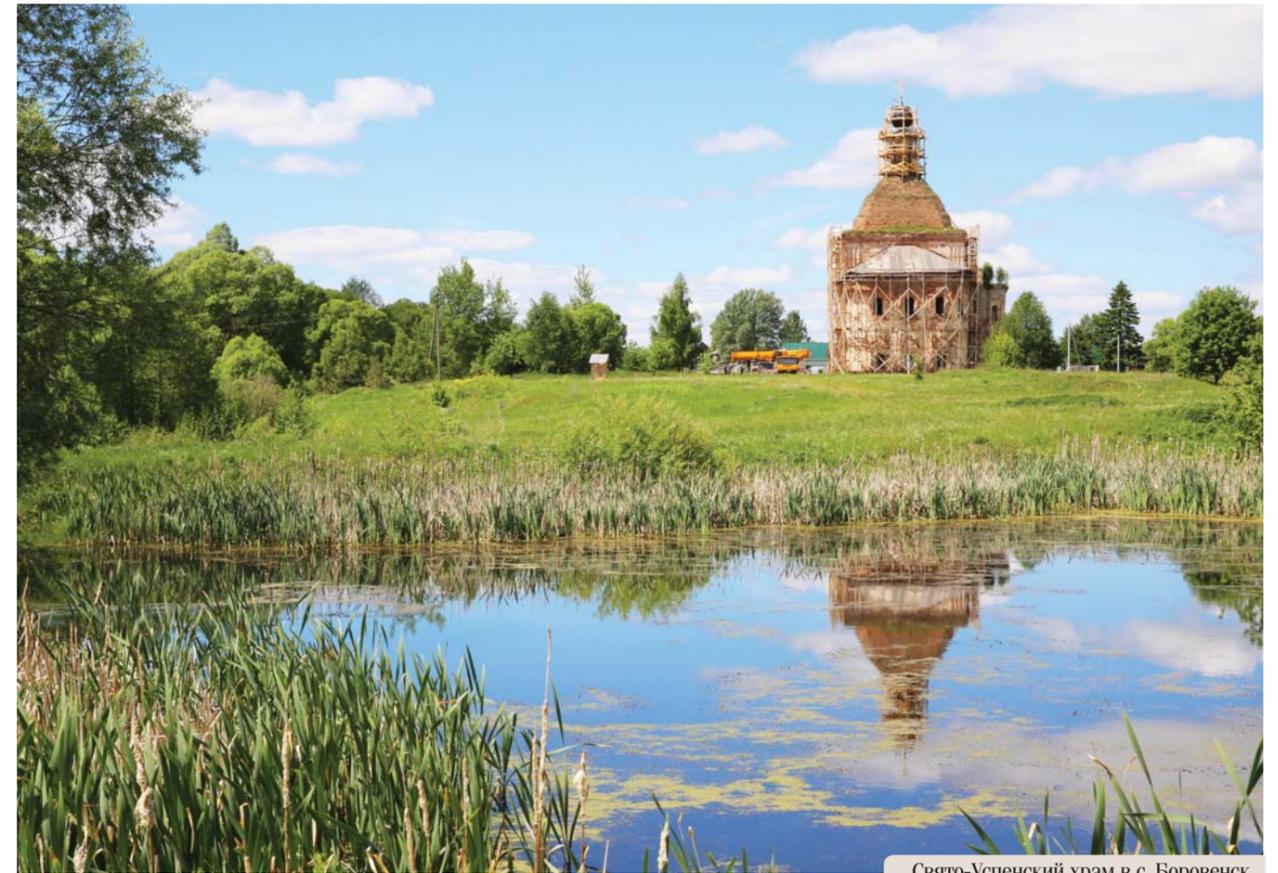
Нижний храм, придел Рождества Христова



Музейная экспозиция Свято-Успенского храма



Посетители музея Свято-Успенского храма



Свято-Успенский храм в с. Боровенск



Настоятель Свято-Успенского храма о. Андрей (Синицин) и послушник Михаил (Тринько)

